



*Базыма Б.А.; Психология цвета: Теория и практика; Изд:Речь 2005
ISBN 5-9268-0363-2*

Цвет и психика

В монографии освещаются различные аспекты взаимосвязи цвета и психики человека. Рассматривается история развития цветовой символики. Описывается психофизиологическое и психологическое воздействие цвета на человека. Анализируются факторы и механизмы цветовых предпочтений. Приводятся обширные данные об особенностях восприятия и отношении к цвету при шизофрении и других психических заболеваниях. Обсуждаются актуальные вопросы цветовой психодиагностики. Особое внимание уделяется цветовому тесту Люшера, как одной из наиболее распространенных методик цветовой психодиагностики. (Базыма Борис Алексеевич, кандидат психологических наук. — *Цвет и психика. Монография. Харьков, 2001*).

На зеленой траве — желтые одуванчики.
Обманщики!
Золота груды.
Подходи, пруды пруди.
Есть и изумруды.
Господи! За что такое искушение?
На зеленой траве — желтые одуванчики.
Обманщики!

Введение.

Многие из нас в детстве развлекались тем, что прикладывали к глазам цветные стеклышки: вот синее стекло — мир становится серьезным, строгим, печальным; желтое — непроизвольно хочется улыбнуться, все кажется праздничным, даже если день пасмурный. Несерьезное, бессмысленное занятие?

Со времен И. Ньютона цвет почти утратил свои магические, ритуальные функции. Когда-то цвета считались, чуть ли не божествами, но объективная наука доказала, что цвет — лишь субъективное ощущение, возникающее при воздействии на зрительный анализатор электромагнитной волны определенной длины. Оно объективно зависит от характеристик преломления, отражения и поглощения световых волн тех сред и поверхностей предметов, которые находятся между источником излучения и глазом человека, а также в поле его зрения. Субъективно человек может цвета не ощущать (цветовая слепота), либо воспринимать их искаженно (дальтонизм). Объективные аспекты цветового зрения изучаются физической оптикой, субъективные — физиологической и психологией цветового восприятия.

Нравится ли человеку какой-либо цвет, что он думает о нем, какие ассоциации он у него вызывает, ни физиологическую, ни, тем более, физическую оптику не интересует, впрочем, как и психологию цветового восприятия. Это, отнюдь, не означает, что нет таких наук, для которых подобные вопросы представляли бы интерес. Однако для большинства из них они являются второстепенными (этнография, психология эмоций, цветоведение и т.д.).

Наука, для которой они могут считаться основными, называется, может быть не совсем удачно, психологией цвета. Ее предметом являются взаимосвязи цвета и психики. В сферу ее интересов входят влияние цвета на психическую деятельность человека, объективация посредством цвета психических процессов и состояний, цветовая психодиагностика и т.д.

На сегодняшний день цветовая психология — эмпирическая наука. Одним из главных препятствий на пути создания научной теории взаимосвязи цвета и психики является недостаточная степень систематизации и обобщения накопленных фактов, касающихся отношения цвет-психика. Предлагаемая читателю монография является попыткой преодолеть это препятствие.

ГЛАВА 1. Цветовой символизм в истории и культуре человека

Проблема цветового символизма является одной из центральных при изучении взаимосвязей между цветом и психикой. Происхождение цветового символа, его содержание, отношение к

тем или иным явлениям и событиям в жизни людей, межкультурные различия в цветовой символике — вот одни из главных вопросов этой проблемы.

Количество цветковых символов достаточно ограничено. Наиболее часто в этом качестве используются т.н. «основные цвета», к которым, обычно, относят белый, черный, красный, синий, зеленый, желтый и фиолетовый. Этот список может меняться в зависимости от конкретной культуры. Попытки ввести жесткие критерии, позволяющие отнести тот или иной цвет к «основным», либо нет, не увенчались успехом. Содержание понятия «основной цвет» далеко не однозначно. Более подробно с этой проблемой можно ознакомиться в работе Р.М. Фрумкиной «Цвет, смысл, сходство» (1984).

Можно выделить три основных типа цветовой символики. Цвет сам по себе (т.е. изолированно от других цветов и форм) представляет собой первый тип цветкового символа, отличающийся многозначностью и противоречивостью. Вторым типом цветкового символа является цветковое сочетание, содержащее два и большее число цветов, составляющих символическое целое, смысл которого не сводится к сумме значений отдельно взятых цветов. Соединение цвета и формы представляет собой третий тип цветкового символа — символика цветных форм, причем, как абстрактных геометрических фигур (круг, квадрат, треугольник), так и конкретных физических предметов, например, символика драгоценных камней.

Кроме наглядно-чувственных, визуальных форм цветкового символа, существует и языковые, речевые — «цветовые метафоры». Они широко используются в бытовой и литературной речи, и стали неотъемлемым компонентом современных языков, причем, многие из них возникли сравнительно недавно (например, «синий чулок»).

Цветовая символика имеет древнейшее происхождение, возникнув в те времена, когда человек научился добывать, и использовать природные краски. С тех пор цветовой символизм прошел большой путь. Традиции цветовой символики сейчас, во многом, утеряны особенно в индустриальных странах, в которых преобладает утилитарное отношение к цвету.

С момента своего возникновения цветовой символизм самым тесным образом был связан с магией и религией. Цвет рассматривался как атрибут магических, сакральных, божественных сил, а в определенных случаях и как само божество. Само деление магии на «белую» и «черную» свидетельствует о важнейшей роли цвета в магических ритуалах. Роль цвета в религиозном сознании людей, особенно древних, трудно переоценить. Как показывают археологические, исторические и этнографические исследования мистические представления человека и цветовая символика были тесно взаимосвязаны.

1.1. Цвет и магия у первобытных народов

В наскальной живописи первобытных народов чаще всего встречаются три цвета — белый, черный и красный, что позволяет сделать вывод об особой роли этих цветов в жизни древних людей. Как подчеркивают различные исследователи, преобладание этих красок нельзя объяснить, например, легкостью их добычи. Ведущее значение этих трех цветов подтверждается изучением магических обрядов первобытных народов современности, живущих в Африке, Южной Америке и т.д. Особая заслуга здесь принадлежит английскому

этнографу В. Тэрнеру (1983), собравшему большой фактический материал по «цветовой классификации» у первобытных народов, в частности, африканского племени Ндембу.

Наблюдения за обрядами и ритуалами Ндембу, а также беседы с членами племени, позволили В. Тэрнеру подробно описать символические значения трех «основных» цветов в жизни первобытного человека.

Ндембу связывают эти цвета с тремя реками (сущностями) одного Бога, который ими представлен. Конкретные символические значения каждого цвета (реки) следующие.

БЕЛЫЙ

- | | |
|-------------------------------------|---|
| 1. Благо; | 11. Охотничья доблесть; |
| 2. Источник сил и здоровья; | 12. Щедрость; |
| 3. Чистота; | 13. Поминание духов предков; |
| 4. Безбедность; | 14. Дружелюбие; |
| 5. Сила; | 15. Поедание пищи; |
| 6. Отсутствие неудач, слез, смерти; | 16. Размножение; |
| 7. Главенство или власть; | 17. Явность для глаза (ясность, открытость, доступность); |
| 8. Встреча с духами предков; | 18. Возмужание или созревание; |
| 9. Жизнь, здоровье; | 19. Омовение; |
| 10. Зачатие или рождение ребенка; | 20. Отсутствие насмешек. |

Среди приведенных значений мы не обнаруживаем ни одного отрицательного. В целом, белый цвет означает для Ндембу благо, добро, счастья, развитие.

Это обобщенное значение белого универсально для всех первобытных народов, как древности, так и современности. Белый для них — символ бытия, мира, жизни.

Белая краска использовалась в тех магических ритуалах первобытных людей, в которых они апеллировали к силам добра и жизни или защищались от воздействия злых духов и божеств. Белый цвет привлекал добрых богов, и отпугивал злых. Наиболее важными из этих ритуалов были ритуалы, посвященные рождению, инициации, браку и смерти.

Остановимся более подробно на роли белого в ритуале похорон. Белый цвет для древних не имел отрицательных значений, и тем более, не являлся символом смерти, траурным цветом. Каков же смысл его использования в данном ритуале? Жизнь представлялась первобытными людьми как последовательность рождений и смертей. Умерший член племени не считался исчезнувшим без следа, окончательно ушедшим в небытие. Смерть рассматривалась как трансформация, переход в новое качество. Умерший, либо воплощался во вновь родившемся члене племени, либо становился духом, божеством. Поэтому присутствие белого на похоронах (раскрашивание покойника белой краской и т.д.) не носит негативного характера, а указывает на «новую жизнь» умершего соплеменника.

Белый цвет использовался и как защитное средство от сглаза и порчи. Злые силы не могли

нанести вред человеку, животному или жилищу, если они были помечены белой краской, либо имели амулеты белого цвета.

Важную роль играл белый и в ритуале жертвоприношения. Добрым богам и духам стремились приносить в жертву животных белого цвета, либо окрашенных в белое.

Для первобытных людей белый — не только наглядно-чувственный символ, но и понятие, выражающее основные морально-этические принципы поведения. Так у ряда африканских народов до сих пор существует обычай клясться своей печенью. Если дающий клятву хочет подчеркнуть, что его намерения честные и он не питает никаких злых умыслов, то специально указывает на то, что у него «белая печень». Имеет смысл, поэтому, говорить о регламентирующей роли белого в поведении первобытных людей, как своеобразного критерия, с помощью которого люди организовывали свое поведение. В этом аспекте белый цвет можно рассматривать как психологический знак — т.е. средство управления человека своими психическими функциями и поведением. Как указывает В. Тэрнер (1983), у Ндембу есть понятие «белого поведения». Оно означало быть явным для соплеменников, т.е. — не уединяться, не замышлять плохого и т.д., другими словами, быть «чистым».

Каковы истоки символики белого у первобытных людей? В. Тэрнер полагает, что корни символики белого (впрочем, как и других основных цветов) следует искать в психобиологическом опыте человека. Несомненна связь белого цвета с двумя важнейшими жидкостями (тканями) человеческого организма — семенной и молочной, которые считались древними людьми священными. Вспомним, что Ндембу трактуют белый в качестве одной из рек верховного божества. Семенная и молочная жидкости лежат в основе жизни человека, являясь теми началами, от которых первобытный человек вел отсчет своего существования и поэтому их цвет получил значения блага, жизни, здоровья и т.п. Кроме этого, белый — свет, день, когда человек наиболее активен и деятелен, когда он воспринимает окружающее ясно и отчетливо. Оптически, белый — эталон чистоты, противоположность хаоса и грязи и поэтому служит образцом чистоты мыслей и поведения. Таковы основные психобиологические источники символики белого цвета, позволяющие понять его магическое значение в жизни первобытного человека.

ЧЕРНЫЙ

Вторым важнейшим цветом в жизни первобытных людей был черный цвет. Если белый означал свет, то черный — мрак, если белый — жизнь, то черный — смерть, белый — чистота и порядок, черный — грязь и хаос. Тем самым, черный — антипод белого. Оптически, контраст белого и черного наиболее сильный; также контрастны и символические значения этих двух цветов. Белый и черный относятся к дуальным символам и, как отмечает Х.Э. Керлот (1994), подобно всем дуальным формулам имеют непосредственную связь с великим мифом о Близнецах. Члены дуальной пары (люди, животные, растения и т.д.) имеют противоположную окраску, что отражает противопоставление двух миров.

Для примера, приведем наиболее важные символические значения черного цвета для Ндембу (В. Тэрнер — 1983).

1. Зло, дурные вещи;
2. Отсутствие удачи, чистоты;
3. Стрдание;
4. Болезни;
5. Водовство и колдовство;
6. Смерть (в том числе и ритуальную);
7. Половое влечение;
8. Ночь, тьму.

Черный — антитезис белого, противоположная сторона жизни. Все самое негативное в жизни первобытных людей выражал черный. Злые силы, враждебные человеку, в представлениях древних имели черный цвет. В отличие от «белой» «черная магия» апеллирует к силам зла, и приводит человека к гибели и проклятию.

Наиболее важные значения черного — небытие, смерть, хаос, разрушение. Черный цвет используется в магических ритуалах, тема которых связана со смертью, окончанием или прерыванием чего-либо, вмешательством в жизнь человека враждебных ему сил и т.п. Отсюда становится понятна роль черного в ритуале инициации. Раскрашивание черным цветом тел посвящаемых, означало их ритуальную смерть — окончание предыдущего этапа существования.

Черный также использовался для защиты от сглаза и порчи, но смысл этой символической защиты в сравнении с белым другой. Если над белым зло, по мысли первобытного человека в принципе, не властно, то использование черного означало, что его носитель не обладает ничем, что могло бы быть достойным зависти. Исходя из этого, на лица новорожденных наносили черные точки, чернили животных, дома (черный краеугольный камень) и т.д.

Черный считался цветом злого колдовства и водовства. К «черным магам» относились со страхом и враждебностью. На жилища людей, подозреваемых в злом колдовстве, наносили черную краску. Выражение — «у него черная печень» означает человека со злыми намерениями.

Несмотря на то, что все негативное в жизни первобытного человека символизировалось черным, этот цвет обладал не только отрицательными значениями, но и положительными, то есть, в отличие от белого, являлся амбивалентным символом. Например, у племен засушливых районов Африки черный почитается как цвет дождевых туч, а люди с особо черными волосами считаются красивыми. Интересна связь черного с половым влечением. У Ндембу черный считается цветом, возбуждающим половую страсть, поэтому женщины этого племени специально чернят свои половые органы. В случае удачного полового акта в первую брачную ночь у порога молодоженов рассыпают черный пепел.

Истоки символики черного также необходимо искать в психобиологическом опыте первобытных людей. Черный — это отсутствие света, ночь, когда активность человека снижена, и он не может хорошо ориентироваться в окружающем, становится беззащитным

перед стихиями и хищниками. Черный — отсутствие сознания, сон, подобный смерти, цвет пепелища и распада. Черная река — река смерти и забвения. Е.П. Блаватская (1888) и J.G. Frazer (1911) отмечали, что у первобытных людей черный символизирует внутреннюю или подземную сферу мира, Скрытый Источник, из которого исходит первоначальная (черная, оккультная или бессознательная) мудрость.

КРАСНЫЙ

Заключает триаду «основных» цветов для первобытных людей красный цвет. В отличие от белого и черного он относится к хроматическим цветам и из всех трех является наиболее амбивалентным символом. По данным В. Тэрнера, для Ндембу красный выражает т.н. «красные вещи», которые сделаны из крови или красной глины. Символические значения красного определяются «видом» крови:

1. Кровь животных;
2. Кровь последа (роженицы);
3. Кровь всех женщин (менструальная кровь);
4. Кровь процедуры обрезания крайней плоти;
5. Кровь убийства;
6. Кровь колдовства и ведовства (связанная с некрофагией).

Все «красные вещи» разделяются на две категории, в зависимости от того, приносят они добро или зло. Но, независимо от своей валентности, все «красные вещи» обладают силой, т.к. кровь — сила, без нее человек умирает.

Сила — главное значение красного и этим объясняется его роль в качестве магического средства. Например, в ритуале, посвященном рождению ребенка, новорожденному наносились красные точки на голову, половые органы и другие части тела для того, чтобы он рос здоровым и сильным (Е. Вундерлих — 1925). По мнению этого же автора рисунок красной руки перед входом в первобытную пещеру служил для отпугивания злых демонов. Раскрашивание красной краской лиц воинов, магически, должно было придать им силу и храбрость и одновременно утратить врагов. Как символ силы, красный использовался и в качестве средства от сглазов и наговоров.

Уже первобытные люди считали красный лечебным цветом, способным заживлять раны и возвращать здоровье. С этой целью к пораженным участкам тела прикладывались красные тряпки или глина. Также они наносили кровь на предметы, которые хотели оживить (Х.Э. Керлот — 1994).

Важную роль красный цвет играл в обрядах очищения. Члены племени, участвовавшие в процедуре обрезания, должны были на протяжении определенного времени носить на руках и шее предметы красного цвета.

В сочетании с белым цветом красный составляет т.н. «жизнеутверждающую пару», символизирующую добрые силы, могущество, почет, власть и богатство. В паре с белым

нивелируются отрицательные значения красного и, наоборот, сочетание красного и черного усиливает негативные стороны красного цвета, придает ему зловещий характер, и с точки зрения древней магии, символизирует злые силы.

Символические значения красного объясняются его связью в сознании древних с кровью. Красный — третья река верховного Бога, цвет одной из самых важных жидкостей человеческого организма. Причем, связь красного с кровью для первобытного сознания более существенна, чем с огнем.

Главенство белого, черного и красного в цветовой символике наблюдается, практически, у всех ныне живущих племен Африки с первобытнообщинной организацией. Это Догоны, Маны, Бакту, Семанги, Сакаи и др. (L. Grialé — 1950, В. Тэрнер — 1983). Сходная картина отмечается и на Мадагаскаре. У первобытных племен этого острова черный выражает низменное, неприятное, злое; белый — радость, свет, надежду, чистоту; красный — силу, могущество, богатство, успех (A. Leib — 1946). Пещерные росписи австралийских аборигенов также, в основном, выполнены этими тремя красками. Белый у них символизирует воду, а красный — кровь (C. Mountford — 1962). Практически, сходные значения «основных» цветов наблюдаются и в Северной Америке у индейцев племени Чироки: белый — мир, счастье; красный — успех, торжество; черный — смерть.

В палитре первобытных людей присутствуют и другие цвета. В частности, синий и желтый. Но эти цвета не являются «самостоятельными». Желтый «тяготеет» (в символическом плане) к белому, а синий — к черному.

Принципиальное сходство цветовой символики у первобытных народов различных частей света позволяет нам вслед за В. Тэрнером трактовать цветовую триаду как архетип человека. Для первобытного человека три «основных» цвета — не просто различия в зрительном восприятии различных частей спектра, а сокращенное или концентрированное обозначение больших областей его психобиологического опыта, затрагивающее как разум, так и все органы чувств, и связанное с первичными групповыми отношениями. Поскольку этот опыт имеет своим источником саму природу человека, он является всеобщим для всех людей как представителей человеческого рода. Поэтому символический смысл цветовой триады является принципиально схожим в самых различных культурах.

1.2. Цветовая символика в древней Индии и Китае

В Индии и Китае с древности и по сегодняшний день существуют развитые системы цветовой символики. Учения о цветах считаются эзотерическими и в полном объеме передаются только посвященным. Отдельные фрагменты этих учений содержатся в дошедших до нас памятниках философской и религиозной литературы.

Цветовая триада занимает ведущее место в этих учениях, а символические значения цветов во многом схожи с теми, что отмечаются в первобытных культурах.

Индия

Вот, что об этом говорится в Чхандогья Упанишаде (комментарии Шанкарачарьи): «красный цвет (материального) огня — цвет первоогня, белый цвет (материального) огня — цвет первичных вод, черный цвет (материального) огня — цвет изначальной земли. Так в огне исчезает все то, что, обычно, зовется огнем, видоизменение — это лишь имя, возникающее в речи, и только три цвета (формы) истинны» (цит. по В. Тэрнеру — 1983). Согласно Чхандогья Упанишаде, весь мир трехцветен (трехчастен). Так съеденная пища распадается на три части: самая тяжелая, темная часть (черный) становится калом; средняя часть превращается в плоть (красный); и, наконец, наиболее легкая часть становится мыслью (белый). То же верно и в отношении выпитой воды, распадающейся в организме человека на три части: мочу (черный), кровь (красный) и прану (белый).

В другом философском произведении Санкхьякарике Ишваракришны три «основных» цвета соответствуют трем гунам или «нитям существования мира» — саттва, раджас и тамас. Гуна саттва означает «бытие», ее цвет белый, символизирующий чистоту и безмятежность. Вторая гуна — раджас (красный) представляет собой активное начало, порождающее карму. Третья гуна — тамас (черный) может быть понята как состояние сдавленности, заторможенности, склонности к летаргической апатии.

На этих примерах видно, что в Древней Индии «основные» цвета являлись символами главных мировых (космических) сил, составляющих частей мироздания (см. также Махабхарату, Рамаюму и др.).

Основа основ для древних индийцев — солнце (Брахман, главная веда и высшее божество) не имеет определенного цвета, может постигаться только в мышлении, а не чувственно. Оно содержит в себе любые цвета, точнее, порождает их. Отсюда существует понятие «невидимого света», «черного солнца» и др.

Свет и тьма (белый и черный) понимались как единство, тьма являлась инобытием света. В «Ригведе» это единство выражено следующим образом: огонь, чистый и яркий в небе, оставляет черные полосы на земле (или обгоревшем предмете); дождь, черный в небе (в виде дождевых облаков), становится прозрачным на земле (M. Schneider — 1946).

Более низкие по рангу божества имеют определенный, устойчивый цвет (Махабхарата). Цвет богини любви — белый, смерти (Кали) — черный и красный, богини материнства — красный, т.к. она связана с принципом творения, активности, который выражается красным цветом (H. Zimmer — 1946). В целом, добрые боги и силы обозначались белым цветом, а злые — черным или сочетанием черного и красного.

Китай

В Древнем Китае цвет также рассматривался в качестве символа важнейших сил и стихий. Согласно эзотерическим учениям три ряда символов (оттенки цветов, составные и природные элементы, чувства и реакции) исходят из общего источника, действующего на глубочайших уровнях действительности (Х.Э. Керлот — 1994). В «Книге перемен» («И цзин») мы находим следующую систему цветовой символики (см. таблицу 1.2.1.), исходящую из принципов

теории соответствий.

Таблица 1.2.1.

Цвет	Время года	Стихия, предмет	Сторона света	Планета	Животное символ
Зеленый или синий	Весна	Дерево	Восток	Юпитер	Дракон
Красный	Лето	Огонь	Юг	Марс	Феникс
Белый	Осень	Металл	Запад	Венера	Тигр
Черный	Зима	Вода	Север	Меркурий	Черепаша и змея
Желтый	Конец лета	Земля	Центр	Сатурн	

* По Л.П. Сычеву, В.Л. Сычеву (1975).

К списку «основных» цветов в Древнем Китае добавились синий (зеленый) и желтый. Л.Н. Миронова (1984) указывает, что у древних китайцев понятия синего и зеленого были взаимозаменяемы, а четкого различия в цветовых обозначениях этих двух цветов не было, возможно, потому, что зеленый рассматривался как порождение синего.

Цвет и символизируемая им стихия для китайцев не были жестко связаны друг с другом. У одной и той же силы могло быть несколько цветовых символов в зависимости от состояния этой силы или стихии. Так светло-синий являлся символом полуденного неба, а черный с небольшой долей красного (Сюань) — предрассветного, означая зарождение света в недрах мрака (Щуцкий Ю.К. — 1960).

В китайской символике цвет выражал социальный статус: каждой социальной группе соответствовал свой цвет. Например, желтый считался священной привилегией императорской фамилии (А. Beaumont — 1949). Цвета делились на «благородные» и для простого народа, как об этом говорится в «книге песен» («Ши цзин»).

В учении о первосущностях Инь и Ян также присутствует цветовая символика. Ян имеет белый (желтый) цвет, а Инь — черный (синий).

Сравнивая содержание цветовых символов у первобытных народов с цветовой символикой Древней Индии и Китая, можно сделать вывод о его принципиальном сходстве, а значит и единстве корней цветового символизма у самых различных культур, разделенных между собой во времени и пространстве. По мнению В. Тэрнера (1983), цветовая символика мировых начал имеет древнейшее происхождение, возможно, доиндоевропейское, а дошедшие до нас памятники представляют собой более поздние философские спекуляции на данную тему.

1.3. Цветовой символизм древних народов Ближнего Востока, Центральной Азии и Египта

Во многом сходный характер цветовой символики мы встречаем и у древних народов

Ближнего Востока, Центральной Азии и Египта.

Одним из самых распространенных культов у народов, живших на этих территориях, был культ солнца, света, а также наиболее близкого подобия солнца — огня (зороастризм). Как и в Древней Индии, солнце почиталось верховным божеством, источником жизни и блага. Поэтому отношение к тому или иному цвету зависело от того, насколько он был «солнечным» — светлым и ярким. Цветами, в наибольшей степени похожими на солнечный свет были белый и золотой (желтый). Поэтому эти цвета считались божественными. Они были цветами богов, священных животных, жрецов и т.д.

Священным цветом почитался и красный. В Египте красный лотос был символом крови, пролитой Осирисом. Как и в Китае, этот цвет считался цветом благородного сословия, воинов, царей. Однако отношение к красному не было однозначным. Для ветхозаветных евреев красный означал кровопролитие, войну, вину и грех (M. Farbridge — 1922). Красный символизировал и гнев Иеговы. Следует также отметить, что древнееврейское слово «чувство» или «страсть» происходит от глагола *quin'ah* («краснеть»).

Осирис — бог произрастания и царства мертвых изображался зеленым цветом, который, по мнению Х.Э. Керлота (1994), содержит две противоположные тенденции: жизни и смерти, т.е. является амбивалентным символом. Зеленый, по данным J.G. Frazer (1911), входил в любимое цветовое сочетание древних египтян: зеленый — белый — красный.

Важное символическое значение в Древнем Египте имел голубой или синий цвет, соответствующий истине (H. Bayley — 1912). В связи с этим, особо ценился синий камень лазурит. Этот же цвет символизировал небо — жилище Ра (верховного Бога Солнца).

Черный считался цветом злых демонов, дьявола. Как и в других культурах, ему приписывались, как правило, негативные значения — зла, греха, несчастья и т.д.

Таким образом, цветовая символика народов Ближнего Востока, Центральной Азии и Египта не имела сколь либо существенного своеобразия или отличий по сравнению с другими народами Древнего мира. Цветовая триада являлась господствующей, и значения, составляющих ее цветов аналогичны уже нам известным. Можно отметить, более выраженную амбивалентность красного цвета (у древних евреев), но не выходящую за рамки его традиционных значений.

1.4. Античность

В эпоху античности формируется иное отношение к цвету. Наряду с сохраняющимся отношением к цвету, как религиозно-мистическому, магическому символу, возникает также и естественнонаучное отношение. Промежуточным вариантом между этими формами отношения можно считать попытки ряда видных древнегреческих философов создать цветовую систематику стихий, но уже не мистических, а природных.

Эмпедокл, выделяя четыре основных стихии, наделяет каждую из них своим цветом. Воде

соответствует черный цвет; земле — желтый; огню — красный; воздуху — белый.

Если Эмпедокл, определяя цвета стихий, опирался на зрительные впечатления, то Аристотель, желая установить их «истинный» цвет, использовал экспериментальный метод. По Аристотелю «основных» цветов — три: белому (бесцветному) соответствует вода, воздух и земля; желтый — цвет огня, а черный — цвет разрушения или переходного состояния. Отнесение стихии «земля» к группе белого, объясняется результатами экспериментов Аристотеля по прокаливанию почвы, которая, в конце концов, становилась белой. Внимательно разглядывая пламя огня, Аристотель пришел к выводу, что оно скорее желтое, чем красное. Подобный экспериментальный подход, естественно, разрушал мистический ореол цветов, низводил их до обычных явлений физического мира.

Традиционная роль цвета как символа сверхчувственных, магических сил, в гораздо большей степени сохранилась в философской школе пифагорейцев, много почерпнувших из знаний Вавилонских и Египетских жрецов и магов. Несмотря на попытки к естественнонаучному изучению цветовых феноменов, отношение к цвету как мистическому символу преобладало у Платона и неоплатоников. Белый и золотой (желтый) считались в этих философских школах божественными цветами (в том числе и мирового разума — Логоса), выражали благо, истину, счастье, добро, познание, гармонию. Темные и особенно черный цвет являлись символами зла, бедствий, сил, враждебных человеку и т.д.

Следует также отметить, что отношение к цветам в Древней Греции, во многом, определялось не только его значениями как религиозного или философского символа, но и эстетическими канонами и представлениями о прекрасном. Поэтому излишество, отсутствие меры в использовании даже самого «благородного» цвета могло считаться «безобразным». Сходное отношение, опосредованное принципами даосизма, характерно и для Китая, где слишком яркие цвета являлись символом суетности жизни.

Цветовая символика в Древнем Риме не выходит за пределы традиционных канонов. Также наиболее любимыми и почитаемыми цветами были белый, желтый, красный и пурпурный. Синий считался атрибутом Юпитера и Юноны как богов неба и означал религиозное чувство, преданность и невинность; зеленый — цвет Венеры и Природы символизировал плодородие полей, симпатию и приспособляемость; фиолетовый соответствовал ностальгии и памяти; желтый (атрибут Аполлона, бога солнца) выражал великодушие, интуицию и интеллект; оранжевый — гордость и амбицию; красный (цвет Марса) — страсть, чувственность и животворные силы; розовый — чувствительность и эмоции (А. Teillard — 1951; О. Wirth — 1927). Сочетание белого с красным являлось символом аристократического, знатного происхождения. Пурпур считался цветом императоров и членов царского дома, означая власть, духовность, величие. Когда римский полководец праздновал свой триумф, он выезжал на колеснице, запряженной четырьмя белыми лошадьми, покрытыми позолоченными попонами, в одеяниях красного цвета.

© Б. А. Базыма

Цвет и психика

(продолжение)

<<< К началу

1.5. Средневековье

После античной эпохи во времена средневековья в Европе цвет снова вернул себе позиции, как, прежде всего, символа мистических сил и явлений, что особенно характерно для раннего Христианства.

1.5.1. Цветовые символы христианства

Наиболее существенное отличие «языческого» периода цветовой символики от «христианского» заключается, прежде всего, в том, что свет и цвет окончательно перестают отождествляться с Богом, мистическими силами, а становятся их атрибутами, качествами и знаками.

Согласно христианским канонам Бог сотворил мир, в том числе и свет (цвет), но сам он не сводится к свету. Свет, особенно, видимый, только одна из ипостасей Бога. Поэтому средневековые богословы (например, Аврелий Августин), восхваляя свет и цвет, как проявления божественного, тем не менее, указывают, на то, что они (цвета) могут быть и обманными (от Сатаны) и отождествление их с Богом представляет собой заблуждение и даже грех. Жесткой связи между определенным цветом и мистическими силами, как это наблюдается ранее, практически, уже нет. Божественную сущность необходимо постигать внутренним, трансцендентным созерцанием, а не обольщаться внешней яркостью и красотью.

Пожалуй, только белый цвет остается незыблемым символом святости, чистоты и духовности. Ангелы на небесах — в белых одеждах, как и святые, претерпевшие за веру. Особенно важным являлось такое значение белого как чистота и непорочность, освобождение от грехов, как об этом говорится в «Откровении» Иоанна. Белый не имеет в Христианстве отрицательных значений, даже белый саван означает, как и у первобытных народов, переход в иной, «лучший» мир, очищение от грехов и только в этом состоит его «траурность».

Символика других цветов амбивалентна, причем, в различные отрезки средневековья у того или иного цвета на первый план выдвигались то положительные, то отрицательные значения. Так, в раннем Христианстве превалировало положительное символическое значение желтого, как цвета Святого духа, божественного откровения, просветления и т.д. Но позднее, желтый приобретает негативный смысл, который, нередко, приписывается этому цвету и в наши дни. В эпоху готики его начинают считать цветом измены, лживости и т.д.

Красный в Христианстве символизирует кровь Христа, пролитую ради спасение людей, а, следовательно, — и его любовь к людям.

Как и в императорском Риме, пурпурный в средние века считался царственным цветом. Члены королевской семьи даже в трауре надевали пурпурные одеяния (но более темных оттенков, с преобладанием синего). В настоящее время, когда королевские особы больше не злоупотребляют пурпуром в своих одеждах, сохранился обычай «пурпурного траура» в западноевропейских королевских домах.

Фиолетовый и синий считались мистическими, трансцендентными цветами. Богослов и философ Н. Кузанский называл фиолетовый «гармонией противоречий». Знаком кардинальского достоинства считался фиолетовый камень аметист. Синий (голубой) для христиан символизировал небо, был цветом вечности, настраивал на смирение, благочестие, выражал идею самопожертвования и кротости.

В отличие от трансцендентного синего, зеленый являлся больше «земным», означал жизнь, весну, цветение природы, юность. Он доминировал в христианском искусстве (Е. Levi — 1920). Вместе с этим, зеленый имел и негативные значения — коварства, искушения, дьявольского соблазна (сатане приписывались глаза зеленого цвета, что, возможно, лежит в основе поверья о зеленых глазах, как знаке завистливости и жадности человека).

Отношение к черному было, преимущественно, негативное, как цвету зла, греха (красный в определенных ситуациях также символизировал грех — несправедную кровь), дьявола и ада, а также — смерти. В значениях черного, как и у первобытных народов, сохранился и даже развился аспект «ритуальной смерти», смерти для мира. Поэтому черный стал цветом монашества.

Коричневый и серый были цветами простолюдинов. Их символический смысл, особенно в раннем средневековье, был, сугубо, негативным. Они означали нищету, безнадежность, убогость, мерзость и т.д.

Продолжало существовать и отношение к цвету, как магическому средству. Это касается, прежде всего, средневековой алхимии. Цвета в алхимии делились на «высшие» и «низшие». К «высшим» относились цвета известной нам «триады» — белый, черный и красный. Они символизировали три стадии «Великого Превращения»: первичную материю (черный), ртуть (белый) и серу (красный) результатом которого было создание «камня» (золотой). Черный соответствует стадии брожения, гниения, затемнения, раскаяния; белый — состоянию просветления, восхождения, откровения и прощения; красный — ступени страдания, возвышения и любви. Золотой обозначал славу (Х.Э. Керлот — 1994). Главным, исходным цветом (порождающим все остальные цвета) в этой триаде считался черный. Оставшиеся цвета входили в группу «низших» или «вторичных». В алхимии существовала цветовая систематика химических элементов и специфические цветовые наименования. Например, серебро именовалось «белой королевой» (В.Л.Рабинович — 1979).

1.5.2. Цветовая символика ислама.

В странах Ислама цветовой символизм достигает чрезвычайно высокого уровня развития, характеризуется многозначностью и несет на себе отпечаток влияния как Древнего Востока, так и Запада. Вместе с тем, в цветовой символике Ислама много оригинального. Запрещение

Исламом изображения людей, животных и т.д. способствовало тому, что цвет становится одним из главных выразительных средств. Цветовые орнаменты, узоры ковров представляют собой систему цветовых символов, отражающих представления мусульман о земной и небесной жизни.

В Коране свет, а также наиболее светлые и яркие цвета, являются символами блага, божественного начала, но, как и в христианстве, не отождествляются с Богом.

Белый выражает чистоту и духовность. В споре невольниц из «Тысяча и одна ночь» белый называется «лучшим из цветов».

Золотой (желтый) символизирует славу, успех, богатство, торжество и т.д. Считался лечебным цветом (Омар Хайям). Вместе с тем, желтому соответствовали и негативные значения, в частности, как символа желудочных заболеваний.

Красный для мусульман не столь амбивалентен по содержанию как в других культурах. Этот цвет считался священным, магическим, имеющим большую «жизненную силу». Поэтому, ценились драгоценные камни красного цвета — рубины и др. Считалось, что они придают владельцу силу, энергию, бесстрашие. Символизировал он и любовную страсть. Вера в «великую силу красного» была настолько сильной, что считалось за лучшее не показывать камни красного цвета маленьким детям, а также животным, которых он мог испугать или возбудить. В поэтическом творчестве мусульман были широко распространены «красные символы», например, красная роза означала страстную любовь (Л.Н. Миронова — 1984).

Почитаемым и «священным» считался зеленый цвет (зеленое знамя пророка). Зеленый символизировал оазис, природу, жизнь, отдых. Камни зеленого цвета означали жизненную стойкость, счастье и благополучие в делах. По данным А.Е. Ферсмана (1975), драгоценные камни зеленого цвета были любимы мусульманами больше любых других.

Синий и фиолетовый (цвета тени), как и в Христианстве, ценились за их трансцендентный, мистический характер. Синий и фиолетовый — цвета мистического созерцания, приобщения к божественной сущности. Фиолетовый цвет имел и значение обманчивости земной жизни, миража (Хосров).

Весьма существенной особенностью исламской цветовой символики являлся не столь негативный характер черного цвета. Ночь, тьма, тень дополняли свет. Священный камень храма Кааба — черный. Черный — цвет земли. Он же был цветом одежды и знамени аббасидских халифов. Вместе с тем, у черного сохранились и негативные ассоциации: грязи, греха, злых дел.

Превалирование положительного отношения к чистым, светлым, сияющим цветам является одной из особенностей исламской цветовой символики. Но, если цвет замутнен, нечист, «грязен», то он теряет для мусульманина всякую привлекательность. Как и в Средневековой Европе, это, прежде всего, относится к серому и коричневому. Они — цвета несчастья и нищеты. Серый — цвет пыли и праха, противоположность яркого, разноцветного мира,

напоминающий смертным о бренности их существования.

1.6. Ренессанс

С началом эпохи первых буржуазных революций, реформации, становления капиталистической формы хозяйства цвет постепенно теряет в Западной Европе свои мистические ассоциации. Содержание цветовых символов становится более бытовым, а отношение к цвету — практическим. Впечатляющему колориту католической церкви противопоставляется цветовой аскетизм протестантизма. Петушиной яркости дворянских одежд буржуа предпочитает неброские, практичные оттенки. Художники и ученые начинают постигать физическую природу света и цвета, используя при этом, отнюдь, не богословские категории. Если Леонардо да Винчи говорит об «основных» цветах (белый, желтый, зеленый, красный, синий и черный) и связывает их со стихиями, то это для него, скорее, ассоциации художника, чем метафизическая систематика.

Возникают попытки связать цвет с физическими свойствами материи. Так Бернандино Телезио в своем труде «Происхождение цветов» ставит в соответствие цветам две «неуничтожимые субстанции» — тепло и холод.

Вместе с тем, в эпоху Возрождения создавались и метафизические концепции цвета. Свет в них трактовался как духовная субстанция, а темнота символизировала косную материю. Марсилио Фичино, в духе Платона, вводит категорию «идеи цвета». Каждый (из 12) цвет в его систематике символизировал какую-либо стихию или силу. Например, черный — материя, коричневый — земля, синий — воздух, белый — духовный свет, блеск и сияние — Бог. Надо отметить, что подобная символика оказала заметное влияние на многих выдающихся художников Возрождения (в частности, Рафаэля), которые опирались на нее при создании своих произведений (Л.Н.Миронова —1984).

Спускаясь с высот метафизики, можно обнаружить и бытовую сторону цветовой символики в Европе. Например, существовал «цветовой код» одежды. По Коронато Оккольти (16 в.) белый и красный цвет в одежде выражают любезность, уверенность, достоинство. Коричневый и серый в быту уже не считались символически негативными. Они означали умеренность, практичность, трезвый расчет.

В эпоху Возрождения возникли первые цветовые системы психологических свойств человека. Это ознаменовало новый этап в развитии цветовой символики. Джан Паоло Ломаццо (15 в.) поставил цвет в соответствие тому или иному темпераменту. По Ломаццо, белому соответствует флегматический темперамент, черному — меланхолический, красному — сангвинический, а желтому — холерический. Темные, землянистые, свинцовые оттенки он связывал с печалью и меланхолией. Зеленые и светло-красные — с весельем и радостью. Как и Телезио, Ломаццо видит связь между цветами и температурными ощущениями. Самым «холодным» он полагал белый, а «теплым» — черный.

Цвет, спускаясь с «горних» высот, начинает все больше становиться символом человека, его чувств, мыслей и отношений, что заложило основы будущих исследований взаимосвязи между цветом и психикой.

1.7. Формы и содержание цветовой символики в 17-19 веках

Достижения физической оптики 17 века в лице И. Ньютона («Лекции по оптике») привели к тому, что в эпоху Просвещения в Европе цветовой символ, практически, лишился своего теологического содержания. Богословский этап цветовой символики окончательно завершился, а если, и упоминалось о связи цвета и света со сверхчувственным миром, то, в основном, в метафорическом плане. Сам И. Ньютон в традициях пифагорейской школы связывал семь спектральных цветов с семью нотами октавы. На основе этой идеи Луи Бертраном Кастелем был создан «цветовой орган».

Цветовой символизм Просвещения характеризуется эклектичностью, замещением традиционного содержания цветковых символов новыми ассоциациями и связями. Благодаря этому, цветковая символика из стройной и общедоступной, становится более индивидуализированной, испытывает на себе влияние различных культурных традиций. Если в среде простого народа содержание цветкового символа еще долгое время остается «простым» и традиционным, сохраняя свои древние корни, то в среде интеллектуальной элиты Просвещения активно формируются новые варианты цветкового символизма. В изобилии создаются абстрактные цветковые системы — «цветковые круги, треугольники» и т.д. В соответствие цвету ставятся как физические явления и процессы, так и физиологические ощущения, нравственные категории и т.д.

Одним из малоизвестных авторов такой цветковой системы является немецкий ученый И. Цан (17 в.). Цан исходил из известной уже идеи (теория соответствий), что цвет находится в определенной (жесткой) связи, практически, со всеми явлениями и категориями и, поэтому, через цвет можно выразить весь мир (ср. теорию игры в бисер в романе Германа Гессе). В таблице 1.7.1. приводятся подобные связи цвета (По И.Герике и К.Шону — 1970).

Таблица 1.7.1.

Белый	Желтый	Красный	Синий	Черный
Чистый свет	Очень легкая тень	Окрашенный свет	Тень	Темнота
Свет		Умеренная тень	Густая тень	Темнота
Радость	Омраченная радость	Чувствительность, смешанная с горечью	Строгость	Горечь
Огонь	Эфир	Воздух	Вода	Земля
Детство	Юность	Молодость	Возмужалость	Старость
Ум.Разум	Внимание	Безумие	Праздничность	Неизвестность
Бог	Ангел	Человек	Зверь	Растение
Высокий звук первой струны	Вторая струна лиры	Средняя нота	Предпоследняя нота	Самый низкий звук последней струны

Благодаря художникам и ученым, расширяется список цветковых ассоциаций. Так французский ученый Роже де Пиль («Диалоги о цвете») разделяет цвета на «тяжелые» и «легкие», «удаляющиеся» и «приближающиеся», «земные» и «воздушные», «впечатляющие» и «малозаметные». Используя свою «семантическую систему», Роже де Пиль дает цветам принципиально новые описания, во многом, напоминающие язык описания семантического

дифференциала Ч. Осгуда (1957). Так коричневый цвет определялся Роже де Пилем как «тяжелый, земной, выступающий» (ср. с факторами «А» и «Р» семантического дифференциала Осгуда).

В 18 веке возникает еще одна наука, в сферу интересов которой входит проблема цвета, — физиологическая оптика. Ж. Бюффоном было введено понятие «субъективных цветов», т.е. таких, которым не соответствует какой-то внешний объект. Под субъективными цветами понимались различные цветовые иллюзии, например, цветовые ощущения, возникающие при надавливании на глазное яблоко. Этот век можно принять за точку отсчета для третьей составляющей учений о цвете — психологии цвета, возникновение которой связано с именем великого поэта Германии Й.В. Гете («Учение о цвете»). Работа Гете не потеряла актуальности и в настоящее время. На наблюдения и выводы Гете о взаимосвязи цвета и психики ссылались и ссылаются многие выдающиеся ученые и мыслители (Гегель, В. Кандинский, Н. Бор, А.Ф. Лосев, М. Люшер и др.).

1.7.1. Учение о цвете Й.В. Гете

Известно, что сам Гете ценил свою работу по цвету выше своего поэтического творчества. Великий поэт был не согласен с теорией света и цвета Ньютона и в противовес создал свою собственную. Интерес Гете к цвету отмечается с детства. Как отмечают В. Фойгт и У.Зуккер (1983) чувственно-наглядный метод Гете был причиной того, что современниками концепция Гете была встречена «в штыки». Гете обвиняли в дилетантизме и советовали заниматься своим прямым делом. На холодное отношение современников к своей теории Гете жалуется в одном из писем к Шиллеру. Нас, прежде всего, интересует та часть учения Гете, которую он называет «Чувственно-нравственным действием цветов».

Гете считал, что цвет «независимо от строения и формы материала (которому он принадлежит — прим. автора) оказывает известное воздействие... на душевное настроение» (#758). Тем самым, впечатление, вызываемое цветом, определяется, прежде всего, им самим, а не его предметными ассоциациями. «Отдельные красочные впечатления... должны действовать специфически и... вызывать специфические состояния» (#761). И далее, в #762: «отдельные цвета вызывают особые душевные состояния». Согласно этим положениям, Гете ставит в соответствие определенным цветам определенные психологические состояния человека. Подобное свойство цвета Гете иллюстрирует описанием тех изменений в «душевном состоянии», которые происходят при достаточно длительном воздействии цвета на человека, например, посредством цветных стекол.

Опираясь на эти основные положения психологического раздела своего учения, Гете разделяет цвета на «положительные» — желтый, красно-желтый (оранжевый) и желто-красный (сурик, киноварь) и «отрицательные» — синий, красно-синий и сине-красный. Цвета первой группы создают бодрое, живое, деятельное настроение, а второй — беспокойное, мягкое и тоскливое. Зеленый Гете относил к «нейтральным». Остановимся более подробно на психологической характеристике цветов, даваемой Гете.

Желтый. Если смотреть сквозь желтое стекло, то «глаз обрадуется, сердце расширится, на душе станет веселее, кажется, что... веет теплом» (#769). Чисто желтый — приятен. Однако

при его загрязнении, сдвиге в сторону холодных тонов (цвет серы) или нанесении на «неблагородную» поверхность, желтый приобретает негативное звучание и отрицательный символический смысл. Как сообщает Гете, такой желтый символизирует должников, рогоносцев и принадлежность к еврейской нации.

Оранжевый. То, что сказано (положительного) о желтом верно и для оранжевого, но в более высокой степени. Оранжевый «энергичнее» чисто желтого. Может быть, поэтому, этот цвет, по Гете, больше предпочитается французами, чем англичанами и немцами.

Желто-красный. Приятное и веселое чувство, вызываемое оранжевым, вырастает до невыносимо-мощного в ярком желто-красном (#774). Активная сторона в этом цвете достигает своей высшей энергии. В результате этого, как считает Гете, энергичные, здоровые, суровые люди особенно «радуются» (предпочитают) эту краску. Этот цвет привлекает дикарей и детей. Вызывает чувство потрясения.

Синий. «Как цвет это — энергия: однако он стоит на отрицательной стороне и в своей величайшей чистоте представляет из себя как бы волнуемое ничто» (#779). Гете тонко чувствует «мистицизм» синего и пишет о нем, как о создающем странное, невыразимое воздействие. Синий как бы влечет за собой, «уходит» от человека. Синий как идея темного связан с ощущением холода. Комнаты с преобладанием синего цвета кажутся просторными, но пустыми и холодными. Если смотреть на мир через синее стекло, то он предстает в печальном виде.

Красно-синий (сиреневый). Этот цвет вызывает ощущение беспокойства. Цвет живой, но безрадостный.

Сине-красный. Впечатление беспокойства значительно возрастает. Гете считал, что выдержать этот цвет длительное время очень трудно, если он не разбавлен.

Чисто красный Гете рассматривает как гармоничное соединение полюсов желтого и синего и поэтому глаз находит в этом цвете «идеальное удовлетворение» (#794). Красный (кармин) производит впечатление серьезности, достоинства или прелести и благоволения. Более темный символизирует старость, а светлый — юность.

Говоря о пурпуре, Гете указывает, что он — любимый цвет правителей и выражает серьезность и величие. Но если рассматривать окружающий пейзаж через пурпурное стекло, то он предстает в ужасающем виде, как в день «страшного суда» (#798).

Зеленый. Если желтый и синий находятся в равновесной смеси, возникает зеленый. Глаз, по выражению Гете, находит в нем действительное удовлетворение, душа «отдыхает». Не хочется и нельзя идти дальше (#802).

Воздействие отдельных цветов, вызывая определенные впечатления и состояния у человека, тем самым, в терминологии Гете, «ограничивает» душу, которая стремится к цельности. Здесь Гете проводит параллель между цветовой гармонией и гармонией психики. Как только

глаз видит какой-нибудь цвет, то приходит в деятельное состояние. Его природе свойственно породить другой цвет, который вместе с данным содержит цельность цветового круга (#805). Так и душа человека стремится к цельности и всеобщности. Эти положения Гете, во многом превосходящие результаты экспериментальных исследований С.В. Кравкова связей между цветовым восприятием и деятельностью вегетативной нервной системы (ВНС) человека. Гете выделяет следующие гармоничные цветовые сочетания: желтый — красно-синий; синий — красно-желтый; пурпур — зеленый.

Исходя из учения Гете о цветовой гармонии и цельности, можно сделать вывод, что психологическое воздействие, скажем, желтого цвета, требует для своего уравнивания воздействия красно-синего (фиолетового). Между гармонической цветовой парой существуют отношения взаимодополнения. Указанные шесть цветов составляют «цветовой круг» Гете, где гармоничные сочетания располагаются друг напротив друга по диагонали.

Кроме гармоничных цветовых сочетаний (приводящих к цельности), Гете выделяет «характерные» и «нехарактерные». Эти цветовые сочетания также вызывают определенные душевные впечатления, но в отличие от гармоничных, они не приводят к состоянию психологического равновесия.

«Характерными» Гете называет такие цветовые сочетания, которые составляют цвета, разделенные в цветовом круге одной краской.

Желтый и синий. По выражению Гете — скудное, бледное сочетание, которому не хватает (для цельности) красного. Впечатление, которое оно создает, Гете называет «обыденным» (#819).

Сочетание желтого и пурпура также одностороннее, но веселое и великолепное (#820).

Желто-красный в сочетании с сине-красным вызывает возбуждение, впечатление яркого (#822).

Смешивание цветов характерной пары порождает цвет, находящийся (в цветовом круге) между ними.

«Нехарактерными» Гете называет сочетания двух рядом расположенных цветов своего круга. Их близость приводит к невыгодному впечатлению. Так желтый с зеленым Гете называет «пошло веселым», а синий с зеленым — «пошло-противным» (#829).

Важную роль в формировании психологического воздействия цвета на человека Гете отводит светлотным характеристикам цветов. «Активная» сторона (положительные цвета) при сочетании с черным выигрывает в силе впечатления, а «пассивная» (отрицательные цвета) — проигрывает. И, наоборот, при сочетании с белым, больше выигрывает пассивная сторона, становясь более «веселой» и «жизнерадостной» (#831).

Затрагивает Гете и межкультурные различия в цветовой символике и психологическом

воздействии цвета. Любовь к яркому и пестрому он считает характерным для дикарей, «некультурных» народов и детей. У образованных людей, напротив, существует некоторое «отвращение» к цветам, особенно ярким. Цвет одежды Гете связывает как с характером нации, в целом, так и отдельного человека. Живые, бойкие нации, считает Гете, больше любят усиленные цвета активной стороны. Умеренные — соломенный и красно-желтый, с которыми они носят темно-синий. Нации, стремящиеся показать свое достоинство — красный с уклоном в пассивную сторону. Молодые женщины предпочитают светлые оттенки — розовый и голубой. Старики — лиловый и темно-зеленый (#838-848).

Значение «Учения о цвете» для психологии цвета очень велико. То, что ставилось Гете в вину, — художественный метод, субъективизм, позволило великому немецкому поэту рассмотреть тонкие взаимосвязи между цветом и психикой человека. Метафора «светоносной души человека» получила в работе Гете убедительное подтверждение. Цвет у Гете уже не символ божественных, мистических сил. Он символ самого человека, его чувств и мыслей, причем, символ не поэтический, а психологический, имеющий определенное, специфическое содержание.

1.7.2. Цветовой символизм в философских учениях

Потеряв свои позиции в качестве богословского символа, цвет все больше и больше «обращается» к человеку, как это мы видим на примере учения Гете. Не прошли мимо проблематики психологии цвета и выдающиеся философы 18-19 веков. Следует отметить то важное влияние, которое оказало на них «Учение о цвете».

Дидро («Мои незначительные мысли о цвете») считал, что, кроме прочего, колорит картины зависит и от психических свойств и состояний художника. В 20 веке эта идея найдет свое воплощение в ряде т.н. «рисуночных методов» психодиагностики. По мнению Дидро, художник «сильнее, чем литератор», раскрывает себя в своих творениях.

В объяснении природы цвета Гегель стоит на позициях Гете и, как его предшественник, не согласен с теорией Ньютона. Описывая впечатления производимые цветами, Гегель придает им особый символический смысл («Эстетика»). Цвет для Гегеля — символ определенных идей, категорий, вечных начал. Так синий выражает кротость, тишину, женское начало. Красный — мужское, господствующее, царственное начало. Зеленый — индифферентен, нейтрален. В целом, светлые, яркие цвета (идея светлого) выражают активность, созидание, сопротивление, бодрость, жизненность, а темные — пассивность, уступчивость.

С позиций философии идеализма рассматривают проблему цвета В. Шеллинг («Философия искусства») и А. Шопенгауэр («О зрении и цветах»).

1.8. Двадцатый век

Казалось бы, учитывая архаичный характер цветовой символики, в 20 веке трудно ожидать появления у цветов каких-либо новых символических значений. Действительно, принципиально новых смыслов мы не обнаруживаем, но «звучание» ряда цветов существенно меняется. Своеобразие цветовой символики 20 века состоит также и в том, что

цвет активно используется в качестве символа общественно-политических движений и явлений. Особенно это касается цветовой триады. Белый, черный и красный цвета крепко связываются в сознании нескольких поколений, прежде всего, с политической и идеологической борьбой различных классов и общественных групп.

Красный как символ крови павших борцов за освобождение пролетариата, приобрел в 20 веке особенно амбивалентный характер. Его первобытная магическая сила вырвалась на свободу в 17 году и всколыхнула населения не только огромной Российской империи, но и всего мира. Опосредованность символикой красного цвета общественно-политической жизни революционной России была настолько широкой, что этот цвет стал именем нарицательным. «Пролетарский красный» по своему содержанию, скорее, трагичен, чем радостен. Это подчеркивается, например, использованием кумача в ритуале похорон — т.н. феномен «красных похорон».

В революционной символике вместе с красным тесно соседствует и черный. Черный — цвет знамени анархистов, кожаных курток комиссаров и сотрудников ЧК. Черный приобретает смысл революционного фанатизма (готовность идти до конца), и ужаса перед репрессиями государственной власти. Черный с красным — цвета «красного террора» и политических репрессий в новейшей истории России. Как и в древнем мире, это цветовое сочетание оказалось трагическим символом.

И, как в древности, им противостоит белый. Пусть не в наглядно-чувственной форме, а как идея, но символика белого цвета представляет собой сердцевину «белого движения». Противопоставление красного и белого символизирует гражданскую войну в России, но не только с внешней стороны, как условное обозначение противоборствующих сторон. Для человека, знакомого с цветовой символикой древнего мира, оно полно глубинного смысла. Распад этой цветовой пары, выражающей все наиболее лучшее и ценное в жизни людей, выражает собою разрушение основ, дисгармонию, наступление хаоса и сил зла (черный). Цветовая триада — это не только архетип человека, как указывает Тэрнер, но и архетип человеческого общества.

Указанная особенность символики двадцатого века (цвет как символ общественных процессов), верна и в отношении других цветов.

На фоне подобной «политизации» цвета в начале 20 века контрастными выглядят размышления П. Флоренского (1922) о цветовой символике небесных знамений. Флоренский выделяет три первоцвета, через которые София предстает людям и которые символизируют три ее ипостаси. Сине-фиолетовая София — мировая душа, духовная суть мира. Красно-розовая — образ Божий для твари, явление Бога на земле. Зелено-золотистая — ни к Богу, ни от Бога, а вокруг него. Ранее Гегель также связывал цвета с характером явлений Девы Марии людям. В качестве царицы небесной она предстает в красной мантии, а как мать — в синей.

В недолгой истории психологии цвета одно из самых видных мест занимает вслед за «Учением о цвете» работа выдающегося русского живописца В. Кандинского «О духовном в

искусстве» (1914).

1.8.1. «Язык красок» В.Кандинского

В разделе «Действие красок» (раздел 5) В. Кандинский писал: «Если блуждать взглядом по палитре красок, то возникает два главных последствия — рождается чисто физическое воздействие и ... психическое воздействие». Под первым Кандинский понимал известные феномены физиологии цветового зрения, например, индукции, контраста и т.д. Психическое воздействие, по Кандинскому, рождает «вибрацию души». Как и Гете, Кандинский подходил к изучению цвета субъективно. Чтобы понять, как действует цвет, Кандинский советовал сначала сконцентрировать внимание на изолированной краске.

Центральным положением концепции Кандинского можно считать утверждение о двух факторах, определяющих психологическое воздействие цвета: «тепло-холод» и «светлота-темнота». В результате рождаются четыре возможных «звука» красок.

Первый фактор связан с отношением желтый — синий. Оба этих цвета, в терминологии Кандинского, связаны с т.н. «горизонтальным движением»: желтый «движется» навстречу зрителю, а синий — от него. Второй фактор — это отношение белого и черного. Здесь Кандинский также говорит о движении, но о «статической» его форме.

Кроме «горизонтального движения», у желтого с синим есть еще «центробежное» (желтый) и «центростремительное» (синий). Кандинский образно сравнивает синий с домиком улитки.

Вслед за Гете, Кандинский связывает с красками «активной стороны» (желтым, красным и оранжевым) идеи радости, торжества и богатства. Основную роль, при этом, он отводит желтому. Однако, если желтый сделать «холоднее» (прибавлением синего), краска становится зеленоватой и теряет в двух своих «движениях». Рождается болезненное ощущение повышенной чувствительности. Кандинский сравнивает такой цвет с раздраженным человеком, которому мешают. Интенсивная желтая краска беспокоит человека, колет, возбуждает, действует на душу нагло и навязчиво. Его (желтый) можно сравнить со звуком трубы. Через «охлаждение» желтый становится болезненным и является красочным выражением (символом) безумия, но не меланхолии, а припадка яркого безумия, слепого бешенства. Это подобно безумной расточительности последних летних сил в яркой осенней листве, рождающей краски безумной мощи. Желтый, по выражению Кандинского, «земная краска» т.к. его нельзя углубить.

Синий — «небесная краска», зовет человека к бесконечному. Здесь мы наблюдаем «движение» от человека и к центру. Очень углубленный синий выражает покой, а опущенный (еще один термин Кандинского) до черного — печаль. Светлое синее становится равнодушным и безразличным к человеку. Чем светлее синий, тем он беззвучнее. В то же время, средне-синий, по Кандинскому, символизирует звук флейты, темно-синий — виолончель, а наиболее углубленный — орган.

Из смешивания желтого и синего рождается зеленая краска. В ней как бы сокрыты, парализованы силы желтого и синего. Это самая покойная краска. Здесь нет движения, нет

звучания, — ни радости, ни печали, ни страсти. Зеленый цвет никуда не зовет. Благотворно действует на уставшего человека, но может и быстро прискучить (ср. выражение «тоска зеленая»). Главное значение абсолютно зеленого — пассивность. В духе политической символики, Кандинский связывает зеленый с буржуазией (пассивной, обывательской ее частью). Зеленый — это нечто «жирное» и самодовольное. Как главный тон лета, зеленый — символ природы, погруженной в самодовольный покой. При добавлении желтого, зеленый оживляется, становится «моложе, веселее». И, наоборот, вместе с синим он приобретает серьезность, вдумчивость. При осветлении (добавлении белого) или утмнении (черного) зеленый «сохраняет свой элементарный характер равнодушия и покоя» (с. 48). Белый усиливает аспект «равнодушия», а черный — «покоя». Средние тона скрипки, по Кандинскому, выражаются зеленым цветом.

Белый для Кандинского — символ мира, где исчезли все краски, все материальные свойства и субстанции. Этот мир стоит так высоко над человеком, что ни один звук не доходит оттуда. Белый — это великое молчание, холодная, бесконечная стена, музыкальная пауза, временное, но не окончательное завершение. Это молчание не мертво, но полно возможностей и может быть понято как «ничто», предшествующее началу и рождению (ср. значение белого у Ндембу, как символа нового рождения).

В отличие от белого, черный — «ничто» без возможностей, мертвое ничто, вечное молчание без будущего, законченная пауза и развитие. За этим следует рождение нового мира. Черный — окончание, погасший костер, нечто бездвижное, как труп, молчание тела после смерти, самая беззвучная краска.

Белые одежды выражают чистую радость и непорочную чистоту, а черные — величайшую, глубочайшую печаль и смерть. Белый и черный находят (как и желтый с синим) равновесие между собой в сером. Это также беззвучная и бездвижная краска. Кандинский называет серый «безутешной неподвижностью». Особенно это касается темно-серого, который действует еще более безутешно и удушающе.

Говоря о красном, Кандинский характеризует его, как живой, жизненный, беспокойный цвет, но, в отличие желтого, не легкомысленный. Красный выражает мужественную зрелость, силу, энергию, решимость, триумф, радость (особенно светло-красный) и ему соответствует звук фанфар. Киноварь — равномерно пламенеющая страсть, уверенная в себе сила, «пылает» внутри себя. Здесь нет безумия желтого. Цвет, особо любимый народом. Углубление красного приводит к снижению его активности. Но остается внутренняя раскаленность, предчувствие будущей активности.

Охлажденный красный — фиолетовый, характеризуется Кандинским как болезненный звук, нечто погашенное и печальное, и связывается со звучанием фагота и свирели.

Соединение красного с желтым (оранжевый) сохраняет серьезность красного.

Красный с зеленым и фиолетовый с оранжевым составляют третью и четвертую цветовые пары, вслед за желтым — синим и белым с черным.

В другой своей книге «Текст художника. Ступени» (1918) Кандинский связывает свой интерес к краскам с ранними детскими впечатлениями от цвета. В возрасте 3-х лет первыми «впечатлившими» цветами для него были светло-сочно зеленый, белый, кармин, черный и желтое охры. Интересно, что у Гете, как он сам отмечает, также решающую роль сыграли детские впечатления в том, что он в зрелые годы начал изучать психологию цветового воздействия.

Резюме

Данный обзор истории развития содержания и форм цветовых символов является далеко не полным. Но автор и не ставил перед собой такой задачи. Целями, поставленными в первой главе, было, во-первых, показать глубокую и неслучайную связь цветовой символики с различными пластами человеческого сознания и общественно-культурной жизни людей, а во-вторых, — охарактеризовать основные этапы развития цветового символизма.

Первый из них — «космологический» (мифологический), включает в себя цветовую символику первобытных народов, древнего мира и античности (цвет как символ мировых сил, стихий и начал). Второй — «религиозный» (богословский), — от поздней античности до эпохи Возрождения (свет и цвет, как атрибуты божественного). И, наконец, третий — «социально-психологический», Ренессанс — двадцатый век (цветовая символика общественно-политических, социальных и индивидуально-психологических процессов и явлений).

Несмотря на то, что, на протяжении человеческой истории содержание цветовых символов претерпело немалые изменения — менялась их трактовка и отношение к ним, — ядро цветовой символики оставалось неизменным. Речь идет о той части содержания цветового символа, которая остается даже в том гипотетическом случае, когда цвет лишается всех своих внешних, предметных ассоциаций. Последние зависят от культурных традиций и опыта. Но и без них цвет не лишается своего «первоначального» смысла и не превращается в фикцию. Как писал В. Ван Гог: «краски сами по себе что-то выражают». Иными словами, цвет — не «чистая доска», на которую человек волен записать, все что ему вздумается. Цвет вызывает определенные и специфические изменения в психическом мире человека, интерпретация которых порождает то, что мы называем цветовыми ассоциациями и символами, впечатлениями от цвета. Как указывает А.Ф. Лосев (1991): «никто, никогда не воспринимает цвет без этих и подобных впечатлений... красный цвет вызывает возбуждение, именно он, а не мы сами. Возбужденность — его объективное свойство» (с. 56).

Повторяя избитое сравнение, можно сказать, что цветовая символика — лишь только верхняя часть айсберга всех тех взаимосвязей и отношений между цветом и человеческой психикой. Основанием его являются объективные законы цветового воздействия на человека.

Литература

1. Аристотель. Собр. Соч.: Т. 1. М., 1976.
2. Бонгард-Левин Г.В. Древнеиндийская цивилизация. М., 1980.

3. Гете И.В. Трактат о цвете. //Избранные сочинения по естествознанию. М., 1957.
4. Кандинский В. О духовном в искусстве. //К выставке в залах Государственной Третьяковской галереи. М., 1989.
5. Кандинский В. Текст художника. Ступени. //К выставке в залах Государственной Третьяковской галереи. М., 1989
6. Керлот Х.Э. Словарь символов. М., 1994.
7. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991.
8. Миронова Л.Н. Цветоведение. Минск, 1984. 286 с.
9. Руденко В.Е. Цвет — эмоции — личность. //Диагностика психических состояний в норме и патологии. Л., 1980. с. 107-115.
10. Самарина Л.В. Традиционная этическая культура и цвет (Основные направления и проблемы зарубежных исследований) //Этнографическое обозрение. М., 1992. N 2. с. 147-156.
11. Сычев Л.П., Сычев В.Л. Китайский костюм. М., 1975.
12. Тэрнер В.У. Проблема цветовой классификации в примитивных культурах (на материале ритуала Ндембу). //Семиотика и искусствознание. М., 1972.
13. Тэрнер В.У. Символ и ритуал. М., 1983.
14. Фойгт В., Зуккер У. И.В. Гете — естествоиспытатель. Пер. с нем. Киев, 1983.
15. Фрейдберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978
16. Фрэзер Д. Золотая ветвь. М., 1928.
17. Щуцкий Ю.К. Китайская классическая «Книга перемен». М., 1960.
18. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. М., 1984.
19. Vaumann H. Lunda: Bei Bauern und Jagern in Inner Angola. B., 1935.
20. Beaumont A. A Symbolism in Decorative Chinese Art. New York, 1949.
21. Farbridge M. Article on Symbolism (Semitic). — «Hastings Encyclopaedia of Religion and Ethics». vol. 12. Edinburgh, 1922
22. Griaule M. Arts of the African Native. L., 1950.
23. Jung C.G. Symbols of Transformation (Collected Works, 5). London, 1953.
24. Jung C.G. Psychology and Alchemy (Collected Works, 12). London, 1953.
25. Leib A. «Folklore». vol. 57, 1946.
26. Levi E. Les Mysteres de la Kabbale. Paris, 1920.
27. Schneider M. El origen musical de los animales-simbolos en la mitologia y la escultura antiguas. Barcelona, 1946
28. Spence L., Article on the Cherokees. — «Hastings Encyclopaedia of Religion and Ethics». vol. 3. L., 1958.
29. Star E. Les Mysteres de L'Etre. Paris, 1902.
30. Teillard A. Il Simbolismo dei Sogni. Milan, 1951
31. Turner V.W. Ndembu Divination: Its Symbolism and Techniques.— «Rhodes — Livingstone Institute Paper». N 31, 1961.
32. Wirth O. Le Tarot des imagiers du Moyen Age & Paris, 1927.
33. Wunderlich E. Die Bedeutung der roten im Kultus der Griechen und Romer. — Giessen, 1925.
34. Zimmer H. Myths and Symbols in Indian Art and Civilization. N.Y., 1946.

ГЛАВА 2. Психофизиологическое и психологическое воздействие цвета на человека

Казалось бы, что очевидным является суждение о том, что цвета, с самого рождения

окружающие каждого из нас, оказывают на организм, нервную систему и психику человека объективное, непосредственное влияние, настраивая его в унисон с окружающим миром. Однако эта идея о непосредственном воздействии цвета на психику человека, а тем самым, и имманентности цветовых значений, вызвала и вызывает активное неприятие сторонников социокультурного подхода в объяснении генезиса цветовых ассоциаций. Основным в их подходе является утверждение об опосредованности цветового воздействия предметными связями цвета, необязательно представленными в сознании в развернутой форме, но каждый раз актуализирующимися, когда человек наблюдает тот или иной цвет. В данном случае могут использоваться понятия «латентного обучения», «культурной памяти», и т.д. Тем самым, отношение к цвету целиком и полностью определяется культурно-историческими традициями и обычаями.

Не отрицая роли предметных связей цвета в становлении его значений, следует признать, что ведущим фактором в формировании цветовых значений являются, отнюдь, не они, а объективный характер цветового воздействия на человека, как об этом свидетельствуют данные психофизиологических и психологических исследований.

2.1. Воздействие цвета на вегетативную нервную систему

Свет и цвет оказывают мощное воздействие на формирование психофизиологического статуса организма человека. Это влияние, в первую очередь, опосредуется деятельностью ВНС, ее симпатического и парасимпатического отделов — СНС и ПНС.

В 1879 г. Н.Е. Введенским было описано повышение осязательной чувствительности, происходящее при освещении. В работе И.В. Годнева «К учению о влиянии солнечного света на животных» (1882) показано, что на свету обостряются осязательная, обонятельная и вкусовая чувствительность. Переход от темноты к свету приводит к уменьшению частоты пульса и повышению кровяного давления (С.О. Истманов, 1885). В 1904 г. П.П. Лазарев в Москве демонстрировал опыт, показывающий факт усиления слуховой чувствительности под влиянием освещения.

Особые заслуги в данном направлении принадлежат школе известного русского физиолога — проф. С.В. Кравкова. Главным итогом многочисленных экспериментов, посвященных связи цветового зрения с другими органами чувств, было выявление взаимосвязи между цветовым зрением и ВНС, а также гипоталамусом, который, как известно, играет интегрирующую роль в деятельности физиологических и психических функций организма. Считается, что ядра передней гипоталамической области, тесно связанные с нейрогипофизом, имеют отношение к интеграции ПНС, а ядра задней гипоталамической области, примыкающие к ретикулярной формации, — к интеграции СНС. Зрительные проводящие пути анатомически тесно связаны со всеми этими структурами. СНС обеспечивает на психофизиологическом уровне поведение по типам «борьбы» или «бегства». Активация СНС приводит к расширению зрачков, увеличению частоты сердечных сокращений (ЧСС), усилению кровотока, при этом, кровь приливает к мозгу и мышцам. Ослабевают моторика кишечного-желудочной системы, замедляются процессы пищеварения. Дыхание учащается, в крови возрастает концентрация глюкозы и жирных кислот. Все это обеспечивает необходимый уровень активации организма для того, чтобы он мог бороться или спастись бегством. При преобладающей активности

ПНС, наоборот, создаются условия для отдыха и восстановления сил. Общий характер парасимпатической активации напоминает то состояние покоя, которое наступает после сытной еды. Усиливается приток крови к пищеварительному тракту, сокращается ЧСС, зрачки сужаются и т.д. СНС и ПНС находятся между собой в реципрокных отношениях, обеспечивая как гомеостаз, так и адаптацию к внешним воздействиям.

Результаты экспериментальных работ школы С.В. Кравкова (1935—1951 гг.) показали, что цветное воздействие приводит к определенным изменениям тонуса ВНС, а в свою очередь, изменение тонуса ВНС оказывает влияние на цветное зрение.

Симпатикотропные раздражители повышают чувствительность к сине-зеленой части спектра, а чувствительность к красно-желтой части у глаза снижается. Особенно показательно в этом плане прямое введение в глаз адреналина. И наоборот, парасимпатикотропные агенты улучшают чувствительность к красному и желтому, а к синему и зеленому — снижают.

Восприятие красно-желтой части спектра вызывает активацию СНС и тормозит ПНС. Синий и зеленый оказывают депрессирующее действие на СНС и активирующее на ПНС (см. также Л. Буш — 1965 г.).

Из этого следует, что чувствительность глаза к красно-желтой и сине-зеленой частям спектра носит реципрокный характер, аналогично реципрокным взаимосвязям СНС и ПНС.

Снижение (или повышение) чувствительности к цвету означает увеличение (или уменьшение) абсолютного порога различения данного цвета. Тем самым, активация СНС приводит к улучшению различения синего и зеленого, а активация ПНС — красного и желтого, что в результате приводит к восстановлению баланса, т.к. желтый с красным стимулируют СНС, а синий с зеленым — ПНС.

Подобный характер взаимосвязей цветового восприятия с деятельностью ВНС, позволяет сделать вывод об объективной нужде последней в цветовых раздражителях для своей само регуляции. Можно сказать, что организм, находящийся в состоянии «борьбы» или «бегства» нуждается в большей степени в цветах сине-зеленой гаммы, чем красно-желтой. В тоже время, состояния покоя и восстановления приводят к увеличению потребности в «активных» цветах и снижению — в «пассивных». Тем самым, поддерживается равновесие двух отделов ВНС между собой.

При доминировании СНС дальнейшее увеличение ее активации, которой способствуют красный и желтый, может привести к дистрессу, нарушению гомеостаза и поэтому чувствительность глаза к этим цветам снижается, они как бы не замечаются. Усиление же чувствительности к синему и зеленому оказывает тормозящее воздействие на СНС и способствует восстановлению баланса. Также нежелательно и длительное превалирование ПНС, т.к. это снижает готовность организма к активным действиям. Отсюда понятным становится улучшение чувствительности зрения к «активным» цветовым раздражителям, вызывающим повышение тонуса СНС.

Это — общая схема взаимосвязи цветового зрения и ВНС, в рамках которой возможны определенные нюансы в зависимости от конкретных фаз в деятельности СНС и ПНС, и индивидуальных особенностей реактивности ВНС. Так в исследованиях Н.К. Плишко (1980 — 1; 2) было показано, что для состояния функционального возбуждения нервной системы (НС) характерен более низкий порог (абсолютный) цветоразличения красного цвета в сравнении с зеленым и особенно синим. При функциональном торможении наблюдалось обратное соотношение порогов цветоразличения для данных цветов.

Исходя из этого, становится «психофизиологически» понятным ряд «положительных» и «отрицательных» значений цветов.

Так синий, и в какой-то мере зеленый, оправдывают свои характеристики, как релаксирующих, успокаивающих, и поэтому особо предпочитаются людьми, испытывающими нужду в расслаблении и отдыхе. Однако длительное воздействие этих цветов приводит к торможению и даже депрессии, вызывает впечатление чего-то печального и скучного. Красный и желтый как стимулирующие так же оправдывают свои традиционные характеристики цветов «активной стороны». В этих цветах «заинтересована» НС человека, хорошо отдохнувшего, восстановившего силы, испытывающего потребность в интенсивной деятельности, проявлении своей энергии. Длительное воздействие этих цветов может привести к перевозбуждению, а затем и к защитному торможению НС.

Характер взаимосвязи белого и черного с деятельностью ВНС является аналогичным: белый стимулирует эрготропную систему организма, а черный — трофотропную; активация ПНС увеличивает «нужду» в белом цвете, а СНС — в черном. После активного, напряженного, насыщенного событиями дня (белый) наступает ночь (черный), когда человек может расслабиться и отдохнуть. Если с утра пасмурно и в природе преобладают свинцово-синие тона, то настроиться на активную работу бывает очень трудно, человек может впасть в пассивное, дремотное состояние и находиться в нем достаточно долго. И наоборот, яркое, солнечное утро способствует быстрому переходу от сна к бодрствованию, достижению необходимого уровня активности.

Как уже отмечалось, характер воздействия световой и цветовой среды на ВНС человека опосредуется ее индивидуальной реактивностью, как на протяжении суток, так и в течение более длительного времени.

Взаимосвязь между цветоразличением и ВНС особенно наглядно проявляет себя в условиях дистресса. Так по данным Л.А. Китаева-Смык (1983) при дистрессе у испытуемых возрастает чувствительность к коротковолновой (синей) части спектра, а чувствительность к средней и длинноволновой (зеленому, желтому, красному) — снижается. В других работах этого же автора (1963; 1969) было установлено, что при кратковременном гравитационном стрессе наблюдаются разнонаправленные изменения чувствительности зрения к синему и желтому насыщенным и спектральным тонам. Если ненасыщенные цветовые тона (близкие к порогу различения цвета) при изменении действия силы тяжести (ускорение или невесомость) казались еще менее насыщенными или бесцветными, то насыщенные тона при тех же воздействиях казались более насыщенными и яркими. В условиях невесомости из

насыщенных цветов самым ярким казался желтый, а при ускорении (1.5 g) — синий цвет.

Цветовое воздействие может усиливать вегетативные проявления стресса. Так «цветовая нагрузка» с использованием коричневого, оранжевого и особенно желтого заметно усиливает имеющуюся при кинетозе тошноту (Л.А. Китаев-Смык, 1977). Быстрая установка перед испытуемым яркого желтого экрана могла при наличии тошноты вызывать рвоту, при этом, как отмечает Китаев-Смык, испытуемые испытывали субъективное ощущение «удара в живот». И наоборот, воздействие голубого, фиолетового и особенно синего цвета несколько снижало тошноту при кинетозе.

Экспериментальные данные, подтверждающие важную роль цветового воздействия в регуляции деятельности ВНС, приводятся также в работах Б.И. Шапиро (1965) и J.H. Stolper (1977).

2.2. Воздействие цвета на центральную нервную систему и психическую деятельность человека

То, что цвет оказывает воздействие на деятельность Центральной нервной системы, в свете вышеизложенных экспериментальных данных является несомненным. Однако в отличие от вегетативной нервной системы, на которую цвет оказывает безусловное воздействие, взаимосвязь между цветом и центральной нервной системой (ЦНС) человека представляет более сложную картину. Если для ВНС цвет — это, прежде всего, кванты энергии, поступающие в организм из внешнего мира, то для ЦНС, цвет, если можно так выразиться, — и квант информации об окружающем мире.

Благодаря определенным отделам ЦНС, у человека формируются цветовые ощущения, а интегративная деятельность ЦНС обеспечивает функционирование цветового восприятия и более сложные формы обработки информации. Специфические поражения Центральной нервной системы могут привести к потере человеком способности воспринимать цвета частично или полностью, т.н. цветовой агнозии (Е.Д. Хомская — 1987). Различают собственно цветовую агнозию и цветовую слепоту или дефекты цветоощущения. Собственно цветовая агнозия не исключает цветоощущения и правильного различения отдельных цветов. Но больные с цветовой агнозией неспособны, решать задачи по цветовой классификации, предметной отнесенности цвета. Например, они не могут сказать, какой цвет у апельсина, морковки и т.д. Цветовая агнозия имеет центральное происхождение. При цветовой слепоте наблюдается либо тотальное, либо парциальное отсутствие цветоразличения. Этот дефект может иметь как периферическое происхождение (поражения сетчатки), так и центральное, в частности, при поражении 17 поля затылочной коры головного мозга. Таким образом, воздействие цвета на Центральную нервную систему, с одной стороны, опосредовано деятельностью ее цветового анализатора, (специфический информационный канал), а с другой — ВНС (неспецифический энергетический канал).

Цвет, как энергия, необходим для поддержания тонуса Центральной нервной системы. Известны случаи т.н. «цветового голодания», когда при цветовой бедности окружающего пейзажа и обстановки развивались симптомы астенизации. У детей, длительное время проживающих в условиях «цветового голодания», отмечаются даже задержки

интеллектуального развития (В.Е. Демидов — 1987).

Энергетическая сторона цветового воздействия на Центральную нервную систему изучена, явно, недостаточно. Имеющиеся в цветовой психологии факты носят отрывочный, фрагментарный характер. Одним из немногих, достаточно широко освещенных аспектов этой проблемы, являются цветовые предпочтения. Казалось бы, цветовые предпочтения имеют косвенное отношение к вопросу об энергетическом воздействии цвета на ЦНС. Однако, не исключая, другие факторы, влияющие на цветовые предпочтения человека, нельзя отрицать, что на них оказывают существенное влияние энергетические свойства цвета.

2.2.1. Цветовые предпочтения

Перечисление всех вероятных факторов, определяющих цветовые предпочтения людей, заняло бы достаточно много места. Часть из них связано с культурными обычаями и традициями, цветовой символикой, другие с индивидуальными особенностями человека, третьи — с характеристиками цветового раздражителя. Не исключено выделение и другого рода подобных факторов. Так, например, Л.П. Урванцев (1981) выделяет пять факторов: утомление и адаптация; размеры цветового образца; принцип аффективного контраста; фон, на котором предъядвляется цветовой образец; насыщенность и яркость. Нетрудно заметить, что, по меньшей мере, три из пяти перечисленных факторов связаны с энергетическими свойствами цвета.

По данным многомерного анализа цветовых предпочтений психически здоровых испытуемых, проведенного А.Н. Румянцевой (1986), их цветовые симпатии определялись, как минимум, двумя факторами: эмоциональной оценкой цвета, как определенной «неразложимой» целостности (1) и осознаваемой или неосознаваемой эмоциональной оценкой цветовых ассоциаций (2). Несмотря на несколько неудачную формулировку, выделенные А.Н. Румянцевой факторы также оказались связанными с двумя сторонами цветового воздействия — энергетической и информационной.

Авторами цветового теста отношений (ЦТО) Е.Ф. Бажиным и А.М. Эткингом (1984; 1985) на основе экспериментальных данных, полученных при изучении эмоционально-личностного значения цветов с помощью методики личностного семантического дифференциала (ЛСД), делается вывод о возможности описания цветов в терминах семантического дифференциала Ч. Осгуда (1957). Каждый цвет (из 8-ми цветового варианта теста М. Люшера) имеет определенное сочетание оценок по факторам силы (Р) и активности (А), по которым его можно дифференцировать. Разброс значений факторов оказался для этого достаточным. В то же время, различия по фактору оценки (Е) были значительно меньшими.

Ч. Осгуд (1957), изучая с помощью СД роль цвета в рекламной продукции, эмоциональном воздействии произведений искусства и архитектуры, выявил, что цветовой ряд, составленный на основе оценок цветов по фактору «А», практически, совпадает с последовательностью этих цветов в спектре: наиболее высокие оценки по фактору «А» отмечены у цветов красно-желтой части спектра, а наименьшие — у сине-зеленой. Оценки цветов по фактору «Р» оказались в прямой зависимости с таким параметром цвета как насыщенность. В нашем исследовании (1991) также подтверждена ведущая роль факторов «Р» и «А» семантического

дифференциала Осгуда в организации семантического пространства цветовых стимулов у здоровых и психически больных испытуемых, а также выявлена зависимость между оценками цвета по данным факторам и его предпочитаем остью испытуемыми.

Результаты данных экспериментальных работ дают основание считать энергетический аспект цветового воздействия одним из ведущих при формировании цветовых предпочтений. Тем самым, цветовые предпочтения человека могут отражать объективную нужду его Центральной нервной системы в энергетическом воздействии цвета. Косвенно это подтверждается данными изучения корреляций между различными показателями электроэнцефалографического (ЭЭГ) исследования и цветовыми симпатиями испытуемых, проведенного нами.

Было выявлено, что показатель активации ЦНС (уровень биоэлектрической активности — УБА) достоверно связан с предпочтением определенных цветов теста М. Люшера. При активации ЦНС наблюдалось предпочтение фиолетового, красного и желтого цветов, тогда как при торможении, наоборот, эти цвета отвергались. В целом, низкому УБА соответствовало предпочтение цветов красно-желтой части спектра над сине-зеленой, а для высокого УБА наблюдалось обратное соотношение. Особенно выраженной эта тенденция проявилась в диапазоне альфа ритма. При этом отмечен тот факт, что испытуемые с низким УБА оценивают свое состояние как более активное, бодрое, работоспособное, чем испытуемые с высоким показателем УБА. Отсюда можно сделать вывод, что предпочтение цветов красно-желтой части спектра отражает состояние повышенной активации Центральной нервной системы.

Подобный вывод подтверждается результатами изучения цветовых симпатий различных слоев и групп населения.

2.2.2. Цветовые предпочтения детского возраста

Экспериментальное изучение цветовых предпочтений детей дошкольного возраста в 19 веке первоначально было связано с проблемой возрастных границ способности цветоразличения. В обзоре К.В. Бардина (1972) приводятся результаты этих работ, и делается вывод об отсутствии какой-либо закономерности в цветовых предпочтениях детей: «...вообще не существует определенного порядка предпочтения цветов» (с.249). Наш анализ изложенных результатов экспериментальных работ, приводимых в обзоре К.В. Бардина, позволяет не согласиться с подобным выводом. В таблице 2.2.2.1. сведены воедино результаты этих работ, что дало возможность выявить ведущую тенденцию в цветовых предпочтениях обследованных детей. Для составления таблицы использовались результаты 12 экспериментальных работ: У.Ю. Уффельмана (1881), У.А. Бине (1890), М. Шинн (1905), У.А. Габбини (1893), Р. Мардсена (1903), Ч. Майерс (1908), Е. Вули (1909), В.П. Бражас (1911), В. Прейера (1912), К. Валентайн (1914), Р. Степлз (1932).[Список авторов, приводится в работе К.В. Бардина (1972).]

Учитывая, что в различных исследованиях использовалось разное количество цветовых стимулов, в таблицу внесены данные о предпочтении тех цветов, которые упоминались не менее, чем в пяти работах. Количество цветовых позиций для удобства ограничено числом

восемь. Если в цветовом списке какого-либо из указанных выше авторов цвет занимал место ниже восьмого, то проводилось округление до восьми.

Таблица 2.2.2.1. Цветовые предпочтения детей

	Позиция цвета в цветовом ряду предпочтений								
	1	2	3	4	5	6	7	8	
Красный	8	2	1	1					1.58
Желтый	3	4	1	1		1		1	2.00
Голубой \ синий	1	1	4	1	2			1	3.70
Коричневый		1		1	3				4.20
Зеленый		3	1	1			1	2	4.75
Оранжевый			2	1			2		4.80
Фиолетовый				2		2		1	5.60

Во всех работах в состав цветовых стимулов включался красный цвет. Как видно из таблицы 2.2.2.1. по результатам восьми работ он занимает первое место в списке цветовых предпочтений детей, а в остальных случаях не опускается ниже 4-го места. Подобный результат дает право считать его «самым любимым» цветом детского возраста, учитывая еще и тот факт, что первую от последней работы из выше приведенного списка отделяет более полувека, а работы проводились в разных странах.

Вслед за красным следует желтый, использовавшийся в одиннадцати исследованиях. В девяти из них он также не опускается ниже четвертого места и, хотя он менее «популярен», чем красный, положительное отношение к нему у детей значительно превалирует над отрицательным. Красный и желтый — цвета «активной стороны» пользуются у детей младшего возраста значительно большей симпатией, чем какие-либо другие цвета, как это видно из таблицы 2.4. (ср. среднее значение их рангов).

Цвета коротковолновой части спектра (синий и зеленый) значительно проигрывают им в популярности. Несколько странным выглядит невысокое место в ранговом ряду предпочтений оранжевого цвета, но здесь надо учитывать, что он использовался только в пяти работах, а цвета, о которых говорилось выше, не меньше, чем в восьми.

Р. Франсе в «Психологии эстетики», а также М. Сент-Джордж и В. Уолтон (см. М. Афасижев — журн. «Искусство», 4, 1971 г.) делают вывод о «врожденности цветовых предпочтений детей». По их данным, дети в возрасте до 1 года независимо от национальности и места проживания обнаруживают одинаковые цветовые предпочтения: красный, желтый и оранжевый они предпочитают синему, зеленому и фиолетовому.

Любовь детей к цветам «активной стороны» проявляется и в их рисунках. В работе В.С. Мухиной (1981) показано, что дети дошкольного и младшего школьного возраста чаще всего используют в своих рисунках цвета с характеристиками «яркий», «светлый», «чистый». Предпочтение их настолько выражено, что дети стараются использовать эти цвета при рисовании как можно чаще, что в свою очередь, приводит, с точки зрения взрослого наблюдателя, к нереалистическому изображению (в терминологии В.С. Мухиной —

«неподражательный цвет»). Так возникают красные и желтые дома, самолеты, люди, деревья и т.д. Мрачные, холодные, темные тона используются детьми (особенно до 5-ти лет) только в тех случаях, когда взрослый просит их нарисовать нечто нелюбимое и неприятное для ребенка. При этом, дети могли давать пояснения типа: «черное — грязное — некрасивое».

Несмотря на различия методологических подходов и методик исследования в рассмотренных работах, тенденция предпочтения детьми ярких и светлых стимулов проявляет себя постоянно.

Г. Фрилинг и К. Ауэр (1973), изучая цветовые симпатии людей в зависимости от их пола и возраста, выявили, что дети от 4-х до 10 лет отдают предпочтение красному, пурпурному, розовому и бирюзовому и отвергают черный, темно-коричневый и серый. Причем, в детском возрасте половые различия в цветовых предпочтениях не являются значимыми. Цветовые предпочтения детей авторы связывают с индивидуальными особенностями. «Очень живой и несобранный ребенок проявляет определенный интерес к красному; ребенок, склонный к фантазии, мечтательности, с открытой душой, но еще неспособный к самостоятельным действиям из всех цветов использует при рисовании, главным образом, желтый» (с. 88).

В нашем исследовании цветовых предпочтений детей дошкольного (5-6 лет) и младшего школьного возраста с помощью 8-ми цветового теста М. Люшера, а также в неопубликованной работе О. Кизиловой и Е. Беляевой также подтверждается указанная выше тенденция. Независимо от пола детей, ими часто всего предпочитались фиолетовый (который у Люшера сдвинут больше в сторону красного), красный и желтый, а отвергались — черный, серый и коричневый.

При обосновании своего цветового выбора дети не опираются на предметные ассоциации цвета, а исходят из впечатления, производимого на них тем или иным цветовым стимулом. Яркие цвета их радуют и привлекают, взгляд ребенка сам тянется за таким цветом. Причем, следует отметить, что воздействие красного, желтого и других ярких цветов не раздражает детей младшего возраста, а даже успокаивает, позволяет ребенку чувствовать себя комфортно. Основатель Вальдорфской школы педагогики Рудольф Штейнер советовал воспитателям использовать красный цвет для успокоения ребенка трех-четырёх лет.

Подобные факты дают основание считать, что нервная система здорового ребенка действительно объективно нуждается в энергетическом воздействии длинноволновой части спектра (преимущественно); яркие, светлые оттенки оказывают на Центральную нервную систему влияние, без которого она обойтись не может. Цвета можно сравнить с витаминами, необходимыми ребенку для своего роста и развития, и по аналогии с явлением авитаминоза, имеет смысл говорить о «цветовой депривации», которая может привести к задержкам и искажениям нормального хода развития нервно-психической деятельности ребенка. В этой связи, можно предположить, что т.н. «ночные страхи» детей младшего школьного возраста, при которых ребенок не может заснуть в темной комнате из-за страха перед ее чернотой и требует приоткрыть дверь или зажечь свет, связаны, кроме всего прочего, и с «цветовой (световой) депривацией». Страх ребенка, тем самым, отражает фрустрацию, возможно, обостренной потребности в цветовом воздействии на его ЦНС.

Какие именно структуры и функции Центральной нервной системы требуют для своего нормального развития цветовое воздействие? Этот вопрос на сегодняшний день остается, практически, без ответа.

2.2.3. Цветовые предпочтения взрослого населения

Если цветовые симпатии детей обусловлены, прежде всего, энергетическими характеристиками цвета, то у взрослых они не в меньшей мере зависят и от информационной составляющей цветового воздействия, которая, в свою очередь, определяется общественно-культурным опытом, традициями цветовой символики, модой и т.д. Цветовые предпочтения детей в гораздо меньшей степени индивидуальны, чем у взрослых, поэтому выявление какой-то одной общей тенденции для последних, весьма, проблематично. Однако подобные попытки неоднократно предпринимались.

Наиболее широкомасштабное из подобных исследований было проведено R.W. Bunham, R.M. Yanes и C.J. Bartleson (1963), обследовавших 21060 испытуемых различного пола и возраста. Наиболее предпочитаемыми цветами оказались голубой, красный, зеленый, фиолетовый, оранжевый и желтый.

Сходные результаты, поставив перед собой задачу определения нормативных показателей цветовых предпочтений взрослых, получили А.Е. Ольшанникова, В.В. Семенов и Л.М. Смирнов (1976) при изучении цветовых выборов 386 испытуемых. Самым привлекательным испытуемые выбрали голубой цвет. Вслед за ним расположились белый, зеленый, красный, синий, желтый, серый, фиолетовый и черный.

Г. Фрилинг и К. Ауэр (1973) указывают на то, что с возрастом растет предпочтение более темных, спокойных тонов — коричневого, оливкового, серого, черного, но в целом, по прежнему, чаще предпочитают красный, желтый, зеленый и синий. При этом мужчины больше симпатизируют красному и желтому, а женщины — синему.

А.М. Эткинд (1985) указывает на несколько иные зависимости цветовых выборов. Так испытуемые юношеского возраста в его выборке оказывали значительно более частое предпочтение синему и черному в сравнении с пожилыми. Но вместе с тем, последние чаще предпочитали серый и коричневый. Кроме того, молодые испытуемые «недолюбливали» оттенки зеленого. Половые различия сказались в предпочтении желтого: он чаще выбирался мужчинами. В отношении 2-х цветов (в качестве экспериментальной методики использовался тест Люшера) была выявлена значимость фактора образования: испытуемые с высшим образованием реже предпочитали синий и фиолетовый.

И.А. Скоттом (см. руководство к тесту М. Люшера под ред. Г. Клара — 1974) в Англии было проведено обследование 800 испытуемых, взрослых обоого пола. Для экспериментальных целей из всего массива данных были взяты две выборки, по 50 результатов тестирования методикой М. Люшера в каждой. Статистический анализ методом χ^2 («хи-квадрат») показал, что цветовые предпочтения 2-х, случайно выбранных, групп испытуемых ничем достоверно друг от друга не отличаются. Последовательность цветовых предпочтений была следующей:

Группа «А»	Группа «В»
Синий	Синий
Зеленый	Красный
Красный	Зеленый
Желтый	Желтый
Серый	Серый
Коричневый	Коричневый
Фиолетовый	Фиолетовый
Черный	Черный

По результатам всех 800 испытуемых красный «опередил» в итоге синий и с незначительным отрывом занял первое место, а в остальном цветовая последовательность осталась без изменений. И.А. Скотт приходит к выводу, что даже, если не считаться со значением, которое Люшер придавал различным цветам, все таки необходимо констатировать, что выбор цвета уже сам по себе имеет значение. Если бы это было не так, то 800 испытуемых распределили цвета на 8-ми возможных местах более или менее равномерно, согласно закону случайного распределения. Частота появления цвета на каждом из 8-ми мест должна была бы быть близкой к 100 (для 800 испытуемых). Однако это не так, как это видно из таблицы 2.2.3.1. Только распределение желтого цвета по данным статистического анализа имеет тенденцию к случайности. Это подтверждает и анализ, проведенный самим М. Люшером, по результатам тестирования 4756 взрослых различных стран Европы. Причем, как мы помним, в детской популяции распределение желтого далеко от случайного, что наблюдается и в работе К. Флейнгауза, обследовавшего 1000 школьников в возрасте от 7 до 14 лет. У них данный цвет оказался одним из самых любимых (результаты приведены в таблице 2.2.3.2).

Таблица 2.2.3.1. Цветовые предпочтения взрослых (по И.А. Скотту)

	Позиция цвета в цветовом ряду предпочтений								
	1	2	3	4	5	6	7	8	
Серый	68	106	78	98	95	147	129	79	800
Синий	189	118	119	107	114	68	68	17	800
Зеленый	106	134	152	138	99	66	68	37	800
Красный	186	150	120	11	80	74	57	22	800
Желтый	96	113	116	87	91	112	97	86	800
Фиолетовый	91	78	81	88	95	57	106	204	800
Коричневый	39	67	78	109	153	94	131	129	800
Черный	23	34	56	62	73	182	144	220	800
Сумма	800	800	800	800	800	800	800	800	6400

Таблица 2.2.3.2. Предпочтение желтого цвета взрослыми (по К. Флейнгаузу)

	Позиция цвета в цветовом ряду предпочтений								
	1	2	3	4	5	6	7	8	
Желтый	173	283	223	131	99	45	31	15	1000

Нами также было проведено исследование цветовых предпочтений взрослых обоого пола в возрасте от 16 до 70 лет. Усредненный ранговый ряд их цветовых выборов имел следующий вид:

1. Зеленый
2. Красный
3. Фиолетовый
4. Синий
5. Коричневый
6. Серый
7. Желтый
8. Черный

В эксперименте приняло участие 400 человек, 230 — женщин и 170 — мужчин. Большая часть испытуемых пришлась на возраст от 21 до 34 лет (195 человек). В качестве экспериментальной методики использовался тест М. Люшера.

В таблице 2.2.3.3. приводится частота (в %) появления каждого цвета на каждой из 8-ми позиций цветового теста Люшера. Нетрудно подсчитать, что, если бы цветовые выборы испытуемых распределялись случайным образом, то частота появления любого цвета на любом из мест должна была бы приближаться к значению 12.5%. Однако, как показывает статистический анализ, в том числе и методом «хи-квадрат», для большинства цветов этого не наблюдается, особенно, для зеленого, фиолетового, коричневого и черного. Наиболее близко к показателю случайности оказалось распределение выборов серого цвета.

Таблица 2.2.3.3. Цветовые предпочтения взрослых (по Б.А. Базыма)

	Позиция цвета в цветовом ряду предпочтений								
	1	2	3	4	5	6	7	8	
Серый	10	13	14	11	14	12	14	13	100
Синий	12	13	15	15	13	12	14	6	100
Зеленый	19	19	18	15	12	7	7	3	100
Красный	16	15	11	16	10	13	9	11	100
Желтый	9	10	13	10	13	16	16	12	100
Фиолетовый	24	14	11	8	10	7	11	15	100
Коричневый	8	11	12	18	17	14	10	5	100
Черный	1	4	5	7	11	19	18	35	100
Сумма	100	100	100	100	100	100	100	100	

Факторы пола и возраста для данной группы проявили себя традиционно: более молодые испытуемые чаще выбирали яркие и светлые цвета, чем пожилые. Это же верно и, в целом, для мужчин по сравнению с женщинами. Однако для испытуемых в возрасте от 45 до 54 лет фактор пола оказался связанным с обратной тенденцией — женщины этого возраста отдавали предпочтение ярким цветам почти в два раза чаще, чем мужчины. Подобная тенденция подтвердилась и при использовании расширенного варианта цветового теста Люшера.

Несмотря на определенный разброс значений, полученных в рассмотренных работах, их результаты позволяют сделать ряд достоверных выводов. Господствующая тенденция детского возраста — предпочтение ярких и светлых оттенков (особенно красного и желтого)

у взрослых, практически, нивелируется. Особенно это касается желтого цвета, который, если и не переходит в разряд отвергаемых цветов, то начинает испытывать к себе достаточно «прохладное» отношение. Возрастной границей, разделяющей «детский» и «взрослый» типы цветового выбора может считаться период от 15 до 20 лет, то есть время окончательного формирования Центральной нервной системы человека. Предпочтение цветов сине-зеленой части спектра взрослыми, нередко, становится доминирующим над выборами красного и желтого.

Обследование 5300 жителей Германии обоего пола в возрасте от 16 до 70 лет (Г. Клар — 1974) показало, что синий и зеленый для них являются гораздо более привлекательными, чем красный и желтый. Почти в 40% случаев на первые два места испытуемые ставили либо синий, либо зеленый, тогда как частота выбора красного и желтого на эти места не превысила уровня 29%. В нашем исследовании эти показатели равнялись 31.5% и 25% соответственно. Отвержение красного и желтого (последние два места) для жителей Германии составило 20.5%, а синего и зеленого — только 10.5%. В группе, обследованной нами, получены, примерно, сходные результаты — 24% и 15%.

Приведенные результаты позволяют сделать вывод, что воздействие синего и зеленого оценивается взрослыми испытуемыми (через цветовые выборы), как более желательное, чем — красного и желтого.

Клинические наблюдения цветового воздействия на человека, а также данные психологии цвета позволяют дать цветам следующие психофизические и психофизиологические характеристики:

1. Красный — возбуждающий, согревающий, активный, энергичный, проникающий, тепловой, активизирует все функции организма; используется для лечения ветряной оспы, скарлатины, кори и ряда кожных заболеваний; на короткое время увеличивает мускульное напряжение, повышает кровяное давление, ускоряет ритм дыхания (см. воздействие цвета на ВНС).
2. Желтый — тонизирующий, бодрящий, согревающий, увеличивающий мышечную активность, стимулирующий деятельность ЦНС, оказывает лечебное воздействие при заболеваниях пищеварительного тракта, печени, почек, ревматизме и др.
3. Зеленый — уменьшает кровяное давление и расширяет капилляры, успокаивает, снимает напряжение, облегчает невралгии и мигрени, используется при лечении астмы, ларингита и др.
4. Синий — замедляет сердечную активность, действует седативно, успокаивающее действие может перейти в тормозящее, депрессию. Синие лучи применяют при лечении воспалительных заболеваний глаз, ветрянке, скарлатине и др. [по данным Г. Фрилинга и К. Ауэра — 1973; Л.Н. Мироновой — 1984; И.В. Андрианова и Г.И. Демидова — 1991 г]

С учетом этих данных, цветовые выборы взрослых можно рассматривать как отражение

превалирования потребности в стабильном, уравновешенном состоянии, сохранении достигнутого и даже релаксации над потребностью в активности, росте и развитии, которая доминирует у детей.

Л.Н. Миронова (1984), анализируя различия в цветовых предпочтениях в зависимости от возраста и образовательного уровня, полагает, что простые, чистые, яркие цвета действуют на человека как сильные, активные раздражители. Они удовлетворяют потребностям людей со здоровой, неутомленной нервной системой — дети, подростки, молодежь, крестьяне, люди физического труда, открытые, простые и прямые натуры. Сложные, малонасыщенные, разбавленные оттенки действуют, скорее, успокаивающе, чем возбуждающе, вызывают более сложные ощущения, отражают потребности субъектов достаточно высокого культурного уровня и предпочитают чаще людьми среднего и пожилого возраста, интеллигентного труда, лицами с утомленной и тонко организованной нервной системой.

Литература

1. Бажин Е.Ф., Эткинд А.М. Цветовой тест отношений (ЦТО). Методические рекомендации. Л., 1985. 18 с.
2. Базыма Б.А., Густяков Н.А. О цветовом выборе как индикаторе эмоциональных состояний в процессе решения малых творческих задач. //Вестник ХГУ. Харьков, 1988. N 320. с. 22-25.
3. Базыма Б.А., Кутько И.И. Цветовые предпочтения подростков с акцентуациями характера. //Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. Том 97, №1, 1997 г. с. 24-28.
4. Базыма Б.А. Взаимосвязь цветовых предпочтений и идентификации с цветом. //Материалы конференции «Актуальные вопросы практической психологии и логопедии в учреждениях образования и охраны здоровья Украины». Харьков., 1998 г. с. 106-109.
5. Бардин К.В. Развитие цветоразличения в онтогенезе человека. //Сенсомоторные процессы. М., 1972. с. 244-264.
6. Берзницкас А.И. Экспериментальное исследование некоторых характеристик интеллектуальных эмоций. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. Л., 1980.
7. Беспалько И.Г. О соотношении между цветовыми порогами, соматотипом и эмоциональным состоянием. //Математические методы в психиатрии и неврологии. Л., 1972. с. 176-178.
8. Бразман М.Э., Дорофеева Э.Т., Щербатов В.А. О дифференциации некоторых эмоциональных состояний методом измерения цветовой чувствительности. //Проблемы моделирования психической деятельности. Новосибирск, 1967. с. 171-174.
9. Васякина О.Е. Сдвиги цветовых предпочтений в состоянии дискомфорта (курсовая работа). //Вестник МГУ. М., 1983. Серия 14. «Психология». N4. с. 60.
10. Веккер Л.М. Психические процессы. т. 2. Л., 1981. 325 с.
11. Ворсобин В.Н., Жидкин В.Н. Изучение цвета при переживании положительных и отрицательных эмоций дошкольниками. //Вопросы психологии. 1980. N3. с. 121-124.
12. Вундт В. Основы физиологической психологии. М., 1880. 589 с.
13. Густяков Н.А., Базыма Б.А. К вопросу о взаимосвязи мотивов и мышления. //Вестник ХГУ. Харьков, 1986. N 287. с. 18-25.
14. Дашков И.М., Устинович Е.А. Экспериментальные исследования валидности шкалы субъективного предпочтения цвета (тест Люшера). //Проблемы моделирования. Диагностика

- психических состояний в норме и патологии. Л., 1980. с. 115-126.
15. Дорофеева Э.Т. О возможных критериях распознавания эмоциональных состояний. //Проблемы моделирования психической деятельности. Новосибирск, 1968. вып. 2. с. 279-280.
 16. Дорофеева Э.Т., Карпинский А.М., Случевский Ф.И., Щербатов Б.А. Некоторые пути объективных дифференцировок особенностей эмоционального фона при различных психопатологических состояниях. //Актуальные вопросы клинической психопатологии и лечения душевных болезней. Л., 1969. с. 47-52.
 17. Дорофеева Э.Т. Сдвиги цветовой чувствительности как индикатор эмоциональных состояний. //Психические заболевания. Л., 1970. с. 319-326.
 18. Дорофеева Э.Т., Постников В.А., Плишко Н.К. и др. К проблеме объективации клинических картин психологическими методами исследований. //Психология и медицина. М., 1978. с. 82-88.
 19. Дерибере М. Цвет в жизни и деятельности человека. М., 1965.
 20. Зайцев В.П., Айвазян Т.А., Таравкова И.А. и др. Изучение диагностических возможностей цветового теста у больных сердечно-сосудистыми заболеваниями. //Психологический журнал. 1989. т. 10. N3. с. 106-110.
 21. Иванов Л.М., Урванцев Л.П. Экспериментальное исследование цветовых ассоциаций. //Проблемы рационализации деятельности. Ярославль, 1978. вып. 2. с. 55-64.
 22. Изард К. Эмоции человека. М., 1980.
 23. Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. М., 1983. 368 с.
 24. Кравков С.В. О связях цветового зрения с вегетативной нервной системой. //Проблемы физиологической оптики. М., т. 1. 1941.
 25. Кравков С.В. О взаимодействии органов чувств. //Исследования по психологии восприятия. Л., 1948. с. 23-42.
 26. Кравков С.В. Глаз и его работа. М., 1950.
 27. Кравков С.В. Цветовое зрение. М., 1951.
 28. Люшер М. Сигналы личности. Воронеж, 1993. 160 с.
 29. Магия цвета. Харьков 1996.
 30. Марищук В.Л., Блудов Ю.М., Плахтиенко Г.А. и др. Методы психодиагностики в спорте. М., 1984. 192 с.
 31. Миронова Л.Н. Цветоведение. Минск, 1984. 286 с.
 32. Мухина В.С. Изобразительная деятельность ребенка как форма усвоения социального опыта. М., 1981. 240 с.
 33. Ольшанникова А.Е., Рабинович Л.А. Опыт исследования некоторых индивидуальных характеристик эмоциональности. //Вопросы психологии. 1974. N 3. с. 56-62.
 34. Ольшанникова А.Е., Семенов В.В., Смирнов Л.М. Оценка методик, диагностирующих эмоциональность (опыт использования статистических закономерностей распределения показателей). //Вопросы психологии. 1976. N 5. с. 103-113.
 35. Осгуд Ч., Суси Дж., Таннебаум П. Приложение методики «СД» к исследованиям по эстетике и смежным проблемам. //Семиотика и искусствометрия. М., 1972. с. 278-298.
 36. Переверзева И.А. Исследование некоторых особенностей восприятия цвета в связи с задачей изучения эмоциональности. //Проблемы дифференциальной психофизиологии. 1981. т. 10. с. 78-83.
 37. Петренко В.Ф., Кучеренко В.В. Взаимосвязь эмоций и цвета. //Вестник МГУ. 1988. серия 14. «Психология». N 3. с. 70-82.

38. Плишко Н.К. Особенности сенсомоторных реакций при изменении эмоционального состояния. //Диагностика психического состояния в норме и патологии. Л., 1980. с. 126-134.
39. Плишко Н.К. О некоторых особенностях выбора цветов и сенсомоторных реакциях на световые стимулы различной модальности при изменении эмоционального состояния. //Диагностика психического состояния в норме и патологии. Л., 1980. с. 135-140.
40. Полуянов Ю.А. Методы изучения детского рисунка. Сообщение III. Анализ цвета. //Новые исследования в психологии. 1981. N 2. с. 53-60.
41. Попова И.А. К вопросу о возможных индикаторах некоторых эмоциональных особенностей. //Личность и деятельность. М., 1977. с. 74-79.
42. Руденко В.Е. Цвет-эмоции-личность. //Диагностика психических состояний в норме и патологии. Л., 1980. с. 107-115.
43. Румянцева А.Н. Экспериментальная проверка методики исследования индивидуального предпочтения цвета. //Вестник МГУ. М., 1986. серия 14. «Психология». N 1. с. 67-69.
44. Соловьева Е.А., Тутушкина М.К. Психосемиотический подход к проблеме цвета в практической психологии. //Актуальные проблемы современной психологии (Материалы научных чтений, посвященных 60- летию Харьковской психологической школы). Харьков, 1993. с. 429-432.
45. Тукаев Р.Д. Психофизиологическое воздействие внушенных цветовых ощущений и образов в гипнозе. Рукопись депонирована в ВНИИМИ. МЗ. СССР. N 9972-85. М., 1985. 19 с.
46. Урванцев Л.П. Психология восприятия цвета. Методическое пособие. - Ярославль, 1981. 65 с.
47. Фрилинг Г., Ауэр К. Человек, цвет, пространство. М., 1973.
48. Хомская Е.Д. Нейропсихология. М., 1987. 288 с.
49. Чхартишвили Ш.Н., Гобечия Ф.В. Влияние потребности на восприятие цветов в дошкольном возрасте. //Некоторые вопросы психологии и педагогики социогенных потребностей. Тбилиси, 1974.
50. Шварц Л.А. Изменения цветоощущения в эмоциональных состояниях. //Проблемы физиологической оптики. М, 1948. т. 6. с. 314-320.
51. Эткинд А.М. Цветовой тест отношений и его применение в исследовании больных неврозами. //Социально-психологические исследования в психоневрологии. Л., 1980. с. 110-114.
52. Эткинд А.М. Разработка медико-психологических методов исследования эмоциональных компонентов отношений и их применение в изучении неврозов и аффективных расстройств. Диссертация и автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. Л., 1985.
53. Эткинд А.М. Цветовой тест отношений. //Общая психодиагностика. М., 1987. с. 221-227.
54. Bunham R.W., Hanes R.M., Bartleson C.J. Color: A guide to basic facts and concepts. — N.Y., 1963.
55. Cattell R.B., Eber H.M., Tatusioka M.M. Handbook for the sixteen personality factor questionnaire (16 PF) in clinical, educational, industrial and research psychology. — Illinois, 1970.
56. Eysenck H.J. Principles and methods of personality discription, classification and diagnosis. — Brit. J. Psychjl., 1964, v. 55, n 3, p. 284-294.
57. Luscher M. Psychologie der Farben. Basel, 1949.
58. Luscher M. Psychologie und Psychotherapie als Kultur. Basel, 1955.
59. Luscher M. The Luscher color test. — L., 1970.

60. Osgood C.E., Suci G.J., Nannenbaum P.H. The measurement of meaning. — Illinois, 1957.
61. Rorschach H. Psychodiagnostics, 7 th. ed. — N.Y., 1969.
62. Stolper J.H. Color induced physiological response. — Man En-viron. Syst., 1977. v. 7, n. 2. p. 101-108.

2.4. Цвет и эмоции человека

В «Учении о цвете» И.В. Гете писал: «цвет — продукт света, вызывающий эмоции». Когда мы говорим: «почернел от горя; покраснел от гнева, позеленел от злости, посерел от страха», то не воспринимаем эти выражения буквально, а интуитивно связываем эмоциональные переживания человека, со способным выразить их цветом. Первым фактом, с которым сталкивается каждый исследователь отношения эмоции — цвет, является то, что оно не носит случайного произвольного характера, эмоции и цвет «сцеплены» между собой на очень глубокой основе. Цвета не являются знаками эмоций, способными ассоциативно вызывать или выражать то или иное чувство, они предстают перед человеком сами, как эмоции, точнее, как объективно воплощенные эмоции. Почему это так?

Один из родоначальников экспериментальной психологии В. Вундт в «Основах физиологической психологии» (1880) описывает органическую взаимосвязь ощущений и чувств. Филогенетически ощущения и чувства неразрывно связаны между собой. Для ряда модальностей, особенно интерорецептивных (органических), характерно, по выражению Вундта, почти «совершенное поглощение чувством» всех остальных частей ощущения. В первую очередь, это чувства удовольствия и неудовольствия. Воздействие раздражителя вызывает не только ощущение (сенсорный компонент), но и чувство по отношению к этому ощущению. Можно сказать, что ощущение «пристрастно». Психика человека преимущественно ориентирована на внешнюю реальность. Экстерорецептивные ощущения в отличие от интерорецептивных, имея четкую предметную отнесенность (особенно в зрительной и слуховой модальностях), а также в силу своего большего количественного и качественного разнообразия, оказываются более адекватными для воплощения всего многообразия чувств и настроений человека, как это отмечает Вундт.

Проведя анализ цветовых модальных характеристик эмоциональных процессов, Вундт указывает на различие физических основ эмоциогенного действия цветов и звуков. Пространственная симультанность зрительных модальных компонентов эмоций в отличие от временной сукцессивности слуховых компонентов дает первым определенное преимущество за счет своей пространственной стабильности и симультанной данности. Поэтому цвет как экстерорецепторный раздражитель не только вызывает ту или иную эмоцию, но и является исключительно удобным средством для объективации эмоциональных переживаний человека.

Л.М. Веккер (1981) считает описание Вундтом различных цветовых характеристик соответствующих эмоциональных состояний предвосхищающим все дальнейшее развитие приемов цветового тестирования эмоций, а применение цветовых методик изучения эмоциональной сферы человека имеющим большие возможности, чем звуковысотных.

Вторым существенным фактом является достаточно жесткая степень «закрепленности» за

определенным цветом определенной эмоции. Психически здоровый человек, как взрослый, так и ребенок, начиная с 3-4-х лет, когда он может вербализовать свои впечатления, понимает эмоциональное содержание основных цветов и может их дифференцировать по эмоциональному знаку.

Сотрудницей проф. Кравкова Л.А. Шварц (1947-1948) было выявлено заметное изменение цветовой чувствительности (порогов цветоразличения) в зависимости от эмоционального состояния человека. Положительные эмоции, например, радость, оказались связанными с повышением чувствительности к красному и желтому и с понижением — к синему и зеленому. При переживании отрицательных эмоций наблюдалась обратная картина: чувствительность к синему и зеленому возрастала, а к желтому и красному снижалась. Интересно, что указанные изменения цветовой чувствительности, отмечались не только при актуальном переживании эмоций, но и при воспоминаниях о приятных, либо неприятных событиях. Тем самым, экспериментальные исследования Л.А. Шварц подтверждают положение Вундта об органической связи ощущений и эмоций.

Следуя задаче, нарисовать нечто «красивое», «приятное», «хорошее» дети 3-4-х лет, как это показано в работе В.С. Мухиной (1981), чаще всего используют светлые, яркие краски — желтую, красную, оранжевую, голубую, изумрудно-зеленую. Как указывает В.С. Мухина: «цветовое решение красивого у детей всех стран сходно: цвета в большинстве случаев теплые и уж обязательно чистые, локальные» (с. 205). Проведенный сравнительный анализ использования «неподражательных» цветов детьми разных стран показал удивительное постоянство в выборе цвета для изображения красивого и некрасивого. Дети, знакомясь с рисунками своих сверстников из других стран, безошибочно по колориту рисунка определяли, где изображено «красивое», а где «некрасивое».

В работе В.Н. Ворсобина и В.Н. Жидкина (1980) изучалась динамика цветовых предпочтений дошкольников в зависимости от переживаемых ими эмоций. В случаях переживания детьми эмоций радости значимо по сравнению с фоновыми выборами увеличивалось предпочтение красного, желтого и оранжевого цветов и уменьшалось — зеленого и голубого (анализ проводился по цветовым сочетаниям). При переживании эмоции страха дети достоверно реже предпочитали сочетание красный-синий-фиолетовый, а чаще — зеленый-голубой. Авторы работы приходят к выводу, что отношение у детей данного возраста к красному цвету достаточно специфично для дифференциации эмоций радости и страха. По их мнению, метод выбора цветовых сочетаний несет большую информацию об эмоциональных состояниях, чем выборы отдельных цветов.

Результаты этих работ показывают, что цвет связан с эмоциями на самых разных уровнях психической деятельности человека уже с раннего детства, а, следовательно, утверждаемая рядом исследователей ведущая роль фактора научения в образовании цветоэмоциональных связей не может быть принята. Что же касается эмоционально-эстетического отношения к цвету, то, как указывает В.С. Мухина, обучение ребенка устойчивым, предметным ассоциациям цветов, как правило, приводит к стереотипному, косному восприятию красок, снижает способность непосредственно чувствовать цвет.

Ядро цветоэмоциональных значений является принципиально схожим у детей и взрослых.

В.Ф. Петренко и В.В. Кучеренко (1988) изучалась возможность диагностирования эмоциональных состояний испытуемых методом цветовых предпочтений (тест Люшера). В целях верификации результатов, эмоциональные состояния вызывались у испытуемых с помощью гипнотического внушения. Находясь во внушенном состоянии «радости», испытуемые чаще всего предпочитали красный и желтый, а отвергали коричневый и черный. Внушение «чувства вины» вызвало предпочтение серого и синего цвета, а красный и желтый, наоборот, отодвинулись в конец цветового ряда.

А.М. Эткин (1979; 1980-85) провел серию исследований цветоэмоциональных значений у взрослых. В первой работе (1979) изучалось сопряжение 8-ми цветов теста М. Люшера с 9 основными эмоциями по К. Изарду (1980). В таблице 2.4.1. представлены частоты ассоциаций цветов (в %) с эмоциональными факторами Изарда (в каждый фактор включено по три отдельных эмоции).

Таблица 2.4.1.

	Эмоции								
	Интерес	Радость	Удив.*	Грусть	Гнев	Отвр.*	Стыд	Страх	Утом.*
Серый	6	4	2	27	1	15	18	12	53
Синий	27	4	2	27	5	7	13	15	8
Зелен.	26	10	26	13	8	7	19	8	7
Красн.	16	52	23	4	55	4	4	17	2
Желт.	20	24	56	1	9	19	12	15	1
Фиолет.	5	12	14	12	6	22	16	7	12
Корич.	10	8	3	14	4	27	17	3	23
Черный	10	2	2	22	38	18	13	43	24

*Удив. — удивление, Отвр. — отвращение, Утом. — утомление

Наблюдаемая частота цветоэмоциональных ассоциаций достоверно отличалась от случайного распределения по данным χ^2 . Для всей матрицы его значение составило 716 ($p < 0.001$).

Данная матрица цветоэмоциональных сопряжений позволяет составить как цветовые профили эмоций, так и эмоциональные профили каждого из 8 цветов теста Люшера. Цветовой код ряда эмоций, как это видно из таблицы 2.4.1, носит достаточно простой характер. Они выражаются либо одним цветом (преимущественно), либо однородной цветовой комбинацией. Это, прежде всего, относится к «страху» (черный), «грусти» (серый, синий и черный), «утомлению» (серый, черный и коричневый) и «радости» (красный и желтый). Первые три эмоции из этого списка связаны с пассивно-оборонительным поведением и фрустрацией потребности. Это объясняет примерное сходство цветовой семантики данных эмоций (для всех существенное значение играет черный цвет).

Эмоция радости, отражающая факт удовлетворения потребности (или его предвосхищение), то есть, психофизиологически и психологически противостоящая первым трем, и в своем цветовом выражении противоположна отрицательным переживаниям.

Что касается таких эмоций как «интерес», «удивление», «отвращение», «стыд», то их цветовые профили далеко не так однозначны и психологически понятны. Создается впечатление, что испытуемые сильно затруднялись при определении их цветовых профилей, имеющих, в отличие от предыдущих, гораздо меньшую степень внутренней согласованности.

Подобный вывод подтверждается и результатами экспериментального исследования интеллектуальных эмоций, проведенного А.И. Берзницасом (1980). Если цветовые профили эмоции радости у обоих авторов, практически, совпадают, то «удивление» имеет различный цветовой код.

Исследование А.М. Эткинда 423560(1)7

А.И. Берзницаса 35421607

0-серый; 1-синий; 2-зеленый; 3-красный; 4-желтый; 5-фиолетовый; 6-коричневый; 7-черный.

Возможное объяснение подобного факта исходит из того, что эмоции интереса, удивления, отвращения и стыда имеют более сложную структуру и во многом испытывают на себе влияние индивидуальности. Также нельзя не учитывать того, что в предложенном А.М. Эткиндом наборе цветов испытуемые, возможно, не нашли наиболее подходящего цвета для выражения этих эмоций, т.к. число «цветовых конотатов» было ограничено. Например, отсутствовал белый цвет, который является одним из главных цветовых символов. Для того, чтобы получить ответы на эти вопросы необходимо провести специальные исследования.

Особо следует остановиться на цветовом выражении эмоции гнева. Эта эмоция была обозначена испытуемыми посредством красного и черного. Создается впечатление, что другие цвета (из 8-ми) совершенно не значимы для «гнева». Явная «неоднородность» красного и черного не позволяет включить «гнев» в первый список «простых» в цветовом выражении эмоций. Цветовой профиль «гнева» наиболее наглядно демонстрирует не сводимость значения цветового сочетания к «сумме» значений отдельно взятых цветов. Ни красный, ни черный в отдельности выразить «гнев» не могут. В духе архаичной цветовой символики этих цветов, можно сказать, что черный «придает» красному зловещий характер, а красный — черному недостающему тому активность («пробуждает» его), что позволяет охарактеризовать данное цветовое сочетание, как «злую, разрушительную активность».

В методическом плане возможно сделать еще одно замечание по поводу результатов, полученных А.М. Эткиндом, впрочем, это относится ко всем работам подобного рода. В работе А.М. Эткинда испытуемые при составлении цветовых профилей эмоций исходили не из собственного актуального эмоционального состояния, как, например, в исследовании В.Ф. Петренко, В.В. Кучеренко (1988) и В.Н. Ворсобины, В.Н. Жидкина (1980), а из представлений о тех или иных эмоциях. В подобном случае, очевидно, что составленные цветовые профили могут определяться не индивидуальными особенностями эмоционального реагирования, а например, традициями цветовой символики, т.е. коллективным цветовым архетипом. Обоснованность подобного замечания видна на примере цветового кода «гнева».

С вопросом о коллективном и индивидуальном в содержании цветоэмоциональных значений

связана и проблема эмоциональных состояний и свойств. В этом плане интересны результаты, полученные в работе И.А. Переверзевой (1978), изучавшей цветовые предпочтения испытуемых в зависимости от их «базисных эмоций» (А.И. Ольшанникова — 1974).

А.Е. Ольшанникова выделяет три «базисные» эмоции — страх, гнев и радость. Предполагается, что соотношение этих эмоций между собой, определяет индивидуальные особенности эмоциональности человека, т.е. устойчивые эмоциональные свойства. Было выявлено, что для лиц с преобладанием базисной эмоции страха характерно предпочтение фиолетового цвета и отвержение зеленого, синего и коричневого. Отношение к фиолетовому цвету оказалось показательным для дифференцирования между собой групп испытуемых с преобладанием эмоций «гнева» или «радости». Первые предпочитали фиолетовый значительно чаще. Испытуемые с доминированием «радости» в сравнении с испытуемыми двух других групп, по данным И.А. Переверзевой, отличались более частыми предпочтениями желтого и коричневого.

Таким образом, взаимосвязь цвета и эмоций является многоуровневой. Во-первых, цвета и их сочетания являются символами эмоций, их внешним воплощением, опредмеченной формой; во-вторых, эмоциональные состояния человека влияют на ситуативное отношение к цвету (изменения цветовой чувствительности, цветовых предпочтений и т.д.); в третьих, устойчивые эмоциональные особенности (свойства) субъекта также находят свое отражение в различных вариантах цветовых предпочтений. Подобная полифункциональность цвета, с одной стороны, делает его уникальным средством изучения эмоциональной сферы человека, но с другой, — лежит в основе неоднозначности в оценках наблюдаемых феноменов, что требует от исследователей особой тщательности при принятии решения относительно того, на каком конкретном уровне он рассматривает и анализирует эти феномены.

Как мы помним, то или иное эмоциональное переживание и даже воспоминание о нем приводит к специфическим изменениям цветовой чувствительности субъекта (Л.А. Шварц). В этой связи возникает вопрос о корреляции между показателями цветоразличения и характером отношения к цвету (в форме цветовых предпочтений) при переживании субъектом различных эмоций. Результаты известных нам работ показывают, что однозначной связи между изменениями цветовой чувствительности и цветовыми предпочтениями может и не наблюдаться. «Физиологическое предпочтение» (отвержение) не тождественно психологическому.

Н.К. Плишко (1980, 2) было выявлено, что при переходе человека в состояние функционального торможения (фрустрация потребности), когда порог цветоразличения красного цвета по сравнению с другими по методике Э.Т. Дорофеевой (1967-1970) является наибольшим, наблюдается предпочтение красного цвета по тесту Люшера. Видимо, столкнувшись с подобного рода фактами, и сама автор методики объективации эмоциональных состояний по соотношению порогов цветоразличения (Э.Т. Дорофеева — 1978) делает вывод, что методика «цветовых порогов» отражает «тактику», а тест Люшера — «стратегию» эмоционального реагирования субъекта.

К обсуждаемому вопросу имеют отношение и результаты, полученные в работе Л.П. Урванцева (1981), изучавшего возможности цветов дифференцировать состояние психической напряженности от фона. Были выявлены два показателя, информативные для решения подобной задачи. Во-первых, это сам факт изменения эмоциональных оценок цвета (без учета их направленности). При переходе от фонового, спокойного состояния к состоянию психической напряженности (эмоциональному стрессу), они изменились у 24 испытуемых из 36, то есть в 66% случаев. Во-вторых, — смена типа цветового выбора: в одной группе испытуемых предпочтение «холодных» цветов поменялось на «теплые», а в другой — был отмечен противоположный вариант. Первый показатель оказался связанным со стрессогенной устойчивостью испытуемых. Испытуемые, у которых менялось отношение к цвету, оказались более подверженными стрессу, чем те, у которых оно осталось неизменным. Не интерпретируя содержание второго показателя, Л.П. Урванцев ставит его в зависимость с типологическими особенностями личности испытуемых.

Результаты, полученные Л.П. Урванцевым, весьма показательны и иллюстрируют тот факт, что при номинально одном и том же эмоциональном состоянии, которое предполагается у испытуемых, участвующих в эксперименте, разнонаправленность в отношении к цвету, скорее, правило, чем исключение, когда речь идет о таких эмоциональных переживаниях, содержание которых индивидуально, как это видно на примере цветовых профилей «стыда», «отвращения» и др. выделенных в работе А.М. Эткинда. Возможно, поэтому в исследовании И.М. Дашкова и Е.А. Устиновича (1980) не было получено единой картины в изменении цветовых предпочтений испытуемых под влиянием стрессовой ситуации (экзамен).

У обследованных ими 250 испытуемых стрессогенная ситуация также вызвала разнонаправленные изменения в цветовых выборах, что дало авторам исследования основание усомниться в наличии каких-либо определенных, единообразных связей между цветами и эмоциями. В свете вышеприведенных фактов такой вывод свидетельствует о некоторой прямолинейности экспериментальной гипотезы авторов работы. Изучая корреляцию между цветовыми предпочтениями и стрессом, трудно получить единообразные результаты (особенно на большом массиве), если предварительно не определить индивидуальные особенности эмоциональной реактивности испытуемых и на основании этого не развести их на ряд экспериментальных групп. Несводимые к единому знаменателю варианты цветовых выборов как раз и будут закономерным результатом подобного методического подхода. В лучшем случае, можно просто констатировать, что происходит какое-то изменение в отношении к цвету, когда изменяется психическое состояние испытуемых, как это делает В.Л. Марищук с соавторами (1984), основываясь на результатах дублирующего обследования 300 испытуемых.

Одним из самых важных для проблемы цвет — эмоции является вопрос о дифференциальной роли различных психофизических характеристик цвета в порождении его эмоциональных значений. Это, прежде всего, относится к цветовому тону, светлоте и насыщенности.

В большинстве работ, рассмотренных в данном разделе, при планировании, проведении и анализе результатов эксперимента учитывалась только одна характеристика из этого списка — цветовой тон. Причем, кроме тех исследований, где в качестве стимульного материала

использовались заведомо одинаковые цвета (например, теста Люшера), что создает основу для их сравнения, игнорирование этих характеристик не позволяет повторить экспериментальную часть работы, с целью проверки полученных авторами результатов. Подобная методическая небрежность приводит к тому, что довольно значительная часть дисперсии результатов экспериментаторами не контролируется и не учитывается, что ставит под сомнение анализ результатов и сделанные на его основе выводы. Это требует от авторов работ в данной области, если и не применения стандартного стимульного набора, то обязательно — указания основных психофизических характеристик цветов, использованных в эксперименте.

Важность учета психофизиологических характеристик цветов можно продемонстрировать на примере работы Ю.А. Полуянова (1981). Автор работы не обнаружил у детей 6-10 лет однозначных связей между цветовым тоном и определенной эмоцией. Малоинформативным в этом плане оказалось и цветовое сочетание (на материале детских аппликаций), как, впрочем, и показатель насыщенности цвета. В то же время, светлота цвета, по данным Ю.А. Полуянова, коррелировала с эмоциональным содержанием детских аппликаций. «Радостная» аппликация была составлена из, преимущественно, светлых оттенков, а «грустная» — из темных.

В.С. Мухина (1981) также указывает на важность светлотной характеристики для эмоциональной оценки цвета детьми 3-4-х летнего возраста.

Под светлотой в цветоведении понимается степень отличия цветового тона от черного цвета. Чем дальше цвет находится от черного, тем он светлее, и наоборот. В психологическом плане светлоте цвета можно рассматривать как «меру влияния» черного на данный цвет. Мы уже знакомы с символическими значениями черного цвета, поэтому нетрудно догадаться, каков его вклад в эмоциональное содержание других цветов, если они смешаны с ним. В целом, происходит сдвиг эмоционального значения в отрицательную сторону. Отсюда можно сделать вывод, что светлота цвета коррелирует со знаком («+» или «-») выражаемой им эмоции.

Насыщенность или чистота цвета может быть понята как степень его близости к спектральному. Как показывают эксперименты Ч. Осгуда с соавт. (1957) этот показатель коррелирует с фактором «сила» (P), семантического дифференциала. Тем самым, можно предположить, что изменение цвета по насыщенности, не меняя знака выражаемой им эмоции, сказывается на силе производимого им эмоционального впечатления. Менее насыщенный, разбавленный цвет теряет в своей выразительности, его эмоциональное содержание «растворяется». Поэтому учет только характеристики цветового тона — «имени» цвета, отражающего принадлежность цвета к определенному участку спектра, несомненно, обедняет возможности глубокого изучения взаимосвязей между эмоциями и цветом.

Сделанные замечания, отнюдь, не перечеркивают основную часть экспериментальных результатов рассмотренных работ, хотя и порождают определенные сомнения в степени их достоверности и воспроизводимости.

Накопленный цветовой психологией фактический материал позволяет сделать вывод, что цветовой тон отражает психофизиологическую направленность эмоционального воздействия цвета на человека. По данным Ч. Осгуда (1957) ранговый ряд цветов, составленный на основе их нагрузок по фактору «активность» (А), соответствует последовательности цветов в спектре. Поэтому красный, как самый активный в психофизиологическом и психологическом планах цвет, выражает все активные эмоциональные переживания человека, без учета их знака (валентности), как, например, «радость» и «гнев». Синий — цвет, оказывающий тормозящее влияние на ЦНС человека, выражает эмоциональные переживания противоположной, пассивной направленности: от спокойного созерцания до «вселенской грусти» по выражению Гете.

Результаты экспериментальных работ, обсуждавшиеся в данном разделе, дали нам основание составить таблицу соответствий между психофизическими характеристиками цветов и психологическими параметрами эмоций (таблица №2.4.2).

В качестве примера, попробуем, основываясь на этих соответствиях, определить эмоциональное значение таких цветов как розовый и светло-синий.

Розовый можно описать как светлый, малонасыщенный красный цвет. Эмоциональными значениями розового, тем самым, можно считать активные, положительные, поверхностные переживания типа легкой радости, повышенного настроения, чувства беззаботности и т.п. Возможно, благодаря этим значениям розового, возникла поговорка, «смотреть на мир сквозь розовые очки».

Таблица 2.4.2.

Психофизические характеристики цвета	Параметры эмоций
Цветовой тон	Направленность
Красный	Активная
Зеленый	Нейтральная
Синий	Пассивная
Светлота	Валентность
Светлый	Положительная
Темный	Отрицательная
Насыщенность	Сила
Насыщенный	Интенсивная
Ненасыщенный	Слабая

Светло-синий — синий, светлый, малонасыщенный. Эмоциональные параметры — пассивный, положительный, слабый. Быть, по настоящему, «веселым», «радостным» голубому мешает его пассивность. Он выражает чувство дружелюбного нейтралитета, легко переходящее в равнодушие и безразличие (см. В. Кандинский).

Взаимосвязь эмоций и цвета является закономерной, обусловленной, с одной стороны, психофизическими характеристиками цвета, а с другой — психофизиологической организацией человека. Из этого с необходимостью следует, что определенные формы отношения к цвету у человека несут информацию об его индивидуальных и типологических

качествах — темпераменте, характере и личности. Косвенно, на данную проблему выходили многие исследователи, изучавшие взаимосвязь цвета и эмоций (см. Л.П. Урванцев — 1981).

2.5. Цвет и характер

Разнообразие теоретико-методических подходов в изучении индивидуальных и типологических особенностей человека значительно затрудняет продуктивное сравнение результатов, полученных при исследовании взаимосвязей между отношением к цвету и характером. В настоящем разделе мы используем понятие «характер» достаточно условно — как обозначение устойчивых паттернов внешних (поведенческих) проявлений и их внутренних (психических) условий. Мы специально не будем дифференцировать понятия темперамент, характер, личность, поскольку в различных психологических школах им дается самая различная трактовка, а также потому, что для нас сейчас не столь важно, какая из перечисленных инстанций оказывает большее влияние на отношение субъекта к цвету, а важно установить, что подобное влияние вообще существует.

Одним из немногих обще употребляемых в психологии понятий, относящихся к сфере характера, является введенное К. Юнгом (1924) понятие «экстраверсии-интроверсии», хотя следует признать, что его значение различными психологами трактуется не всегда однозначно. Так Г. Айзенк, создатель известного личностного опросника, понимает экстраверсию — интроверсию как, прежде всего, ряд врожденных психофизиологических свойств человека и соответствующих им характеристик поведения, абстрагируясь от того психологического содержания, которое вложил в это понятие К. Юнг. По данным Айзенка (1941) люди, предпочитающие яркие цвета, являются более активными в поведенческих аспектах (экстравертированными), чем те, кто отдает предпочтение темным оттенкам.

Л.П. Урванцев (1981) сообщает о наличии зависимости между цветовыми предпочтениями и факторами «экстраверсии» и «нейротизма» по Айзенку. Испытуемые с высокими показателями нейротизма лишь небольшое число цветов оценивают нейтрально. Количество предпочитаемых цветов у интровертов в два раза меньше, чем у экстравертов. Последние чаще выбирают оттенки красного и желтого и реже — синего и зеленого. У интровертов Л.П. Урванцев отмечает противоположную тенденцию.

В исследовании И.М. Дашкова и Е.А. Устиненко (1980) корреляции между цветовыми предпочтениями (по тесту Люшера) и факторами опросника Айзенка выявлено не было.

В нашей работе (1983) удалось выявить определенную связь между цветовыми выборами по тесту М. Люшера и значениями факторов экстраверсии и нейротизма. На выборке в 100 испытуемых (студенты) получена прямая корреляционная зависимость между предпочтением красного цвета и уровнем экстраверсии ($R = 0.404$; $P < 0.05$). Испытуемые с высокими показателями экстраверсии достоверно чаще предпочитали красный, чем испытуемые с низким уровнем экстраверсии (интроверсией). В ходе исследования был выявлен факт высокого уровня сходства цветовых выборов испытуемых с полярными оценками по шкале «экстраверсия». В частности, это относится к красному цвету: и выраженные экстраверты, и интроверты обнаруживали повышенное его предпочтение. Вероятно, это сказалось на относительно невысоком показателе линейной корреляции Пирсона для красного цвета. Факт

сходства «крайностей» подтверждает предположение А.М. Эткинда (1985) о преимущественно нелинейном характере связи между цветовыми выборами и оценками черт личности с помощью опросных методов. Это побудило нас разделить весь континуум значений шкалы «экстраверсия» на несколько поддиапазонов: выраженная интроверсия (0-4 балла по шкале «экстраверсия»), средний уровень интроверсии (5-9), амбаверсия (10-14), средний уровень экстраверсии (15-19) и выраженная экстраверсия (20-24). Наиболее однозначные различия обнаружались при сравнении подгрупп испытуемых со средними показателями экстраверсии и интроверсии. В первой подгруппе красный цвет уверенно занимал первое место, в то время, как у интровертов он, в лучшем случае, находился в середине цветового ряда. Для интровертов оказалось характерным более частое предпочтение фиолетового и черного цветов. В подгруппе амбаверсии фиолетовый оказался особенно «любимым» — более, чем в половине случаев, он ставился на первое место. Выборы фиолетового цвета находились в прямой зависимости и от уровня нейротизма испытуемых. Его активное предпочтение (1-2 места рангового ряда) отнесено у 86% испытуемых с показателем по шкале «нейротизм» выше 12 баллов. В тех случаях, когда повышенный нейротизм сочетался с амбаверсией, предпочтение фиолетового (1-2 места) наблюдалось у 92% испытуемых.

В ряде работ проводилось сравнение характера цветовых предпочтений испытуемых с показателями 16-ти факторного опросника (16-PF) Р. Кэттелла (1970). В уже упомянутой работе И.М. Дашкова и Е.А. Устиновича (1980), по признанию самих авторов, были обнаружены корреляции между цветовыми выборами и факторами 16-PF, которые носят «странный и парадоксальный характер», и не поддающиеся взаимодовлетворяющей оценке и интерпретации с позиций обоих методов. Наиболее «понятными» оказалось предпочтение серого цвета испытуемыми с высокими оценками по фактору Q («гипертимия-дистимия»).

Связи между цветовыми предпочтениями и факторами 16-PF изучались и А.М. Эткиндром в его диссертационной работе (1985). Автором отмечено большое число достоверных взаимосвязей. Предпочтение темных, тусклых цветов теста Люшера оказалось свойственным для лиц с повышенной эмоциональной напряженностью, склонностью к фрустрации и чувству вины (+Q и +Q4), эмоциональной неустойчивостью (-C), робких (-H). И наоборот, выбор ярких, светлых цветов коррелировал с отсутствием эмоциональной напряженности, самоуверенностью и расслабленностью (-Q и -Q4), что оказалось наиболее характерным для испытуемых, предпочитающих желтый цвет. Как и в работе И.М. Дашкова и Е.А. Устиновича были выявлены кажущиеся странными и малопонятными корреляции. Так, например, положительные выборы черного цвета из таблицы «серого цвета» полного варианта теста Люшера оказались связанными с проявлением активной, яркой, экстравертированной эмоциональности (+A, +F) и творческим воображением (+M).

Т.А. Айвазян, В.П. Зайцев и др. (1989), проводя сравнение цветовых предпочтений со шкальными оценками испытуемых по факторам опросников 16-PF и СМОЛ, получили результаты, свидетельствующие, что предпочтение «основных» цветов теста Люшера (синего, зеленого, желтого и красного) коррелирует с активностью, эмоциональной устойчивостью, уверенностью в себе, низкими показателями тревожности и ипохондрической настроенности. Отвержение этих цветов оказалось связанным с той или

иной формой внутриличностного неблагополучия. В частности, отрицательный выбор синего цвета коррелировал с повышенным уровнем тревоги и невротизацией.

В отличие от авторов вышеприведенной работы, контингент испытуемых которой составили больные с психосоматическими расстройствами, И.М. Дашковым и Е.А. Устиновичем (1980) была установлена только одна достоверная корреляция между цветовыми выборами и шкальными оценками ММРІ. Она относится к четвертой шкале ММРІ (Pd), высокие значения которой оказались связанными с отвержением зеленого цвета. Испытуемыми были студенты 1-го курса ЛГУ.

В этой связи, можно предположить, что поиск корреляций между цветовыми симпатиями испытуемых и оценками их личностных черт с помощью опросных методов (особенно клиничко-психологических) имеет гораздо большие шансы на успех, когда в качестве испытуемых выступают лица с пограничными психическими расстройствами, чем здоровые в этом плане люди. Более характерные личностные профили первых в статистическом плане значительно облегчает эту задачу. Однако правомерность экстраполяции полученных в подобном случае результатов на контингент здоровых вызывает сомнения.

При всей заманчивости нахождения определенной, устойчивой связи между личностными чертами человека и его отношением к цвету, следует признать, что путь поиска линейной корреляционной зависимости между цветовыми выборами и показателями личностных опросников является малоперспективным.

В качестве альтернативного можно рассматривать подход, предложенный самим М. Люшером в книге «Четырехцветный человек» (1977), где основой типологии характеров служит сам цвет. Более подробно подход М. Люшера будет рассмотрен в 4 главе.

Значительно обедняет возможности изучения связей цвета с типическими особенностями личности человека то, что исследователи, как правило, используют лишь один прием определения отношения человека к цвету — метод цветовых предпочтений. Поэтому представляет особый интерес работа И.Г. Беспалько (1975), в которой изучалось соотношение между порогами цветоразличения и соматотипами. Было выявлено, что средние величины цветовых порогов для пикников и астеников резко и достоверно различаются между собой по всему спектру цветов. Цветовые пороги у пикников превышали аналогичные астеников. Причем, эти различия значительно превосходили колебания цветовых порогов, обусловленные изменением эмоционального состояния. У пикников с изменением эмоционального состояния происходило качественное изменение профиля порогов цветоразличения (соотношение порогов красного и синего), а у астеников — количественное. Автор работы не исключает, что подобные различия между пикниками и астениками могут иметь отношение к предложенной Э. Кречмером (1924) структуре эмоциональности у данных соматотипов (диатетическая шкала настроений пикника: от веселья к грусти; психэстетическая — астеника: от повышенной к пониженной чувствительности типа «стекла и дерева»).

Еще одним ограничением, сужающим возможности нахождения взаимосвязей между

отношением к цвету и характером следует признать ограниченное число показателей, характеризующих особенности цветовых предпочтений человека. Очевидно, что только цветовых рангов явно недостаточно для выявления возможных корреляций. Попыткой преодоления этого ограничения стало наше совместное с И.И. Кутько (1997) исследование взаимосвязей цветовых предпочтений и акцентуаций характера у подростков.

Целью данного исследования стала проверка валидности теста Люшера в отношении психологических особенностей подростков с акцентуациями характера по А.Е. Личко [1983].

Результаты исследования изложены в статье «Цветовые предпочтения подростков с акцентуациями характера»

2.6. Отношение к цвету в процессе мышления

Цветовое воздействие на психический аппарат человека затрагивает не только его эмоции и характер, но и познавательные процессы, и прежде всего, — мышление. Речь не об информационной, а — энергетической стороне цветового воздействия, и тем самым, не о содержании мыслительного процесса, а о его динамических, энергетических характеристиках. С этой точки зрения, мышление предстает и перед самим субъектом мышления, и перед внешним наблюдателем (экспериментатором), не как последовательность целенаправленных ассоциаций, суждений, умозаключений и т.п., а как особого рода психическое напряжение, оканчивающееся в случае нахождения решения удовлетворяющей субъекта разрядкой.

Эмпирические наблюдения показывают, что в различных цветовых средах, человеку «думается» по-разному: цветовое воздействие может, либо препятствовать, либо способствовать решению задачи.

Г. Фрилинг и К. Ауэр (1973) не рекомендуют производить окраску темными, «холодными» тонами тех помещений, в которых люди занимаются умственным трудом — школьных классов, студенческих аудиторий, научных отделов, лабораторий и т.п. Подобные цвета вызывают торможение и снижают эффективность умственной деятельности. Это касается не только стен, потолка или пола, но и мебели. Наоборот, цвета «активной стороны» улучшают мыслительную деятельность, повышают ее продуктивность. В представлениях испытуемых успешное решение задачи ассоциируется с яркими, светлыми оттенками.

В исследовании А.И. Берзницкаса (1980) было получено 8 цветовых профилей интеллектуальных эмоций, которые автор соотносит с основными фазами мыслительного процесса. Для таких эмоций как «догадка», «удивление», «уверенность» общим является выбор самых ярких и светлых цветов теста М. Люшера — красного и желтого. Реже всего с этими эмоциями испытуемые ассоциировали черный, серый и темно-синий. Вместе с тем, «сомнение» и «огорчение» связывались испытуемыми с серым, коричневым, черным и темно-синим. Интересным оказался цветовой профиль «понятно». Вслед за желтым и красным в ранговом ряду выборов испытуемые расположили черный цвет. Интерпретируя данный факт, А.И. Берзницкас указывает, что чувство понятного связано с эмоцией «приятно». Их взаимозависимость может быть выражена в виде инвертированной «U»

образной кривой: наиболее понятно то, что максимально приятно или неприятно.

В совместных исследованиях с Н.А. Густяковым (1986; 1988) нами изучалась динамика цветовых предпочтений испытуемых в процессе решения задачи. Было выявлено, что смена типа цветового выбора в процессе решения несет информацию о возможном успехе, либо неуспехе. Испытуемые, которые после первоначального выбора ярких и светлых цветов теста Люшера, начинали предпочитать темные, тусклые оттенки, не находили решения задачи и отказывались от дальнейших усилий по ее решению. Неблагоприятным в этом плане был и первоначальный выбор преимущественно темных цветов. Однако у части испытуемых с подобным типом выбора было отмечено в процессе решения задачи изменение типа цветовых предпочтений на обратный (выбор в качестве симпатичных — ярких цветов), что оказалось диагностическим признаком успешного решения задачи. Нередко, в преддверии инсайта, испытуемые отдавали выраженное предпочтение красному и желтому. Отсутствие динамики в цветовых выборах являлось однозначным признаком неуспеха в решении предложенной задачи, независимо от начального варианта цветового предпочтения.

В этой связи представляет интерес вопрос о связи между отношением к цвету и интеллектуальным уровнем человека. Как показывают результаты работ исследователей, применяющих цветовой тест Люшера (см. Г. Клар — 1974), для лиц с более низким образовательным индексом, менее культурных, из т.н. «низших» слоев общества характерным является предпочтение фиолетового цвета. Испытуемые, страдающие олигофренией, испытывают повышенный интерес к ярким цветам, их «любимое» сочетание — красный и фиолетовый. При интерпретации подобных результатов, обычно, ссылаются на незначительный уровень интеллектуального контроля эмоций, доминирование аффекта над интеллектом.

Традиция связывать отношение к цвету с контролем аффективности в психодиагностике восходит к тесту Роршаха. Как известно, Г. Роршах (1921) относил цвет в своем тесте к «детерминантам», то есть объективным признакам стимула, играющим основную роль в появлении той или иной интерпретации. Цветовые интерпретации с использованием сине-зеленых оттенков, согласно Роршаху, свидетельствует о более качественном контроле аффектов, чем — с использованием красного и желтого. Ответы, детерминированные только цветом (С), а также СF ответы (детерминированы цветом и формой) показывают, что эмоциональность субъекта лишь незначительно контролируется интеллектом. О хорошем уровне контроля говорят FC ответы (детерминация формой и цветом). Общий показатель эмоциональности испытуемого рассчитывается по специальной формуле.

Как правило, люди, которых относят к интеллектуальной элите, избегают в повседневной жизни, особенно в одежде, ярких и вычурных оттенков, предпочитая спокойные, пастельные тона.

Связь цвета и мышления, интеллекта носит сложный, неоднозначный характер. При этом, эта связь, безусловно, опосредуется эмоциональной сферой личности.

Литература

1. Бажин Е.Ф., Эткинд А.М. Цветовой тест отношений (ЦТО). Методические рекомендации. Л., 1985. 18 с.
2. Базыма Б.А., Густяков Н.А. О цветовом выборе как индикаторе эмоциональных состояний в процессе решения малых творческих задач. //Вестник ХГУ. Харьков, 1988. N 320. с. 22-25.
3. Базыма Б.А., Кутько И.И. Цветовые предпочтения подростков с акцентуациями характера. //Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. Том 97, №1, 1997 г. с. 24-28.
4. Базыма Б.А. Взаимосвязь цветовых предпочтений и идентификации с цветом. //Материалы конференции «Актуальные вопросы практической психологии и логопедии в учреждениях образования и охраны здоровья Украины». Харьков., 1998 г. с. 106-109.
5. Бардин К.В. Развитие цветоразличения в онтогенезе человека. //Сенсомоторные процессы. М., 1972. с. 244-264.
6. Берзницкас А.И. Экспериментальное исследование некоторых характеристик интеллектуальных эмоций. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. Л., 1980.
7. Беспалько И.Г. О соотношении между цветовыми порогами, соматотипом и эмоциональным состоянием. //Математические методы в психиатрии и неврологии. Л., 1972. с. 176-178.
8. Бразман М.Э., Дорофеева Э.Т., Щербатов В.А. О дифференциации некоторых эмоциональных состояний методом измерения цветовой чувствительности. //Проблемы моделирования психической деятельности. Новосибирск, 1967. с. 171-174.
9. Васякина О.Е. Сдвиги цветовых предпочтений в состоянии дискомфорта (курсовая работа). //Вестник МГУ. М., 1983. Серия 14. «Психология». N4. с. 60.
10. Веккер Л.М. Психические процессы. т. 2. Л., 1981. 325 с.
11. Ворсобин В.Н., Жидкин В.Н. Изучение цвета при переживании положительных и отрицательных эмоций дошкольниками. //Вопросы психологии. 1980. N3. с. 121-124.
12. Вундт В. Основы физиологической психологии. М., 1880. 589 с.
13. Густяков Н.А., Базыма Б.А. К вопросу о взаимосвязи мотивов и мышления. //Вестник ХГУ. Харьков, 1986. N 287. с. 18-25.
14. Дашков И.М., Устинович Е.А. Экспериментальные исследования валидности шкалы субъективного предпочтения цвета (тест Люшера) // Проблемы моделирования. Диагностика психических состояний в норме и патологии. Л., 1980. с. 115-126.
15. Дорофеева Э.Т. О возможных критериях распознавания эмоциональных состояний. //Проблемы моделирования психической деятельности. Новосибирск, 1968. вып. 2. с. 279-280.
16. Дорофеева Э.Т., Карпинский А.М., Случевский Ф.И., Щербатов В.А. Некоторые пути объективных дифференцировок особенностей эмоционального фона при различных психопатологических состояниях. //Актуальные вопросы клинической психопатологии и лечения душевных болезней. Л., 1969. с. 47-52.
17. Дорофеева Э.Т. Сдвиги цветовой чувствительности как индикатор эмоциональных состояний. //Психические заболевания. Л., 1970. с. 319-326.
18. Дорофеева Э.Т., Постников В.А., Плишко Н.К. и др. К проблеме объективации клинических картин психологическими методами исследований. //Психология и медицина. М., 1978. с. 82-88.
19. Дерибере М. Цвет в жизни и деятельности человека. М., 1965.
20. Зайцев В.П., Айвазян Т.А., Таравкова И.А. и др. Изучение диагностических возможностей цветового теста у больных сердечно-сосудистыми заболеваниями. //Психологический

журнал. 1989. т. 10. №3. с. 106-110.

21. Иванов Л.М., Урванцев Л.П. Экспериментальное исследование цветовых ассоциаций. //Проблемы рационализации деятельности. Ярославль, 1978. вып. 2. с. 55-64.
22. Изард К. Эмоции человека. М., 1980.
23. Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. М., 1983. 368 с.
24. Кравков С.В. О связях цветового зрения с вегетативной нервной системой. //Проблемы физиологической оптики. М., т. 1. 1941.
25. Кравков С.В. О взаимодействии органов чувств. //Исследования по психологии восприятия. Л., 1948. с. 23-42.
26. Кравков С.В. Глаз и его работа. М., 1950.
27. Кравков С.В. Цветовое зрение. М., 1951.
28. Люшер М. Сигналы личности. Воронеж, 1993. 160 с.
29. Магия цвета. Харьков 1996.
30. Маришук В.Л., Блудов Ю.М., Плахтиенко Г.А. и др. Методы психодиагностики в спорте. М., 1984. 192 с.
31. Миронова Л.Н. Цветоведение. Минск, 1984. 286 с.
32. Мухина В.С. Изобразительная деятельность ребенка как форма усвоения социального опыта. М., 1981. 240 с.
33. Ольшанникова А.Е., Рабинович Л.А. Опыт исследования некоторых индивидуальных характеристик эмоциональности. //Вопросы психологии. 1974. N 3. с. 56-62.
34. Ольшанникова А.Е., Семенов В.В., Смирнов Л.М. Оценка методик, диагностирующих эмоциональность (опыт использования статистических закономерностей распределения показателей). //Вопросы психологии. 1976. N 5. с. 103-113.
35. Осгуд Ч., Суси Дж., Таннебаум П. Приложение методики «СД» к исследованиям по эстетике и смежным проблемам. //Семиотика и искусствознание. М., 1972. с. 278-298.
36. Переверзева И.А. Исследование некоторых особенностей восприятия цвета в связи с задачей изучения эмоциональности. //Проблемы дифференциальной психофизиологии. 1981. т. 10. с. 78-83.
37. Петренко В.Ф., Кучеренко В.В. Взаимосвязь эмоций и цвета. //Вестник МГУ. 1988. серия 14. «Психология». N 3. с. 70-82.
38. Плишко Н.К. Особенности сенсомоторных реакций при изменении эмоционального состояния. //Диагностика психического состояния в норме и патологии. Л., 1980. с. 126-134.
39. Плишко Н.К. О некоторых особенностях выбора цветов и сенсомоторных реакциях на световые стимулы различной модальности при изменении эмоционального состояния. //Диагностика психического состояния в норме и патологии. Л., 1980. с. 135-140.
40. Полуянов Ю.А. Методы изучения детского рисунка. Сообщение III. Анализ цвета. //Новые исследования в психологии. 1981. N 2. с. 53-60.
41. Попова И.А. К вопросу о возможных индикаторах некоторых эмоциональных особенностей. //Личность и деятельность. М., 1977. с. 74-79.
42. Руденко В.Е. Цвет-эмоции-личность. //Диагностика психических состояний в норме и патологии. Л., 1980. с. 107-115.
43. Румянцева А.Н. Экспериментальная проверка методики исследования индивидуального предпочтения цвета. //Вестник МГУ. М., 1986. серия 14. «Психология». N 1. с. 67-69.
44. Соловьева Е.А., Тутушкина М.К. Психосемиотический подход к проблеме цвета в практической психологии. //Актуальные проблемы современной психологии (Материалы

- научных четний, посвященных 60- летию Харьковской психологической школы). Харьков, 1993. с. 429-432.
45. Тукаев Р.Д. Психофизиологическое воздействие внушенных цветовых ощущений и образов в гипнозе. Рукопись депонирована в ВНИИМИ. МЗ. СССР. N 9972-85. М., 1985. 19 с.
46. Урванцев Л.П. Психология восприятия цвета. Методическое пособие. Ярославль, 1981. 65 с.
47. Фрилинг Г., Ауэр К. Человек, цвет, пространство. М., 1973.
48. Хомская Е.Д. Нейропсихология. М., 1987. 288 с.
49. Чхартишвили Ш.Н., Гобечия Ф.В. Влияние потребности на восприятие цветов в дошкольном возрасте. //Некоторые вопросы психологии и педагогики социогенных потребностей. Тбилиси, 1974.
50. Шварц Л.А. Изменения цветоощущения в эмоциональных состояниях. //Проблемы физиологической оптики. М, 1948. т. 6. с. 314-320.
51. Эткин А.М. Цветовой тест отношений и его применение в исследовании больных неврозами. //Социально-психологические исследования в психоневрологии. Л., 1980. с. 110-114.
52. Эткин А.М. Разработка медико-психологических методов исследования эмоциональных компонентов отношений и их применение изучении неврозов и аффективных расстройств. Диссертация и автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. Л., 1985.
53. Эткин А.М. Цветовой тест отношений. //Общая психодиагностика. М., 1987. с. 221-227.
54. Bunham R.W., Hanes R.M., Bartleson C.J. Color: A guide to basic facts and concepts. — N.Y., 1963.
55. Cattell R.B., Eber H.M., Tatusioka M.M. Handbook for the sixteen personality factor questionnaire (16 PF) in clinical, educational, industrial and research psychology. — Illinois, 1970.
56. Eysenck H.J. Principles and methods of personality description, classification and diagnosis. — Brit. J. Psychol., 1964, v. 55, n 3, p. 284-294.
57. Luscher M. Psychologie der Farben. Basel, 1949.
58. Luscher M. Psychologies und Psychotherapies als Kulturr. Basel, 1955.
59. Luscher M. The Luscher color test. — L., 1970.
60. Osgood C.E., Suci G.J., Nannenbaum P.H. The measurement of meaning. — Illinois, 1957.
61. Rorschach H. Psycho diagnostics, 7 th. ed. — N.Y., 1969.
62. Stolper J.H. Color induced physiological response. — Man En-viron. Syst., 1977. v. 7, n. 2. p. 101-108.

ГЛАВА 3. Отношение к цвету при психических заболеваниях

Исследования восприятия и отношения к цвету при различных формах психической патологии представляют особый интерес. С одной стороны, они способствует более глубокому и дифференцированному пониманию закономерностей цветового воздействия на психику, генезиса и содержания цветовой символики, а с другой, — патопсихологических механизмов психических нарушений, прежде всего, аффективной сферы человека. Кроме этого, цвет может быть использован в качестве средства ранней и дифференциальной диагностики психических отклонений.

Есть ли цвет у безумия? Отражают ли цветовые симпатии психических больных

психопатологическое содержание болезни? Что символизирует цвет для больного? В настоящей главе мы попытаемся ответить на эти и другие вопросы, связанные с проблемой цвет — психическая патология человека.

О психиатрических учреждениях, нередко говорят — «желтый дом». В. Кандинский видит в «охлажденном» желтом «красочное выражение безумия», причем, как принято выражаться в быту, «не тихого помешательства», а яркого безумия, слепого бешенства. Надо признать, что это не просто остроумная метафора. Как будет показано ниже, желтый цвет при ряде психических болезней занимает особое место. Но как показывает наш многолетний опыт исследования психических больных, и результаты многих экспериментальных работ в данной области, у безумия нет одного цвета. Точнее, у разных форм безумия имеется свой цвет. И, возможно, в будущем «цветовая классификация» форм психической патологии не будет восприниматься как нечто эксцентричное и лженаучное.

Одним из самых тяжелых и распространенных психических заболеваний является шизофрения или «ранее слабоумие» по Крепелину. Этиология и патогенез шизофрении, несмотря на огромное число исследований, посвященных этому заболеванию, все еще до конца остаются невыясненными. Большинство современных психиатров склоняются к тому, что шизофрения представляет собой не одно цельное заболевание, а скорее группу заболеваний, имеющих определенное сходство в клинической картине, что и позволяет их классифицировать как шизофрению. Психопатологическим ядром шизофрении признается дискордантность (расщепление) психических функций — рассогласование и дисгармоничность мышления, эмоций, моторики и т.д. («шизо» — «расщепление», «френ» — «разум»; пер. с греческого).

Среди форм шизофрении различают простую, гебефреническую, кататоническую и параноидную, выделенные классиками психиатрии. В настоящее время к ним добавляют циркулярную, ипохондрическую, неврозоподобную и т.д.

3.1. Шизофрения

Первые данные о восприятии и отношении к цвету у больных шизофренией были получены психиатрами при наблюдениях за цветовой гаммой одежды больных, а также их художественной продукции.

Цвета одежды больных производили впечатление либо чего-то нелепого, неадекватного и вычурного (нередко, благодаря желтому цвету), либо — монотонности и маловыразительности. Аналогичные два варианта цветовой гаммы наблюдались и в рисунках больных, что было расценено рядом психиатров как свидетельство отсутствия какой-либо специфики в отношении к цвету, общей для всех больных шизофренией.

Произвольность и неадекватность использования красок в рисунке, вот, пожалуй, то, что признавалось общим для всех больных шизофренией. На это указывает, например, L. Navratil (1921).

J. Vobon (1957) выделил два признака неадекватности палитры рисунков больных

шизофренией: краски в рисунках не соответствуют реальной действительности (ср. «неподражательные» цвета у детей по В.С. Мухиной — 1981); светотени распределены нереалистично. Также могут наблюдаться как «взрывы яркости», так и монотонная, тусклая расцветка, либо полный отказ от использования красок в рисунке (J. Bieber., J.K. Herkimer — 1948; М.А. Landry — 1959).

Э.А. Вачнадзе (1972) сообщает, что в рисунках больных шизофренией преобладают темные, мрачные, безжизненные краски, объясняя это эмоциональным оскудением больных.

Согласно Р. Hartwich (1971), который тщательно измерял площадь, занятую в рисунке той или иной краской, больные предпочитали использовать при рисовании фиолетовую, желтую и белую краски.

Подобные результаты указывают на то, что взаимосвязи между шизофренией и отношением больного к цвету носят многоуровневый характер. В целом, для шизофрении характерно неадекватное отношение к цвету, но конкретная форма данной неадекватности определяется клинической картиной болезни.

Большинство исследователей связывало характер палитры рисунков больных с эмоциональными расстройствами, преобладающими в их клинике на момент обследования. Так Н. Pfister (1934) при гебефренической форме шизофрении наблюдал как калейдоскопическую пестроту красок, так и своеобразную мрачность палитры рисунков больных, что однозначно соответствовало их эмоциональному статусу в те периоды, когда они рисовали.

Изменение палитры в зависимости от смены эмоционального состояния отмечено и С.А. Болдыревой (1974) у детей, страдающих шизофренией. В ее интересной монографии, посвященной рисункам детей, больных шизофренией, приводится случай с мальчиком 6 лет, рисующим черным цветом свалки и помойки, в период депрессивного состояния. При смене депрессии манией мальчик стал рисовать цветущую землю, изображая все красным цветом.

Цвет в рисунках больных отражает не только эмоциональную патологию при шизофрении, но и тематику бредовых и галлюцинаторных переживаний, выступая в качестве их символа или знака.

Главную роль, при этом, играют все те же три «основных» цвета, составляющие «цветовой архетип» человека — белый, черный и красный.

Преобладание в рисунке того или иного цвета зависит от содержания психопатологической продукции и отношения к ней самого больного.

Так, преобладание в рисунках больного черного цвета указывает на устрашающие галлюцинаторные и бредовые переживания. Черные образы символизируют для него зло, насилие, опасность, смерть, болезнь и т.д. (Н.К. Суворова — 1970; С.А. Болдырева — 1974).

Красный также, нередко, связан с галлюцинациями и бредом. Например, J. Jakab (1959) наблюдал в рисунках больного символическую связь между красным цветом и бредовыми идеями воздействия электрическим током. С.А. Болдырева указывает на то, что дети, страдающие шизофренией, часто используют для отображения своих галлюцинаторных образов красную краску, особенно, если галлюцинации сопровождаются психомоторным возбуждением (1974).

Использование белого, в том числе, и намеренное не закрашивание больших областей белого листа бумаги чаще всего отмечается у больных, бред и галлюцинации которых носят преимущественно религиозный характер, склонных к построению метафизических систем, увлекающихся нетрадиционными философскими и психологическими учениями.

Можно предположить, что цветность рисунка больного шизофренией может служить индикатором наличия продуктивной симптоматики — бреда, галлюцинаций и т.д. В то время, как отсутствие интереса к цвету, на что указывает С.А. Болдырева, свидетельствует о злокачественном протекании болезненного процесса, характеризующегося негативной симптоматикой или выпадением определенных психических функций.

3.1.1. Цветовое зрение у больных шизофренией

Обсуждение вопроса о цвете как индикаторе психопатологических нарушений при шизофрении было бы неполным без рассмотрения особенностей цветового зрения больных. Многими психиатрами неоднократно указывалось на непосредственное влияние болезненного процесса на состояние зрительного анализатора при шизофрении (В.Д. Азбукина — 1955). Подробное изучение патологии цветового зрения у больных шизофренией было проведено А.И. Певзнер (1966; 1968; 1969; 1971).

В качестве испытуемых в исследованиях А.И. Певзнер выступали больные шизофренией с жалобами на те или иные нарушения цветового восприятия. Были выделены жалобы трех типов: «я не различаю цвета, они все одинаковые»; «я не выношу цвета, они меня раздражают» и смешанный тип жалоб. Исходя из характера жалоб, А.И. Певзнер выделила три варианта патологии цветового зрения: гипестезический (ослабление реакций на цветовые стимулы), гиперстезический (усиление) с цветовыми обманами и смешанный вариант. В качестве экспериментальной методики использовались цветовые таблицы Е.В. Рабкина (1966).

А.И. Певзнер отметила связь между цветовой гиперстезией и повышением порога цветоразличения красного цвета. Для гипестезии было выявлено повышение порогов цветоразличения синего и зеленого. В целом, тип патологии цветоощущения оказался связанным с такими клиническими показателями как давность заболевания, тип течения и характер психотических приступов. Гиперстезия чаще всего наблюдалась у больных в начальных стадиях заболевания, а само начало болезни характеризовалось как острое. Гипестезия была более характерна для пациентов с непрерывно-прогредиентным типом течения, длительно болеющих.

А.И. Певзнер указывает на связь между гиперстезией и депрессивными расстройствами у

больных. При этом отмечались «цветовые обманы», т.е. неправильное определение цветового тона. Подобная связь подтверждается и наблюдениями С.А. Болдыревой, наблюдавшей у детей, находившихся в депрессивном состоянии, сложности в опознании цветовых тонов. Красный цвет назывался синим, а синий — желтым.

Гипестезия оказалась связанной с дереализационными симптомами. Больные жаловались на то, что вокруг все какое-то «ненастоящее», нереальное, «как во сне» и т.д.

С.В. Крайц считал, что «цветовые обманы» отражают аффективные колебания при психосенсорных формах шизофрении. Наибольшее раздражающее действие на больных с гиперестезией оказывают красный и черный цвета.

В.Д. Азбукина (1976) отметила повышение порогов цветоразличения синего и желтого цветов у больных параноидной шизофренией с реактивными осложнениями.

Учитывая данные, полученные при исследовании цветового зрения С.В. Кравковым с сотрудниками, результаты исследования А.И. Певзнер можно расценить как указывающие на патологические изменения в деятельности ВНС больного шизофренией, под влиянием болезненного процесса. Нарушения реактивности ВНС у больных шизофренией отмечалась во многих исследованиях.

Кроме указанных работ, нарушения цветового зрения в форме приобретенных дисхроматопсий в зависимости от острых психотических приступов и зрительных галлюцинаций обнаружены и в исследовании И.Л. Гольдовской (1978).

Не только грубые нарушения цветоощущения являются индикаторами психических нарушений у больных шизофренией. Информацию о них несет и соотношение порогов цветоразличения.

Э.Т. Дорофеевой с соавт. (1978) при обследовании больных шизофренией с психопатоподобным синдромом было выявлено, что изменение порогов цветоразличения в их соотношении между собой позволяет достаточно точно определить преобладающее эмоциональное состояние больных.

По данным Г.Я. Якуповой (1982) пороги цветоразличения испытывают влияние от терапии нейролептиками. Независимо от эмоционального состояния, наименьшие пороги цветоразличения наблюдались у больных, не получавших нейролептики. Абсолютная величина цветового порога не несет информации о глубине эмоционального дефекта. Это подтверждает вывод Э.Т. Дорофеевой (1970), что для диагностики эмоциональных состояний пациентов, информативным является именно соотношение порогов цветоразличения между собой, а не их абсолютные показатели.

Вместе с тем, И.Г. Беспалько (1975) не исключает, что при различных психических заболеваниях, в частности, шизофрении и маниакально-депрессивном психозе, абсолютная величина цветовых порогов по всему спектру может различать больных этими заболеваниями

между собой, когда речь идет о больных общего соматотипа, в частности, пикниках. Соматотип больного является решающим фактором как для абсолютных величин порогов цветоразличения, так и для соотношения их между собой (см. главу 2).

Опираясь на результаты рассмотренных работ, можно сделать вывод, что изменения цветовой чувствительности при шизофрении в грубой ли форме (например, цветовые обманы) или выявляемые лишь с помощью специальных экспериментальных методов, отражают клиническую картину данного заболевания.

3.1.2. Цветовые предпочтения

В отличие от нарушений цветовой чувствительности при шизофрении, цветовые симпатии больных нельзя рассматривать только как непосредственную реакцию на болезненный процесс. Как это было показано в предыдущей главе, они могут быть опосредованы целой системой факторов, как психофизиологического, так и социально-психологического плана. Проявление болезни в цветовых выборах людей, страдающих шизофренией, как и в рисунках, прежде всего, сказывается в неадекватном отношении к цвету.

А.Л. Зюбан и Ю.В. Яновский (1970) изучали цветовые предпочтения больных шизофренией с целью проверки гипотезы Ю.Ф. Полякова (1962; 1969) о нарушении избирательности у больных при актуализации эмоционального опыта. Авторами был использован набор из 27 оттенков трех степеней насыщенности на основе краткой шкалы цветовых образцов Г.Г. Автандилова. Всем испытуемым были поставлены три задачи:

1. Выбрать два или более привлекательных для них цвета;
2. Выбрать два или больше неприятных цветовых тонов;
3. Разделить все цвета на три группы — «веселые», «мрачные» и «нейтральные».

В качестве «приятных» больные шизофренией чаще всего выбирали голубой, красный, зеленый, а также — черный и серый. Желтый и коричневый оценивались подобным образом очень редко. В 58 случаях из 150 (39%) все цвета «скопом» были оценены как «приятные».

В разряд самых «неприятных» чаще всего попадали те же черный и серый, что можно расценивать как проявление эмоциональной амбивалентности, столь характерной для больных шизофренией.

Классификация цветов по эмоциональному содержанию показала, что наряду с общепринятой оценкой «веселый» таких цветов как красный, голубой, оранжевый и зеленый, больные нередко, относили к данной группе серый, черный и коричневый.

Наибольшие затруднения испытуемые обнаружили при выборе «мрачных» цветов. В 45 случаях (30%) больные вообще отказывались это делать (феномен цветового отказа), мотивируя тем, что они — «все веселые» или «нейтральные». В остальных случаях «мрачными» чаще оценивались серый, черный и коричневый, но в процентном отношении

подобная оценка этим цветам выставлялась больными реже, чем психически здоровыми испытуемыми («смягченный» цветовой отказ). К «нейтральным» чаще всего больные относили темно-оранжевый, темно-синий, бежевый, красный и зеленый.

По мнению авторов проведенного исследования полученные результаты свидетельствуют о нарушении цветоэмоционального ассоциирования при шизофрении и, тем самым, подтверждают гипотезу Ю.Ф. Полякова.

На наш взгляд, одним из самых интересных результатов данной работы, является выявление феномена «цветового отказа». Само это понятие было введено позже и независимо от авторов предыдущей работы, Н.В. Агазаде и Л.М. Кульгавиным (1982). Ими было обнаружено, что при тестировании больных шизофренией тестом М. Люшера, многие из больных после выбора 2-3 наиболее симпатичных цветов, отказываются далее продолжать цветовой ранжирование. Больные чаще всего выбирали как симпатичные красный и желтый, а также — фиолетовый и синий. То, что в обоих исследованиях, несмотря на различие методик, авторы столкнулись с одним и тем же психологическим феноменом, подтверждается принципиальным сходством условий его проявления — ситуация выбора «неприятных» цветов (напомним, что в тесте Люшера производится ранжирование цветов по степени «приятности», симпатичности для испытуемого).

Н.В. Агазаде и Л.М. Кульгавин связывают «цветовой отказ» с последствиями черепно-мозговой травмы (ЧМТ) у больных шизофренией, т.к. сходные результаты были обнаружены и в группе больных с последствиями ЧМТ, а у многих больных шизофренией, отказавшихся от продолжения цветовой ранжирования, в анамнезе также были отмечены ЧМТ разной степени тяжести. Однако есть основания не согласиться с подобной точкой зрения на природу цветового отказа при шизофрении. Больные с последствиями ЧМТ, как это отмечают и сами Н.В. Агазаде и Л.М. Кульгавин, прежде всего, отказывались от выбора самых ярких цветов теста Люшера — желтого и красного, что является показателем сверхраздражимости и перевозбуждения, невозможности переносить длительное эмоциональное напряжение, в то время как больные шизофренией, несмотря на ЧМТ в анамнезе, эти цвета, как правило, предпочитали. Данные нашего исследования (1991) позволяют трактовать феномен цветового отказа, с которым нам также пришлось неоднократно сталкиваться при обследовании больных шизофренией, как проявление параноидной настроенности или установки при определенных формах шизофрении и, прежде всего, параноидной. Параноидная настроенность может быть охарактеризована как сочетание подозрительности, недоверчивости, настороженности с чувством, что окружающие относятся к больному недоброжелательно, если не открыто враждебно. Параноидная настроенность непосредственно предшествует актуализации (как говорят психиатры, — кристаллизации) бреда преследования, ущерба или других вариантов параноида.

Цветовой отказ стоит в ряду родственных ему патопсихологических симптомов. Так, например, при обследовании больных шизофренией тестом Сонди (тест лиц), те из них, у которых отмечается параноидная настроенность, отказываются выбирать фотографии людей, которых, по инструкции теста, надо оценить, как неприятных больному. «Они все хорошие» — объясняет мотивы своего отказа больной шизофренией. В то же время, как показывает

более глубокий анализ, для больных с параноидной настроенностью характерен высокий уровень враждебности по отношению к окружающим, но вытесняемой из сознания больного. Вытеснение враждебности приводит к гипертрофированному «положительному» отношению, которое декларируется больным («они все хорошие»), а сама враждебность, согласно механизмам проекции, приписывается окружающим. Вытеснение враждебности носит столь глобальный характер, что сказывается даже на отношении к цветам, которые в качестве знаков или символов могут способствовать ее проявлению. Возможно, что блокирование адаптивных каналов разрядки враждебности (невозможность ее канализации) является одним из ведущих факторов патогенеза параноидной шизофрении.

Характер цветовых предпочтений больных шизофренией может отражать не только искажение эмоционального реагирования, но и предрасположенность к более частому переживанию тех или иных эмоций.

В работе Н.Л. Васильевой и Т.В. Корневой (1984) при обследовании больных малопрогрессирующей шизофренией, для которых в картине болезни характерны невротические или психопатоподобные расстройства, было выявлено что больные, чаще отмечающие у себя апатию и раздражительность и реже — радость или спокойствие, предпочитают темные, тусклые цвета теста Люшера, а красный и желтый — отвергают. Считается, что при малопрогрессирующей шизофрении изменения личности не носят столь выраженного характера (скорее, происходит их заострение), как при грубопрогрессирующими вариантами. Возможно поэтому, цветовые симпатии таких больных являются психологически понятными и, в принципе, сходными с цветовыми выборами психически здоровых испытуемых, испытывающих аналогичные эмоциональные переживания.

Смещение частоты эмоциональных переживаний вектора «радость-печаль» в сторону печали было отмечено Э.Т. Дорофеевой с соавт. (1978) при обследовании больных шизофренией с психопатоподобным синдромом с помощью методики цветных порогов и теста М. Люшера.

Существуют ли какие либо специфические цветовые предпочтения у больных шизофренией и, если да, то какими факторами они определяются? На эти вопросы мы попытались дать ответ в своей диссертационной работе (1991).

С этой целью было обследовано 150 больных шизофренией различных форм и типов течения, но преимущественно параноидной формой.

Возраст испытуемых варьировал в пределах от 17 до 64 лет. Группы контроля составили психически больные других нозологий с шизофреноподобной симптоматикой и психически здоровые (92 и 383 человека соответственно). В качестве экспериментальной методики был использован клинический цветовой тест М. Люшера, включающий в себя 7 цветных таблиц.

Было выявлено, что, в целом, больные шизофренией достоверно чаще, чем испытуемые обеих контрольных групп, выбирают в качестве симпатичных и приятных цветов самые яркие и светлые тона во всех 7-ми таблицах полного теста Люшера. Особенно это касалось цветов «активной» стороны: красного, желтого, оранжевого, а также — желто-зеленого,

голубого и др. Темные, тусклые, мрачные оттенки выбирались больными достоверно реже, чем в контрольных группах; например, черный, темно-синий, коричневый и др.

В таблице 3.1.2.1 приведены результаты частотного анализа цветовых выборов (%) по основной таблице теста Люшера всех трех группах испытуемых (1 — больные шизофренией; 2 — психически больные с шизофреноподобной симптоматикой, 3 — психически здоровые).

Из таблицы 3.1.2.1 видно, что, например, красный цвет, ставится на первое место в ряду цветовых предпочтений каждым четвертым больным шизофренией, что значительно превышает нормативные показатели для данного цвета, полученные в группе психически здоровых испытуемых.

Таблица 3.1.2.1. Частоты цветовых предпочтений

		Позиция цвета								
		1	2	3	4	5	6	7	8	
	1	4	7	7	10	14	23	21	14	5,41
	2	8	8	9	5	14	21	23	12	5,17
	3	10	13	14	11	14	12	14	13	4,55
	1	8	12	10	11	16	20	17	6	4,74
	2	10	5	9	8	22	16	21	9	5,02
	3	12	13	15	15	13	12	14	6	4,24
	1	14	20	17	23	9	9	4	4	3,54
	2	11	17	19	30	11	6	3	3	3,52
	3	19	19	18	15	12	7	7	3	3,45
	1	25	22	14	7	11	10	6	5	3,35
	2	16	26	17	6	13	8	12	2	3,52
	3	16	15	11	16	10	13	9	11	4,08
	1	12	15	20	14	8	9	14	8	4,16
	2	9	16	14	17	12	14	7	11	4,25
	3	9	10	13	10	13	16	16	12	4,82
	1	29	16	17	13	10	5	5	5	3,21
	2	34	17	13	13	4	8	6	5	3,08
	3	24	14	11	8	10	7	11	15	4,09
	1	4	9	12	19	22	12	14	8	4,75
	2	6	7	13	15	21	23	11	4	4,69
	3	8	11	12	18	17	14	10	5	4,47
	1	2	1	3	6	4	13	18	53	6,81
	2	2	4	4	3	2	9	18	58	6,84
	3	1	4	5	7	11	19	18	35	6,25

Достоверность различий между группами в их отношении к цветам теста Люшера, в среднем, составила $P < 0.05$ (метод хи-квадрат). Для красного цвета значение $X^2 = 15.32$; $P < 0.05$ (1 и 2 группы) и $X^2 = 47.19$; $P < 0.001$ (1 и 3 группы).

Как и следовало ожидать, различия между 1 и 3 группами носили более выраженный характер, чем между 1 и 2. Группа больных шизофренией обнаружила различия с группой психически здоровых испытуемых в отношении 23 цветов (из 33) полного варианта теста Люшера, в то время как различия с группой 2 касались 6 цветов теста.

Анализ цветовых выборов больных шизофренией показал, что наибольшей симпатией у них пользуются, прежде всего, цвета, относящиеся к красно-желтой части спектра, а из цветов «пассивной» стороны — светлые оттенки. Соотношение сумм «красной» и «желтой», к «синей» и «зеленой» колонок теста составило у них 1.35, а в группе здоровых — 1.04 (равномерное предпочтение).

В то же время, не было обнаружено какого-либо специфического цветового профиля для больных шизофренией. Усредненные ранговые ряды цветовых предпочтений во всех трех группах были, примерно, одинаковыми (см. таблицу 3.1.2.2).

Таблица 3.1.2.2. Сравнение ранговых рядов цветовых предпочтений

	Ранговый ряд цветовых предпочтений. Места								Ранговая корреляция	
	1	2	3	4	5	6	7	8	группы	коэффициент
1	5	3	2	4	1	6	0	7	1-2	0,98*
2	5	3	2	4	6	1	0	7	2-3	0,74*
3	2	3	5	1	6	0	4	7	1-3	0,76*

* Примечание: все коэффициенты ранговой корреляции значимы.

Это же верно и в отношении остальных 6 таблиц цветового теста. Никакой определенной последовательности цветовых предпочтений на стимульном материале теста Люшера у больных шизофренией выявлено не было. Это означает, что цветовые выборы по тесту Люшера не могут служить средством нозологической диагностики в отдельных случаях. Один и то же ранговый ряд цветовых предпочтений может быть отмечен и у больного шизофренией, и у психически здорового человека.

Несмотря на это, полученные результаты однозначно указывают на то, что психическое заболевание в форме шизофрении оказывает влияние на цветовые предпочтения. У шизофрении нет одного какого-либо цвета или цветового профиля, но отмечается усиление чувств симпатии либо антипатии к определенным цветам.

Цветовые предпочтения больных шизофренией во многом напоминают «детский тип» цветового выбора — «любовь» к яркому и светлому. С клинических позиций данный факт может быть рассмотрен как один из первых признаков эмоциональной неадекватности, а с точки зрения психофизиологии цветового воздействия — как свидетельство по выражению Н.В. Агазаде и Л.М. Кульгава особой «заинтересованности» психики больных шизофренией в интенсивных цветовых раздражителях.

Перед тем, как перейти к рассмотрению связи цветовых выборов больных шизофренией с клинической картиной заболевания, укажем на то, что, как и у здоровых, на цветовые симпатии больных оказывали влияние такие биологические факторы как пол и возраст. Но в отличие от здоровых, у которых яркие, светлые цвета чаще выбирались мужчинами, в обследованной группе больных шизофренией наблюдалась обратная картина — женщины предпочитали яркие и светлые цвета выраженнее, чем мужчины. Фактор возраста оказался значимым только в подгруппе женщин — как и в норме, с возрастом у них происходило перераспределение цветовых симпатий в сторону спокойных сине-зеленых тонов.

3.1.3. Клиника шизофрении и цветовые выборы больных

Как показало наше исследование, клиническими факторами, оказывающими влияние на цветовые выборы больных шизофренией, являются тип течения болезни, срок или давность заболевания, а также ведущий психопатологический синдром. Высокоспецифичные для шизофрении эмоциональные расстройства — неадекватность, амбивалентность и тупость проявляются не в самих цветовых предпочтениях, а в характере отношения больного к акту цветового выбора.

Грубо прогрессивные варианты шизофрении, например, непрерывно-прогрессивная параноидная шизофрения, характеризующаяся практическим отсутствием ремиссий и тотальными личностными изменениями, обнаруживают выраженные отличия в сравнении с малопрогрессивными. У первых тенденция предпочтения ярких и светлых оттенков теста Люшера носила особо утрированный характер. Цветовые выборы больных малопрогрессивной шизофренией, как это было показано ранее в исследовании Н.Л. Васильевой и Т.В. Корневой (1984), имели более сбалансированный вид. Степень прогрессивности шизофрении и выраженность основной тенденции цветовых выборов при данном заболевании находятся между собой в прямой зависимости.

Давность заболевания сглаживает основную тенденцию цветовых предпочтений больных. Сравнение больных, страдающих шизофренией не более 3-х лет, с длительно болеющими (более 10 лет), выявило определенное нивелирование этой тенденции, особенно, у больных с редукцией продуктивной симптоматики и нарастанием эмоционального оскудения.

При рассмотрении связи между цветовыми выборами больных и выявляемыми у них на момент обследования психопатологическими синдромами обнаруживаются, по меньшей мере, две ее стороны.

Условно, их можно охарактеризовать, как количественная и качественная. При сравнении больных, у которых выявлялись синдромы параноидного круга (параноидный, галлюциаторно-параноидный, депрессивно-параноидный и др.), с больными, в клинической картине болезни которых на первый план выступали невротоподобные, психопатоподобные или апато-абулические расстройства, обнаруживается, что для первых основная тенденция цветовых предпочтений при шизофрении носит существенно более выраженный характер. Различия между синдромами параноидного и непараноидного типа были особенно наглядными в отношении к красному цвету. Красный и его оттенки особо предпочитались больными с параноидными расстройствами. В таблице 8-ми цветов среднее ранговое место

красного у них составило 2.8, в то время как у больных без параноидных расстройств — 3.9 (различия достоверны на 5% уровне; $P < 0.05$).

Данный факт имеет существенное значение. Учитывая символику красного цвета и характер его психофизиологического воздействия на человека, можно сделать вывод, что «психология параноика», если можно так выразиться, — это «психология красного цвета» или «красного состояния».

С красным цветом связывается все самое активное, сильное и энергичное — от неопишуемой радости до дикого гнева. Предпочтение красного означает либо стремление к этим «красным» состояниям, либо их переживание. Находиться в «красном состоянии» — это, по крайней мере, означает быть «ослепленным». Такой человек фиксирован на определенных, очень значимых для него идеях и чувствах, упорно стремится к их реализации, не обращая внимания на какое-либо сопротивление. Красный — действие, которое во что бы то ни стало должно осуществиться, освободившаяся энергия, которую практически, нельзя погасить, раз и навсегда сделанный выбор, лишенный сомнений. В этом — рок «красных состояний», которые становятся неподвластны человеку и влекут его за собой до тех пор, пока цель не будет достигнута, либо встречная преграда не окажется сильнее и тогда последует «взрыв». Принципы красного, как символа силы, — «все или ничего», «победа или смерть» и т.д.

Предпочтение красного параноидными больными сигнализирует о том, что их «психическая энергия» вышла из под контроля. Они становятся зависимыми от своих «красных состояний», определяющих как их поведение, так и отношение к окружающему. Это означает установку на непримиримую борьбу, поиск врагов, признание лишь крайних мер и отрицание компромиссов. «Красное состояние» ищет борьбу и сопротивление и, если не находит этого в реальном мире, то обращается к иллюзорному.

Психомоторная заторможенность параноидного больного под влиянием нейролептиков не должна вводить в заблуждение психиатров и клинических психологов, если они обнаруживают у него повышенное предпочтение красного цвета. Пациент может «выстрелить» в любую минуту, в самый неожиданный момент. Сохранение повышенного предпочтения красного после проведенного лечения, свидетельствует о некачественной ремиссии, несмотря на редукцию бреда и галлюцинаций и появление критики. Как показывают наши наблюдения, через короткое время следует новое обострение.

Противоположностью «красного состояния» является «синее». Оно, практически, не свойственно параноидным больным. Этот цвет редко поднимается выше 5 места в их ранговых рядах цветовых предпочтений, то есть, не «уравновешивает» красный. Используя выражение Гете, можно сказать, что у параноидных больных отсутствует цельность и гармония психических состояний. Поэтому, с точки зрения цветовой психологии, лечение параноидных больных должно включать в свои цели и обретение ими возможности переживать «синие состояния» — релаксацию, умиротворение, чувство удовлетворения и т.д.

Цветовые выборы параноидных больных несут определенную информацию о содержании их галлюцинаторно-бредовых переживаний. Например, повышенное (1-3 места цветового ряда)

предпочтение коричневого цвета наблюдается у больных с ипохондрическим содержанием галлюцинаций или бреда. В случае психической нормы, выборы коричневого на первые места отмечаются у лиц с фрустрацией физиологических потребностей или у соматических больных. Интересно, что во многих случаях за, казалось бы, нелепыми и вычурными жалобами больных, предпочитающих коричневый («на мой желудок действуют какими-то лучами, и он гниет», «у меня изо рта идет смердящий запах» и т.д.), которые однозначно оценивались психиатрами как бред или галлюцинация, действительно стояло то или соматическое неблагополучие.

Это же верно не только для предпочтения отдельных цветов, но и для цветовых сочетаний. Так, цветовая пара — фиолетовый — красный на первых двух местах цветового ряда во многих случаях указывала на существенную роль в болезненных переживаниях больного сексуальных проблем.

Касаясь цветовых профилей непараноидных синдромов, прежде всего, следует отметить роль таких цветов как зеленый и красный. Для больных с невротоподобными расстройствами, среди которых преобладали астенизация, раздражительность, фобии, общим оказалось негативное отношение к красному цвету, средний ранговый показатель которого составил 4.35. Чаще всего данный цвет занимал 5-7 места основной таблицы теста. Психологически подобный результат является достаточно понятным: отвержение красного свидетельствует о перевозбуждении, непереносимости сильных раздражителей.

Больные с психопатоподобными расстройствами — эксплозивностью, брутальностью, повышенной конфликтностью обнаруживают выраженное отрицательное отношение к зеленому цвету (средний ранг — 4.3).

Учитывая изложенные в предыдущей главе факты о связи между цветом и эмоциями, можно предположить, что цветовые выборы больных шизофренией несут информацию об эмоциональных расстройствах, характерных для этого заболевания.

3.1.4. Эмоциональные нарушения

Изменение отношения к цвету при шизофрении неоднократно наблюдалось при тестировании больных с помощью теста Роршаха и традиционно связывалось с нарастанием эмоционального дефекта. Было отмечено, что по мере развития процесса, происходит общее снижение количества цветовых интерпретаций (Piotrowski — 1965). Однако С и CF интерпретации начинают преобладать над FC и M («кинестетическими») ответами (Rickers-Ovsiankina — 1983).

Согласно Piotrowski (1965) три признака в тесте Роршаха являются патогномоническими для больных шизофренией: наличие одного или двух CF ответов (1); «сумма» цвета больше 1, но меньше 3.5 (2); наличие одного С или CF ответа при отсутствии «с» (светотень) интерпретации.

Delay с соавт. (1958) таким признаком считает простое название цвета больным без какой-либо интерпретации.

По данным Eggert (1942) количество С и CF интерпретаций больше у больных гебефренической формой шизофрении, чем параноидной и простой.

В исследовании Л.Ф. Бурлачука (1979) показано, что у больных галлюцинаторно-параноидной формой с выраженным дефектом в сравнении со здоровыми наблюдается снижение количества FC и CF ответов и рост С интерпретаций. У 28 больных отмечалось простое название цвета.

При сравнении больных шизофренией в начальной стадии заболевания с дефектными больными у последних обнаружено общее снижение цветовых интерпретаций, особенно FC ответов. Л.Ф. Бурлачук характеризует больных в начальной стадии заболевания как «эмоционально напряженных», основываясь на том факте, что у них значительное количество FC интерпретаций сочетается с очень высоким удельным весом С ответов, а цветовые ответы преобладает над кинестетическими (М).

Сравнивая эти результаты с цветовыми предпочтениями больных по тесту Люшера, несмотря на различие исследовательских методов, можно отметить совпадения по многим параметрам. Во-первых, это усиление «интереса» к цвету на начальных стадиях заболевания, что отражает снижение интеллектуального, сознательного контроля эмоциональной сферы. На первый план выходят плохо контролируемые аффекты страха, гнева, эйфория, что создает впечатление усиления эмоций. В действительности причиной подобного, скорее, является расщепление эмоциональной и когнитивной сфер. Ранее подавляемые аффекты начинают свободно «разгуливать» и следовать только своей «логикой». Во-вторых, с нарастанием дефицитарного состояния, этот «интерес» к цветам снижается; создается впечатление, что больные не знают, что с ними «делать», эмоциональное содержание цвета выхолащивается. В тесте Роршаха это проявляется в форме простого названия цвета, а Люшера — в неспособности провести акт цветового ранжирования. Больной не в состоянии проранжировать цвета по степени приятности не потому, что негативно относится к исследованию, а потому, что не понимает, как это цвет может нравиться или не нравиться. Больной может назвать цвет, но личностно отнестись к нему уже не способен. Говоря клиническим языком, у такого больного выявляется «эмоциональная тупость», являющаяся одним из главных признаков дефекта вызываемого болезнью.

Другими важнейшими эмоциональными нарушениями при шизофрении являются неадекватность и амбивалентность. Согласно клиническим наблюдениям, неадекватность, как правило, предшествует амбивалентности. Ее можно считать первой стадией процесса эмоционального деградирования больного шизофренией, итогом которого является тотальное эмоциональное оскуднение.

Наши наблюдения позволяют рассматривать неадекватность, амбивалентность и тупость как три стадии единого процесса, а не самостоятельные формы эмоциональной патологии. Во всех проявляется существенно общее, что позволяет связывать их с друг другом не формально, а содержательно. Основанием подобного вывода является генетическое родство форм отношения к акту цветового выбора у больных с проявлениями подобной

эмоциональной патологии. Общим является выхолащивание эмоциональных значений цвета и замена их предметными, второстепенными ассоциациями.

На первой стадии (неадекватность) это проявляется в приписывании цвету несвойственных (в общепринятом плане), сугубо индивидуальных значений, основанных на поверхностных, «слабых» ассоциациях. Так один из больных выбрал в качестве наиболее симпатичного черный цвет, что при шизофрении наблюдается очень редко. Свой выбор он обосновал следующим образом: «цвет мира, а не войны, потому что черный — цвет земли, поэтому он и радостный». Другой пациент, поставивший черный цвет на последнее место, вместе с тем дает ему положительную характеристику: «цвет ночи, когда заходит солнце, чувствую себя гораздо лучше» (бред воздействия солнечных лучей), а затем добавляет — «но и плохой, сам по себе цвет не очень хороший».

На последнем примере можно уже наблюдать переход эмоциональной неадекватности в амбивалентность. Она проявляется в форме объединения в представлениях больного противоположных значений цвета. В норме, амбивалентность также наблюдается, но психически здоровый человек нивелирует ее, в частности, с помощью создания иерархии признаков. Для больного шизофренией с эмоциональной амбивалентностью все значения и ассоциации цвета рядоположены, имеют, примерно, равную ценность и актуализация их зависит в основном от ситуативных причин. В акте цветового выбора особенно яркие случаи эмоциональной амбивалентности проявляются в форме одновременного положительного и отрицательного отношения к цвету. Больной может переключаться с места на место, изменять положение в цветовом ряду при последующих выборах и даже заявлять, что «половина цвета мне нравится, а другая нет». Просьбы объяснить подобное отношение к цвету вызывают ответы типа: «синий — веселый, цвет курьерского поезда, на котором весело ехать, но он и грустный, т.к. у меня зонт синего цвета, а я дождь не люблю».

Создается впечатление, что больному требуется своеобразный костыль — предметная ассоциация цвета, чтобы выполнить задание цветовой классификации. Ему трудно отнестись к цвету непосредственно, прочувствовать эмоциональное впечатление, вызываемое самим цветом.

На стадии эмоциональной тупости больной оказывается неспособным даже приписать цвету какие-либо эмоциональные значения. Цвет становится для него просто краской, которой можно что-нибудь покрасить, но не более. Поэтому инструкция «выбрать цвета по степени симпатичности» ничего не говорит больному и он уточняет: «как это симпатичный? Надо знать, для чего выбираешь цвет». Столь выраженное влияние на цветовые симпатии больных шизофренией специфических для данного заболевания эмоциональных расстройств, ставит под сомнение возможность диагностики эмоциональных состояний больных с помощью методики цветового ранжирования.

С целью более определенного ответа на данный вопрос, нами был проведен следующий эксперимент. Кроме традиционного выбора цветов «по степени симпатии» (1-й тип выбора), больным было предложено проранжировать цвета в соответствии со своим актуальным эмоциональным состоянием (2-й тип). Результаты представлены в таблице 3.1.4.1

Таблица 3.1.4.1.

Тип выбора	Ранговый ряд	Ранговая корреляции
1	3 5 2 4 1 6 0 7	
2	0 5 2 6 1 3 7 4	

Данное значение коэффициента ранговой корреляции Спирмена ($R_o = 0.02$), что означает отсутствие корреляционной зависимости между ними.

Выборы второго типа более «печальные». Самым «соответствующим» своим настроениям и чувствам больные считают серый цвет (0). Красный и желтый располагаются в самом конце цветового ряда. В целом, данный цветовой профиль, во многом, напоминает профили «стыда» и «утомления» по А.М. Эткинду (1979).

Исходя из этих результатов, можно сделать вывод, что цветовые выборы «по симпатии» больных шизофренией не отражают их актуальные эмоциональные состояния. При опросе больных, нередко, можно было услышать объяснения типа — «мне хочется, чтобы так было», «я понимаю, что у меня не так, но они такие красивые ...» и т.п.

В данном случае мы сталкиваемся с определенным парадоксом. С одной стороны, эмоциональное содержание цвета для больных шизофренией, во многом, выхолащивается, а с другой, они оказываются способными выразить свое эмоциональное состояние посредством цвета.

Более углубленный анализ показывает, что эта способность во многом зависит от степени эмоциональной и личностной сохранности.

У больных малопрогрессирующей шизофренией, при которой распад психики не столь глобален, два типа цветовых выборов имеют наибольшие различия между собой. Коэффициент ранговой корреляции в данной подгруппе составил -0.81 ($P < 0.05$), что говорит о наличии обратной корреляционной зависимости между двумя типами выборами цвета. В то же время, у больных непрерывно-прогрессирующей и приступообразно-прогрессирующей шизофренией отмечается сходство между двумя типами выборов. Прежде всего, это относится к больным приступообразно-прогрессирующей формой в психотическом состоянии. У них показатель R_o Спирмена составил $+0.62$. Большинство больных данной подгруппы указывало на то, что им нравятся цвета, которые соответствуют их эмоциональному состоянию. В ряде случаев, создавалось впечатление, что больные не дифференцируют два типа заданий между собой.

Свидетельством того, что степень различий между двумя типами цветовых выборов может служить диагностическим признаком уровня сохранности личности больного, в определенной мере, является и то, что психически здоровые испытуемые в своем большинстве считают, что выбор «по симпатии» и «по эмоциональному состоянию» — не одно и то же. В среднем, значения R_o у них находились в диапазоне от -0.3 до $+0.1$ (слабая отрицательная корреляция, либо отсутствие корреляционной зависимости).

В этой связи, можно вспомнить, что, по мнению Э.Т. Дорофеевой, цветовые выборы «по симпатии» отражают «стратегию» эмоционального реагирования, т.е. актуальные эмоциональные состояния испытуемых не проявляются непосредственно в их цветовых предпочтениях.

В случае больных шизофренией правомерно предположить, что их цветовые выборы «по симпатии» носят, в определенной степени, компенсаторный характер. Выбирая в качестве «симпатичных» цвета, связанные с положительными эмоциональными переживаниями, они символически компенсируют дефицит подобных эмоций у себя.

Известно, что при шизофрении происходит снижение способности переживания положительных эмоций (Ю.Ф. Поляков, Н.С. Курек — 1985), в то время как восприятие, оценка и переживание отрицательных эмоций значительно обостряются особенно на начальных стадиях заболеваний, особенно у больных малопрогрессирующей шизофренией (Н.Л. Васильева, Т.В. Корнева — 1984).

Поэтому, усиление, особенно у недавно заболевших, предпочтения ярких и светлых оттенков теста Люшера, кроме всего прочего, можно рассматривать и как следствие фрустрации потребности в переживании положительных эмоций.

Несомненно, что цветовые предпочтения больных шизофренией, носят полифакторную природу. Патологические и биохимические изменения при данном заболевании также вносят свой вклад в их картину. Наши наблюдения изменений цветовых выборов больных непосредственно после приема ими нейролептиков (аминазин, галоперидол) показывают, что они наступают уже через 15-30 минут и проявляются в смене типа цветового предпочтения: больные начинают «симпатизировать» таким цветам, как коричневый, серый, синий, а красный и желтый — отвергать. Через 2-3 часа наблюдается почти полное восстановление первоначального типа выбора. То психотропное действие, которое оказывают данные препараты, непосредственно сказывается на цветовых предпочтениях больных, хотя и на короткое время. Ряд данных позволяет считать, что отсутствие изменений в цветовых предпочтениях под влиянием нейролептиков свидетельствует о резистентности по отношению к этим препаратам.

3.1.5. Психосемантика цвета при шизофрении

Отношение людей к цвету, в том числе и больных шизофренией, проявляется не только в чувствах симпатии-антипатии к этому цвету, но и в тех значениях, которые он для него носит.

Выше мы убедились, сколь значимым для цветовых выборов больных шизофренией является то значение, которое они приписывают цвету. Учитывая характер психопатологии при шизофрении, в частности, нарушения мышления, можно предположить, что процесс цветового ассоциирования у больных в сравнении с психически здоровыми претерпевает значительные изменения.

Вместе с тем, нельзя однозначно оценивать изменения психики при шизофрении — как распад и деградацию. Даже больной «хроник» (длительно болеющий, практически, без ремиссий) может неожиданно обнаружить достаточно высокий уровень сохранности тех или иных психических функций («островки», по выражению Л.Н. Богатской — 1971).

Т.Я. Хвиливицкий (1964) обратил внимание на «неожиданное, с точки зрения обычных, сложившихся представлений, поразительное многообразие эмоционального спектра (у больных шизофренией), которое особенно отчетливо обнаруживается в процессе лечения, в том числе и у давних хронических больных-шизофреников» (с.270).

Там, где клиническое обследование видит у больного лишь апатию и эмоциональную тупость, цветовое ассоциирование, нередко, показывает сохранившуюся способность к тонким и дифференцированным эмоциональным переживаниям. Приведем несколько примеров цветовых ассоциаций больных с клинически определяемой эмоциональной тупостью.

Серый: «Не очень хороший день, плохое настроение, такой же как моя жизнь», «серый человек, ничего не понимает, больной», «пересохшая без воды земля».

Темно-синий: «Море, даль, бесконечность, чувство спокойствия». «Вызывает грусть, мрачное настроение», «успокаивает, бархатный».

Сине-зеленый: «Цвет жизни, освежающий, успокаивающий».

Красный: «Какой-то праздник, но не очень вызывает это чувство», «радостный, возбуждающий». Нередко в ассоциациях больных на красный проявляются их болезненные переживания: «тепло, огонь, когда я долго не засыпаю, вижу огонь».

Желтый: «Теплый, солнечный, чувство тепла», «тревожный, раздражающий».

Фиолетовый: «Приятный, красивый, освежающий», «теплый, радость, счастье».

Коричневый: «Спокойный, неяркий, невыразительный, безразличен мне».

Черный: «Печаль, волнение, траур», «это страх, страх смерти». Как и красный, черный также часто оказывается связанным через свои ассоциации с неприятными для больного переживаниями.

Цветоэмоциональные значения красного и черного по сравнению с другими цветами основной таблицы теста Люшера у больных шизофренией остаются в наибольшей степени понятными и традиционными. С черным цветом чаще всего связываются отрицательные эмоции: «горе», «страх», «вина», «стыд». С красным — «радость».

Другие цвета вызывают у больных разноплановые, вычурные, преимущественно, предметные

по своему характеру ассоциации. Эмоция «радость» могла быть обозначена серым цветом, потому что «серый — цвет дождя, а я дождь люблю». Даже при внешне понятном цветовом ассоциировании, может наблюдаться неадекватное обоснование: «серый — цвет горя, т.к. он — цвет мозгового вещества, которое грустит».

Подобные особенности цветовых значений проявляются не только в ситуации свободного ассоциирования, но (в еще более выраженной степени) при оценке цвета по методике семантического дифференциала.

Использование «СД» в нашем исследовании (1991) преследовало цель определения роли психосемантических значений цвета в акте цветового ранжирования. В связи с этим, в список шкал «СД» была включена «шкала выбора цвета» («самый симпатичный — несимпатичный»).

Факторный анализ выделил 4 фактора, охватывающих 93% дисперсии результатов. Состав каждого из факторов и факторные нагрузки шкал приводятся в таблице 3.1.5.1..

Первый, «генеральный» фактор, лишь отдаленно напоминает фактор «А», выделенный Ч. Осгудом. Вхождение в его состав шкалы «выбора цвета», позволило проинтерпретировать данный фактор, как «фактор положительного цветового выбора». Согласно значениям шкал, вошедших в него, в качестве симпатичных больные шизофренией выбирают цвета, действующие на них стимулирующим образом, снимающие напряжение, вызывающие положительные эмоции, но вместе с тем, действие которых не слишком интенсивное.

Цвета, которые оцениваются больными, как «сильные» (см. фактор 2), попадают в разряд отвергаемых. Интересно, что для больных шизофренией качество «силы цвета» связано со степенью его возбуждающего воздействия (в негативном плане). Можно сказать, что больные «уважают» такие цвета, но они для них являются субъективно чуждыми, что подтверждает вхождение в состав данного фактора шкалы «не похож на меня». Анализ содержания фактора N 2 позволяет интерпретировать его как «фактор негативной силы». Возможно, что чувство угрозы, которое испытывают больные в отношении этих цветов, возникает также в результате действия механизма проекции.

Третий фактор является усеченным вариантом фактора «Е». Он не связан непосредственно с тем или иным вариантом цветового выбора, а отражает положительные значения цветов не сказывающиеся, однако, на отношении к цвету со стороны больного.

Таблица 3.1.5.1.

Фактор 1		Фактор 2		Фактор 3		Фактор 4	
Шкала	Вес	Шкала	Вес	Шкала	Вес	Шкала	Вес
Положительный выбор	.99	Сильный	.91	Мужественный	.66	Расслабленный	.56
Радостный	.94	Возбуждающий	.89	Умный	.64	Холодный	.51
Активный	.91	Твердый	.71				
Яркий	.9	Напря-	.71				

		женный					
Динамичный	.89	Глубокий	.69				
Приятный	.88	Плотный	.62				
Добрый	.87	Не похож на меня	.59				
Легкий	.85	Тяжелый	.58				
Звучный	.84	Давящий	.58				
Нежный	.78	Звучный	.51				
Горячий	.72						
Похож на меня	.68						
Облегчающий	.65						
Мягкий	.64						
Женственный	.61						
Значение фактора	10.5	Значение фактора	5.5	Значение фактора	2.1	Значение фактора	1.6
Накопленная дисперсия	57%	Накопленная дисперсия	20%	Накопленная дисперсия	9%	Накопленная дисперсия	7%

Последний, четвертый фактор также лишь косвенно связан с цветовыми симпатиями больных. Он выражает безучастное и отстраненное отношение к цвету. Проинтерпретирован нами, как «фактор апатии».

После выделения и интерпретации факторов были определены факторные нагрузки 8-ми цветов основной таблицы теста Люшера. Данная процедура позволила построить 4 ранговых цветовых ряда в соответствии с факторной нагрузкой цветов по каждому из факторов и сравнить их с реальным усредненным рядом цветовых предпочтений больных (таблица 3.1.5.2.).

Ранговый ряд цветов, составленный на основе нагрузок их по фактору 1, практически, совпадает с типичным при шизофрении порядком выбора цветов, что подтверждает его интерпретацию как «фактора положительного цветового выбора». Интересно, что цвета, наиболее любимые больными, по их оценкам можно охарактеризовать, как «глупые и женственные» (см. фактор 3), в то время, как «мужественные и умные» цвета (синий, черный, коричневый и серый), несмотря на эти положительные значение, попадают в разряд отвергаемых. Не является ли подобная амбивалентность отражением конфликта между «мужским и женским началом» (animal and anima) больных шизофренией?

Таблица 3.1.5.2.

	Факторные нагрузки			
	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
Серый	-0.778	-0.267	1.917	0.143
Синий	-0.739	0.969	2.085	1.190
Зеленый	1.012	-0.633	0.464	1.050
Красный	1.040	0.416	-0.453	-1.028
Желтый	0.816	0.406	-0.669	0.823
Фиолетовый	1.063	0.995	-1.135	-1.311

Коричневый	-0.070	0.410	1.154	-0.674
Черный	-1.077	1.302	1.218	0.919
Ранговый ряд	53246107	71364025	10762345	12740635

Практически, все цвета для больных являются психосемантически амбивалентными. Например, зеленый (2), один из самых «любимых» цветов, имеет высокую нагрузку по фактору 4 («апатия»). То же самое, можно сказать и о желтом. Несомненно, что разноплановость психосемантики цвета существенно затрудняет акт цветового ранжирования, порождает конфликт по типу столкновения положительной и отрицательной тенденций (К. Левин). Чаще всего больные выходят из подобного конфликта путем «усиления» одной из тенденций, приписывая цвету положительные значения (нередко, надуманные), если цвет нравится или отрицательные — в обратном случае.

В целом, анализ психосемантики цвета при шизофрении подтверждает, что самыми приятными и симпатичными больные считают цвета красно-желтой части спектра (включая красно-синий), средней насыщенности, светлые.

Перспективным направлением изучения цветовых значений при шизофрении, на наш взгляд, является применение «техники репертуарных решеток» Г. Келли (1955), позволяющей выявлять индивидуальную, а не «навязанную», как в случае «СД», систему «личностных конструкторов».

Наши носящие предварительный характер исследования показали, что при шизофрении, прежде всего, страдает сам процесс конструирования. Личностные конструкторы больных в своем большинстве являются ситуативными, поверхностными, отражающими, преимущественно, предметные ассоциации цвета, не связанные с личностным отношением к нему больного. Их смысловое содержание является бедным, а отношения между собою — недифференцированными, рядоположенными; отсутствует четкая иерархия конструкторов.

При проведении больными процедуры оценивания цветов по собственным конструкторам, выясняется, что многие из конструкторов являются «неработающими», а другие — охватывают 1-2 элемента (цвета). Это свидетельствует о бедности «языка цветов». Цвета, исключая красный, черный и белый, практически, теряют свое эмоционально-личностное значение для больных. В отношении же цветов «основной триады» может наблюдаться своеобразная генерализация — как и у первобытных людей они выступают в качестве универсальных символов, охватывающих основные стороны жизни человека.

3.2 Маниакально-депрессивный психоз

Многими исследователями сообщается о наличии зависимости между отношением к цвету и эмоциональными расстройствами у больных маниакально-депрессивным психозом.

Л.Е. Меве (1974) приводит интересный случай униполярной формы МДП с ежедневным чередованием маниакальной и депрессивной фаз у больной женщины. Находясь в маниакальном состоянии, пациентка использовала в своих рисунках яркие, светлые тона; в целом, палитра рисунков была очень пестрой. При переходе в депрессивную фазу, она либо

вообще отказывалась от использования цвета, либо рисовала только темными и мрачными красками. Сходный характер цветовой гаммы рисунков больных маниакально-депрессивным психозом в зависимости от фазы психоза наблюдался также и Э.Т. Вачнадзе (1972).

И.Г. Беспалько (1975) обнаружил у больных депрессией снижение порогов чувствительности к синему и голубому и повышение к красному, оранжевому и желтому цветам.

Тестирование больных депрессией тестом Роршаха часто обнаруживает отсутствие «цветовых интерпретаций» (Л.Ф. Бурлачук — 1979), что объясняется торможением аффективности.

При изучении цветовых предпочтений больных маниакально-депрессивным психозом, нередко, наблюдаются «парадоксальные», на первый взгляд, результаты. Например, по данным Cohen and Hunter (1978) выбор цвета по тесту Люшера способен отражать глубину депрессии. На высоте депрессии больные отдают предпочтение желтому цвету. Наши наблюдения показывают, что в маниакальном состоянии больные чаще отдают предпочтение темным и тусклым тонам, а яркие и светлые — отвергают. Не носят ли цветовые выборы больных МДП в определенной мере «компенсаторный» характер, как и при шизофрении?

А.М. Эткинд (1984) обследовал больных депрессией с помощью цветового теста отношений (ЦТО). Больным предлагалось соотнести с ветами ряд понятий: «мое настроение», «мое я», «дом», «семья» и др. Согласно полученным результатам, 47% больных депрессией отождествили свое настроение с черным цветом. В контрольной группе психически здоровых подобной цветоассоциативной связи отмечено не было ни в одном из случаев. Самых себя больные чаще всего сравнивали с зеленым (29%) и серым (18%). В процессе лечения цветовые ассоциации несколько улучшились, но только в отношении понятий «мое настоящее» и «мое будущее». Цветовой код прошлого (как правило, негативный) не изменялся.

3.3. Эпилепсия

При эпилепсии также можно наблюдать ряд интересных взаимосвязей между отношением к цвету и клиникой заболевания.

Согласно П.И. Карпову (1926) в живописной продукции больных эпилепсией преобладает красный цвет. Подобную особенность рисунков больных отмечает и Э.А. Вачнадзе (1972). Э.А. Вачнадзе указывает на то, что в зрительной ауре больных эпилепсией чаще всего присутствует красный цвет.

Л.Ф. Бурлачук (1972) отмечает, что у больных эпилепсией по сравнению со здоровыми наблюдается больше С и CF ответов по тесту Роршаха, особенно, если эпилепсия сопровождается эксплозивностью. Вместе с тем, у больных с эмоциональным дефектом по типу абулии число цветовых интерпретаций заметно снижалось по сравнению с нормой.

В.М. Блейхер (1986) совместно с И.В. Борисовым обследовали больных эпилепсией, находящихся в дисфорическом состоянии, с помощью методики определения степени

приятности отдельных хроматических цветов по К.А. Рамулю (1958; 1966). Было установлено, что вне дисфорий существенной разницы между больными эпилепсией и контрольной группой в направленности субъективной оценки степени приятности всех хроматических цветов нет. При дисфории для больных эпилепсией снижалась «приятность» всех цветов, особенно это касалось тонов, относящихся к крайним участкам спектра.

Согласно Э.Т. Дорофеевой (1970), у больных с дисфорией (гневливых, раздраженных, немотивировано злобных) наибольший порог чувствительности отмечается к зеленому цвету, а наименьший — к красному.

Наши наблюдения показывают, что за 2-3 дня до эпилептического приступа, у больных изменяется отношение к красному и зеленому цветам. В ряду цветовых предпочтений по тесту Люшера они переходят на 6-8 позиции. Больные начинают оценивать эти цвета, особенно зеленый, как «очень неприятные». Характер отношения к зеленому цвету можно рассматривать в качестве патогномоничного признака и при диагностике эпилептоидной акцентуации и психопатии (см. глава 2).

При тяжелых формах эпилепсии с быстрым нарастанием интеллектуального и эмоционального дефекта, оканчивающихся эпилептическим слабоумием также отмечается выхолащивание эмоционального содержания цветов, в результате чего цвет становится лишь безусловным раздражителем для больного.

3.4. Неврозы

Изучение отношения к цвету у больных с «функциональными», пограничными психическими нарушениями представляет особый интерес, прежде всего, в плане своевременной диагностики невротических расстройств и контроля эффективности проведенного, в том числе и психотерапевтического, лечения.

Еще Роршах (1920) отмечал, что «цветовой шок» (увеличение латентного времени ответа, либо отсутствие каких-либо интерпретаций при предъявлении «цветных таблиц» теста Роршаха) является патогномоническим признаком для больных неврозами.

По данным Rapoport (1946) для неврозов характерны и «негативные цветовые ответы», а их количество прямо пропорционально тяжести невроза.

Связь отношения к цвету со степенью невротических нарушений отмечена и в работе Н.В. Никитина и Л.П. Урванцева (1988). Авторы использовали свою собственную методику («цветограмма больного»). На стадии обострения невроза больные чаще всего выбирали темные тона, входившие в стимульный набор методики. Причем, это происходило независимо от формы невроза. Наоборот, в стадии ремиссии нарастали различия в цветограммах больных, относящихся к различным невротическим формам. Больные невротической предпочитали для оценки своего текущего состояния выбирать темно-красные оттенки, а пациенты с неврозом навязчивых состояний (психастения) — темные сине-зеленые.

Для цветовой диагностики формы невроза следует обращать внимание и на отвергаемые больным цвета. При истерическом неврозе мы, нередко, наблюдали отвержение красного и фиолетового цвета, особенно, когда невротические расстройства были связаны с сексуальной жизнью пациента.

В тесте Роршаха преобладание «С» ответов над «М» ответами является дифференцирующим признаком для истерической формы невроза.

Использование ЦТО при обследовании больных неврозами позволяет выявлять пониженное самоуважение больных, конфликтные отношения с ближайшим окружением, часто, неосознаваемые больными. Положительные сдвиги, регистрируемые ЦТО в процессе лечения, коррелируют с улучшением самооценки и межличностных отношений больного (А.М. Эткинд — 1984).

Влияние психотерапии, в частности, аутотренинга находит свое отражение в цветовых симпатиях больных неврозами. Эффективность аутотренинга, согласно Ю.Ф. Филимоненко с соавт. (1982), проявляется в выборах цветов «рабочей группы» (красный-желтый-зеленый), выделенной Eggert (1965). Выбор этих цветов (в той или иной последовательности на первые три места цветового ряда теста Люшера) представляет «аутогенную норму» теста Люшера (Walneifter — 1969). У больных неврозами, не проходивших психотерапию, «рабочая группа», практически, не наблюдается.

Своеобразный «страх» ярких, интенсивных цветов при неврозах, вероятно, отражает подавление и вытеснение субъективно нежелательных для них аффектов. Особенно это характерно для больных психастениями. Отвержение красного и желтого цветов лицами с пограничными нервно-психическими расстройствами свидетельствует о наличии у них суицидальных тенденций (Х.А. Гасанов и Н.В. Агазаде — 1985).

3.5. Алкоголизм

Особенностью лиц, злоупотребляющих алкоголем, по данным В.В. Щетинского и С.Н. Польшина (1990) является выраженное отвержение синего цвета теста Люшера. Авторы рассматривают данный факт в качестве прогностически благоприятного признака в отношении наличия у больного антиалкогольной установки.

Нами, совместно с Ю.Ф. Чуевым и Н.М. Ситченко (1988) было проведено обследование женщин, страдающих алкоголизмом, у которых в анамнезе отмечены те или иные формы антивиталяного поведения. Наиболее предпочитаемыми цветами у них оказались фиолетовый и красный. Обратило на себя внимание «равнодушное» или негативное отношение испытуемых к зеленому цвету, который, как правило, занимал места ниже четвертого. Применение ЦТО позволило выявить существенное расхождение между осознаваемыми и неосознаваемыми компонентами эмоциональных отношений и самооценки. Результаты исследования дают основание считать, что цветовые выборы больных алкоголизмом (женщин) отражают эмоциональную расторможенность, импульсивность и недостаточность волевого контроля (алкогольную внушаемость).

Ранее эмоциональные отношения больных алкоголизмом с помощью ЦТО изучались также А.М. Эткингом (1985).

В кандидатской диссертации Р.П. Канивец (1992) при обследовании мужчин, больных алкоголизмом, с различными формами суицидального поведения, с помощью теста Люшера и ЦТО, показано, что предпочтения ярких и светлых цветов характерно для больных алкоголизмом, чьи суицидальные попытки были импульсивными, являлись непосредственным ответом на психотравмирующую ситуацию или носили демонстративный характер. При алкогольной депрессии признаком наличия суицидальных тенденций является отвержение красного цвета.

3.6. Другие заболевания

При обследовании больных с органическими поражениями Центральной нервной системы по методу Роршаха бросается в глаза «конкретность» цветовых интерпретаций, а также повышенная требовательность в отношении соответствия цвета и формы (Piotrowski — 1937; Л.Ф. Бурлачук — 1979).

У больных с последствиями черепно-мозговой травмы (ЧМТ), нередко, отмечается «непереносимость» яркого. Они часто отказываются от выборов красного и желтого цветов (Н.В. Агазаде и Л.М. Кульгавиным — 1982). Вместе с тем, дети с отдаленными последствиями ЧМТ, по данным Walneiffer (1969), наоборот, предпочитают цвета, входящие в «желтую» колонку полного варианта теста Люшера, а цвета «синей» колонки — отвергают, что трактуется Walneiffer, как свидетельство выраженной эмоциональной лабильности и неустойчивости таких детей.

Л.В. Калягина (1985) обнаружила у больных с сосудистыми заболеваниями головного мозга частые выборы на первые позиции тест Люшера красного и желтого, в то время, как синий выбирался гораздо реже.

В нашем исследовании больных с цереброваскулярной патологией были получены сходные результаты. Несмотря на то, что основную часть испытуемых, вошедших в данную группу, составляли больные пожилого возраста, тип их цветового выбора был «детским»: больными отдавалось предпочтение красному, желтому и фиолетовому.

Т.А. Айвазян, В.П. Зайцева и др. (1989) выявили, что больные сердечно-сосудистыми заболеваниями (ССЗ) отдают предпочтение синему, а желтый и красный — отвергают. На основе этих результатов можно предположить, что цветовой выбор способен отражать локализацию сосудистой патологии. М. Люшер (1970) писал, что характер отношения к синему и красному, их взаимное расположение в ряду цветовых выборов несет информацию о состоянии сердечно-сосудистой системы человека.

Резюме

Изучение отношения к цвету при различных формах психической и психосоматической патологии не только еще раз подтверждает тесную взаимосвязь цвета и психической

деятельности человека, но имеет и большое практическое значение. Часто там, где традиционные методы клинического и психологического исследований не позволяют глубоко проанализировать характер и содержание психосимптоматики, либо даже ее не обнаруживают, цвет остается, пожалуй, единственным психодиагностическим средством, способным решать, казалось бы, бесперспективные задачи.

В свою очередь, это обосновывает необходимость дальнейшего развития и совершенствования цветовой психодиагностики, актуальные вопросы которой рассматриваются в заключительной главе.

Литература

1. Агазаде Н.В., Кульгавин Л.М. Опыт использования цветового теста Люшера при исследовании психических больных. //Психопатии и психопатоподобные состояния в судебно-психиатрической практике. М., 1982. с. 146-150.
2. Азбукина В.Д. К вопросу о состоянии зрительного анализатора при шизофрении. Диссертация. М., 1955.
3. Бажин Е.Ф., Эткинд А.М. Цветовой тест отношений (ЦТО). Методические рекомендации. Л., 1985. 18 с.
4. Базыма Б.А. К вопросу о предпочитаемых цветах у больных шизофренией. //Актуальные проблемы, современные достижения психоневрологии, их медико-технические аспекты в основных разделах и практике медицины. Харьков, 1985. с. 265-267.
5. Базыма Б.А. К вопросу о эмоциональных основах индивидуальных цветовых предпочтений в норме и патологии. //Вестник ХГУ. Харьков, 1989. N 337. с. 15-19.
6. Базыма Б.А. Цвет как способ диагностики эмоциональных нарушений при шизофрении. //Тезисы докладов VIII съезда невропатологов, психиатров и наркологов УССР. Харьков, 1990. т. 2. с. 123-124.
7. Базыма Б.А. Цветовые симптомы эмоциональных нарушений при шизофрении. //Неврология и психиатрия. Киев, 1991. выпуск. 20. с. 60-63.
8. Базыма Б.А. Исследование отношения к цвету как метода в диагностике эмоциональных нарушений при шизофрении. Диссертация и автореферат на соискание ученой степени кандидата психологических наук. Ленинград, 1991.
9. Беспалько И.Г. О соотношении между цветовыми порогами, соматотипом и эмоциональным состоянием. //Математические методы в психиатрии и неврологии. Л., 1972. с. 176-178.
10. Блейхер В.М., Крук И.В. Патопсихологическая диагностика. Киев, 1986. 280 с.
11. Болдырева С.А., Кудрявцева В.П. Особенности рисунков детей дошкольного возраста больных шизофренией. //Журнал неврологии и психиатрии. М., 1967. т. 68. выпуск. 10. с. 1521-1529.
12. Болдырева С.А. Рисунки детей дошкольного возраста, больных шизофренией. М., 1974. 110 с.
13. Бразман М.Э., Дорофеева Э.Т., Щербатов В.А. О дифференциации некоторых эмоциональных состояний методом измерения цветовой чувствительности. //Проблемы моделирования психической деятельности. Новосибирск, 1967. с. 171-174.
14. Бурлачук Л.Ф. Особенности перцептивной деятельности больных эпилепсией и шизофренией при слабоструктурированной зрительной стимуляции. Автореферат

- диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. Л., 1974. 19 с.
15. Бурлачук Л.Ф. Исследование личности в клинической психологии. Киев, 1979. 176 с.
 16. Бурковский Г.В., Хайкин Р.Б. Изучение изобразительной продукции арттерапевтической группы психически больных. //Клинико-психологическое исследование групповой психотерапии при нервно-психических заболеваниях. Л., 1979. с. 113-117.
 17. Васильева В.Л., Корнева Т.В. Исследование эмоциональной направленности больных малопрогредиентной шизофренией. //Ранняя реабилитация психически больных. Л., 1984. с. 139-143.
 18. Вачнадзе Э.А. Некоторые особенности рисунка душевнобольных. Тбилиси, 1972. 62 с.
 19. Вачнадзе Э.А. Рисунки детей больных шизофренией и эпилепсией. Тбилиси, 1974. 50 с.
 20. Гасанов Х.А., Агазаде Н.В. Применение батареи психологических тестов для активного выявления суицидальных тенденций. //Проблемы неотложной психиатрии. М., 1985. с. 52-54.
 21. Гольдовская И.Л. О врожденных расстройствах цветового зрения у лиц с психическими заболеваниями. //Журнал неврологии и психиатрии. 1978. т. 78. вып. 12. с. 1852-1855.
 22. Дорофеева Э.Т. О возможных критериях распознавания эмоциональных состояний. //Проблемы моделирования психической деятельности. Новосибирск, 1968. вып. 2. с. 279-280.
 23. Дорофеева Э.Т., Карпинский А.М., Случевский Ф.И., Щербатов Б.А. Некоторые пути объективных дифференцировок особенностей эмоционального фона при различных психопатологических состояниях. //Актуальные вопросы клинической психопатологии и лечения душевных болезней. Л., 1969. с. 47-52.
 24. Дорофеева Э.Т., Постников В.А., Плишко Н.К. и др. К проблеме объективации клинических картин психологическими методами исследований. //Психология и медицина. М., 1978. с. 82-88.
 25. Зайцев В.П., Айвазян Т.А., Таравкова И.А. и др. Изучение диагностических возможностей цветового теста у больных сердечно-сосудистыми заболеваниями. //Психологический журнал. 1989. т. 10. N3. с. 106-110.
 26. Зюбан А.Л., Яновский Ю.В. Особенности восприятия цветовых оттенков у здоровых и больных шизофренией. //Клиника, патогенез и лечение нервно-психических заболеваний. М., 1970. с. 210-214.
 27. Канивец Р.П. Клинико-психологические особенности суицидального поведения больных хроническим алкоголизмом с суицидальными тенденциями и профилактика суицидов. Автореферат кандидатской диссертации на соискание ученой степени кандидата медицинских наук. Харьков, 1993.
 28. Карвасарский Б.Д. Медицинская психология. Л., 1982.
 29. Карпов И.И. Творчество душевнобольных. Л., 1926.
 30. Недува А.А. Некоторые вопросы истории и современного состояния изучения художественного творчества психически больных. //Вопросы социальной и клинической психоневрологии. М., 1977. с. 169-174.
 31. Никитина Н.В., Урванцев Л.П. Использование методики цветовой оценки состояний для изучения эмоциональной сферы больных неврозами. //Журнал неврологии и психиатрии. 1988. т. 88. выпуск. 12. с. 82-85.
 32. Певзнер А.И. Некоторые данные о состоянии зрительного анализатора при шизофрении. //Научные труды аспирантов и ординаторов 1-го ММИ. М., 1966. вып. 2. с. 40-41.
 33. Певзнер А.И. О динамике нарушений цветового зрения у больных шизофренией. //Шизофрения: клиника, патофизиология, терапия. М., 1968. с. 49-50.

34. Певзнер А.И. О нарушении цветового зрения у больных шизофренией. //Журнал неврологии и психиатрии. 1969. т. 69. выпуск. 3. с. 87-97.
35. Певзнер А.И. Патология цветового зрения в клинической структуре шизофрении. Диссертация и автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата медицинских наук. М., 1971.
36. Суворова Н.К. Особенности творчества душевнобольных и роль творчества в психотерапии психозов. //Психические заболевания. Л., 1970. с. 497-505.
37. Филимоненко Ю.И. Экспресс-методика для оценки эффективности аутотренинга и прогноза успешности деятельности человека. //Личность и деятельность. Л., 1982. вып. 11, с. 33-40.
38. Хомская Е.Д. Нейропсихология. М., 1987. 288 с.
39. Чуев Ю.Ф., Базыма Б.А., Ситченко А.М. Клинико-психологическая оценка суицидного потенциала у женщин больных алкоголизмом. //Неврология и психиатрия. Киев, 1988. вып. 17. с. 74-76.
40. Щетинский В.В., Польшин С.Н. Тест Люшера как показатель преабстенентного варианта алкогольной личности. //Тезисы VIII съезда невропатологов, психиатров и наркологов УССР. Харьков, 1990. т. 2. с. 231-232.
41. Шонина Ж.Г. Музыкальное восприятие и изобразительные возможности у больных шизофренией и их значение для реабилитации. //Тезисы докладов конференции по реабилитации нервно- и психически больных. Л., 1982. с. 79-87.
42. Экспериментально-психологическое исследование восприятия у больных реактивными психозами и шизофренией. Отчет ЦНИИСП. Руководитель - Азбукина В.Д. М., 1976. 39 с.
43. Эткинд А.М. Цветовой тест отношений и его применение в исследовании больных неврозами. //Социально-психологические исследования в психоневрологии. Л., 1980. с. 110-114.
44. Эткинд А.М. Разработка медико-психологических методов исследования эмоциональных компонентов отношений и их применение в изучении неврозов и аффективных расстройств. Диссертация и автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. Л., 1985.
45. Якупова Г.Я. Опыт психокоррекционной работы (арттерапия) у больных с изменениями личности. //Тезисы конференции по реабилитации нервно- и психически больных. Л., 1982. с. 74-78.
46. Anastasi A., Foley J.P. An experimental study of drawing behavior of adult psuchotics in comparison with that of a normal control group. J. exp. Psychol., 1944, v. 34, p. 169-194.
47. Bassano J.L. Le test des couleurs de Luscher dans le profil de descripteurs de la personalite psychosomatique. Psuchol. med., 1977, v. 9-10, p. 1951-1960.
48. Bieber J., Herkimer J.K. Art in Psychotherapy. Am. J. psychiat. 1948. v. 104, p. 627-631.
49. Bobon J. Sontribution a la psychopatologie de l'expression plastique mimique et pictural: Les «neomorphismes». Acta Neurol. Psychiat. Belg., 1957, 57, p. 1031-1067.
50. Bunham R.W., Hanes R.M., Bartleson C.J. Color: A guide to basic facts and concepts. — N.Y., 1963.
51. Hartwich P. Farbunterzsuchungen in malereien schizophrener. Z. Psychother. med. Psychol., 1971, v. 21, n. 2, p. 64-73.
52. Jakab I. Expression graphique des hallucinations schizophreniques. Ann. med. Psychol., 1959, t. 1, p. 1-24.

53. Landry M.A. Contribution a l'etude du diagnostic de psychoses infantiles a forme schizophrénique. Paris, 1959, v. 5, p. 8-24.
54. Luscher M. Psychologie der Farben. Basel, 1949.
55. Luscher M. Psychologie und Psychotherapie als Kultur. Basel, 1955.
56. Luscher M. The Luscher color test. — L., 1970.
57. Mever J.E. Stilwandel bildnerischer produktion unter dem einflubener. Psychose nervenarzt, 1954, Bd 25, s. 237-245.
58. Nakano M., Jap N. Psychol., 1972. 43(1), 22.
59. Navratil L. Schizophrenie und Kunst. Munchen, 1965.
60. Pfister H.O. Farbe und Bewegung in der Zeichnung. Geiste-skranker. Schweiz. Arch. Neurol. Psychiat., 1934, Bd 34, s. 325-365.
61. Rachman S. Neuzosen-Ursachen und heilmethode — Berlin: Deutsch. Verlag. Wissenschaften, 1968. 290 s.
62. Rorschach H. Psychodiagnostics, 7 th. ed. — N.Y., 1969.
63. Stolper J.H. Color induced physiological response. — Man-En-viron. Syst., 1977. v. 7, n. 2. p. 101-108.
64. Strand M., Skula E. Ein fall von kinderschizophrenie mit ausdrucksvoller bild produktion. Acta paedopsychiat., 1960. Bd. v. 27. s. 52-61.
65. Walter R. Diagnostische erfahrungen mit einem malzike schizophrener patienten. Med. Bild., 1964, n. 3, s. 88-91.

ГЛАВА 4. Цветовая психодиагностика

Наличие столь многочисленного числа фактов о взаимосвязи цвета и психики, казалось бы, не оставляет сомнений в правомерности и обоснованности цветовых методов психодиагностики. Вместе с тем, критики данного направления в психодиагностике, не отрицая большинства эмпирических фактов цветовой психологии, не считают достаточно обоснованными теоретические послылки этих методов. Наибольшую критику из известных на сегодня методов цветовой психодиагностики вызвал в отношении себя цветовой тест Люшера (ЦТЛ).

4.1. Цветовой тест Макса Люшера

Макс Люшер (M. Luscher) родился в 1923 году в городе Безель в Швейцарии. Изучал социологию, философию права и религии, клиническую психиатрию. В 1949 году защитил диссертацию по философии и психологии. Изучал в Стокгольме и Париже методы психотерапии. Работал в качестве доцента в Швейцарском антропологическом институте. Практиковал как психотерапевт, а также читал лекции в Базеле, Цюрихе и Париже. С 1957 по 1960 год работал в Амстердаме на должности профессора. Затем руководил медико-психологическими и социологическими исследованиями, проводимыми с использованием его теста в Западной Германии (Гамбург, Берлин, Мюнхен). С 1966 постоянно живет и работает в Швейцарии.

Первая редакция теста, принеся автору мировую известность, опубликована в 1948 году. В 1970 году М. Люшер выпустил объемное руководство к своему тесту. Теория и практика метода излагаются также в таких книгах Люшера, как «Сигналы личности»,

«Четырехцветный человек» и др.

Тестовые цвета были подобраны Люшером экспериментальным путем из 4500 цветовых тонов. Автор, специально подчеркивает, что адекватная диагностика с позиций его метода, возможна лишь при использовании стандартного, защищенного авторским патентом, набора цветовых стимулов.

4.1.1. Структура и процедура теста Люшера

В настоящее время существует два варианта теста: краткий и полный. Краткий вариант ЦТЛ представляет из себя набор (таблицу) 8-ми цветов: — серого (условный номер — 0), темно-синего (1), сине-зеленого (2), красно-желтого (3), желто-красного (4), красно-синего или фиолетового (5), коричневого (6) и черного (7).

Полный вариант ЦТЛ — «Клинический цветовой тест» состоит из 7-ми цветовых таблиц:

1. «серого цвета»
2. «8-ми цветов»
3. «4-х основных цветов»
4. «синего цвета»
5. «зеленого цвета»
6. «красного цвета»
7. «желтого цвета»

В таблицу «серого цвета» входят — средне серый (0; он аналогичен серому из 8-ми цветовой таблицы), темно-серый (1), черный (2; аналогичен 7 из таблицы 8-ми цветов), светло-серый (3) и белый (4).

Таблица 2 полного варианта аналогична 8-ми цветовой таблице краткого варианта теста Люшера.

Таблица 3: темно-синий (I1), сине-зеленый (D2), красно-желтый (O3) и желто-красный (P4). Каждый цвет представлен в таблице по 3 раза (как и цвета последующих таблиц) с целью по парного сравнения цветов испытуемыми. Цвета аналогичны 4-м «основным» тонам таблицы 2.

Таблица 4: темно-синий (I1), зелено-синий (D2), сине-красный (O3), голубой (P4). В этой таблице темно-синий цвет (I1), аналогичен темно-синему в таблицах 2 и 3. Использование одного и того же цвета («основного») в нескольких таблицах ЦТЛ позволяет, с точки зрения Люшера, более глубоко изучить отношение к нему испытуемого.

Таблица 5: коричнево-зеленый (I1), сине-зеленый (D2), зеленый (O3) и желто-зеленый (P4). Здесь, в третий раз присутствует сине-зеленый (D2).

Таблица 6: коричневый (I1), красно-коричневый (D2), красно-желтый (O3), оранжевый (P4). Первый из этих цветов аналогичен 6 из таблицы 2, а красно-желтый (O3) появляется в 3-й

раз.

Таблица 7: светло-коричневый (I1), зелено-желтый (D2), оранжевый с большей долей красного (O3) и желто-красный (P4). В последней таблице ЦТЛ в третий раз повторяется желто-красный цвет (P4).

Цвета ЦТЛ, начиная с таблицы 4, относятся к определенным «цветовым колонкам». Их четыре — по числу «основных» цветов. В «синюю» колонку (I1) входят цвета, обозначенные I1, в «зеленую» (D2) — D2; «красную» (O3) — O3; «желтую» (P4) — P4.

Описание процедуры теста приводится для полного варианта цветового теста Люшера. Суть процедуры тестирования представляет собой ранжирование цветов испытуемым по степени их субъективной приятности (симпатичности). Тестирование проводится при естественном освещении, на цветовые таблицы не должны падать прямые солнечные лучи. Испытуемого просят отвлечься от ассоциаций, связанных с модой, традициями, общепринятыми вкусами и постараться выбрать цвета, только исходя из своего личного отношения.

Первой предъявляется для ранжирования таблица «серого цвета» (номера таблиц, соответствуют порядку их предъявления). Испытуемого просят назвать цвет (или его номер), который ему больше всего нравится из 5-ти цветов таблицы 1. При получении ответа, экспериментатор может закрыть избранный цвет бумажным квадратиком, сходным по цвету с фоном таблицы, и заносит номер цвета в протокол на первое ранговое место (рисунок 4.1.1.1.).

Рисунок 4.1.1.1.

Протокол клинического теста Люшера

Ф.И.О. _____ Пол _____ Возраст _____

1. Таблица 1. (серого цвета)

0	3	1	4	2
---	---	---	---	---

2. Таблица 2. (8-ми цветов)

Выбор №1

2	1	5	3	6	0	4	7
---	---	---	---	---	---	---	---

Выбор №2

5	2	1	6	3	0	4	7
---	---	---	---	---	---	---	---

3. Выбор цвета с помощью окошечка Оценочные числа (3-7 таблицы)

		Колонки				Колонки			
		I 1	D 2	O 3	P 4	I 1	D 2	O 3	P 4
№3	Выбор 1	//	///	/		2	3	1	0
	Выбор 2								
№4	Выбор 1	//	///	/		2	3	1	0
	Выбор 2								
№5	Выбор 1	///	//	/		3	2	1	0
	Выбор 2								
№6	Выбор 1	/	//	//	/				
	Выбор 2	/	///	//		1	3	2	0
№7	Выбор 1	/	///	//		1	3	2	0
	Выбор 2								
Сумма колонок						7	12	6	0
Нормы						3-8	3-8	5-10	3-9
Знаки							+		-

Затем из оставшихся цветов выбирается следующий цвет, который нравится испытуемому. Его номер заносится на вторую позицию. Из трех остальных цветов испытуемого просят назвать самый несимпатичный для него цвет, номер которого экспериментатор ставит на последнюю позицию рангового ряда. Если тестирование направлено на индивидуальную диагностику, то ранжирование последних двух цветов не производится и испытуемый переходит к следующей таблице цветового теста Люшера. При исследовании группы испытуемых необходимо определить места оставшихся 2-х цветов.

В таблице 2 испытуемому необходимо пять раз подряд выбрать симпатичные ему цвета: сначала из 8-ми, затем из 7-ми оставшихся и т.д. Экспериментатор последовательно заносит номера выбранных цветов в протокол на 1-5 позиции рангового ряда. После выбора 5 симпатичных цветов испытуемого следует попросить выбрать из 3-х оставшихся наименее симпатичный цвет, номер которого заносится на последнее место рангового ряда. Из 2-х оставшихся цветов испытуемому необходимо также выбрать менее симпатичный. Номер этого цвета ставится на 7-ю позицию, а оставшийся цвет занимает 6-ю. После проведения тестирования по всем остальным таблицам цветового теста Люшера, экспериментатор снова

предлагает испытуемому проранжировать цвета таблицы 2. Процедура выбора является аналогичной. Второй выбор необходим для выявления типичного для испытуемого отношения к цветам «основной» таблицы, поскольку первый выбор может испытывать на себе влияние ряда побочных переменных. Кроме этого, важную роль в интерпретации результатов играют динамические показатели цветовых предпочтений — их изменения во времени. В кратком варианте также рекомендуется проводить два выбора, а время между ними (5-10 мин.) должно быть заполнено другой деятельностью.

Начиная с таблицы 3 процедура тестирования несколько изменяется. Ранги цветов определяются попарным сравнением цветовых образцов друг с другом. Для этого используется специальное «окошечко» — лист из плотной бумаги с прорезью, позволяющей видеть испытуемому одновременно только два цвета. Цвета на таблицах 3-7 расположены таким образом, что каждый цвет составляет с другими пару (рисунок 4.1.1.2). Испытуемый выбирает, какой цвет из данной пары ему нравится больше, а экспериментатор, ставя черточку в соответствующей таблице протокола, фиксирует сделанный выбор (см. рис. 4.1.1.1). Максимальное число выборов в пользу одного цвета равняется трем, а минимальное — 0. Обычно наблюдается иерархия цветовых выборов (ступенчатый выбор), при которой одному из цветов отдается решающее предпочтение (3 выбора), следующему — 2 выбора и т.д. Возможен и «не ступенчатый» выбор, то есть отсутствие явной иерархии в предпочтениях (см. рис. 4.1.1.1: таблица №6. 1-й выбор). В подобном случае экспериментатору необходимо еще раз повторить с испытуемым ранжирование цветов таблицы. Если и на этот раз ступенчатый выбор не производится, в таблицу «оценочных чисел» протокола вносятся результаты последнего ранжирования цветов данной таблицы.

После завершения тестирования по таблицам 3-7, экспериментатор подсчитывает число выборов в пользу каждого цвета и записывает их количество в таблицу «оценочных чисел». Проведением повторного ранжирования цветов таблицы 2 процедура тестирования завершается и экспериментатор переходит к обработке результатов.

Рисунок 4.1.1.2.

СХЕМА РАСПОЛОЖЕНИЯ ЦВЕТОВ В ТАБЛИЦАХ №3-7.

4.1.2. Обработка результатов тестирования

Обработка результатов полного варианта цветового теста Люшера производится в 3 этапа:

1. Присвоение «функциональных знаков» (таблицы №1-2);
2. Определение сумм цветовых колонок (таблицы №4-7);
3. Построение «куба» (если возможно).

Этап №1. Таблица серого цвета. Первые два цвета таблицы 1 получают знаки «+», а последний — знак «-». Например, +0+3...-2. На этом обработка результатов таблицы 1

заканчивается, и экспериментатор может проводить их анализ, используя таблицы интерпретаций («Оценочные таблицы»), находя соответствующее значение.

Обработка результатов по таблице 2 является сложнее и требует определенного опыта. Существуют два способа обработки. При простом — каждому цвету таблицы 2, в зависимости от его позиции в ранговом ряду, присваивается «функциональный знак». Первым двум — «+» (выраженное предпочтение), второй паре — «х» (отождествление), третьей — «=» (нейтральное, равнодушное отношение), последней — «-» (выраженное отвержение).

Но поскольку процедура цветового теста Люшера требует повторного ранжирования цветов по таблице 2, второй выбор может отличаться от первого. В этом случае используется второй способ, при котором присвоение функциональных знаков считается более точным — «профильный анализ». На рисунке 4.1.3.1 изображены два варианта присвоения функциональных знаков — стандартный и с помощью профильного анализа.

Рисунок 4.1.2.1.
Варианты присвоения функциональных знаков

СТАНДАРТНЫЙ ВАРИАНТ	ПРОФИЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
Выбор №1 2 1 5 3 6 0 4 7	Выбор №2 5 2 1 6 3 0 4 7
2 1 5 3 6 0 4 7	5 2 1 6 3 0 4 7
+ + х х = = — —	+ + х х = = — —
+ + + х х = — —	+ + + х х = — —

Профильный анализ учитывает, какие цвета у испытуемого составили друг с другом устойчивую пару (их обводят кружком), а какие «держатся» отдельно (обводятся квадратом). Например, цвета 3 и 6 — устойчивая пара и это позволяет, несмотря на то, что коричневый, а затем и красный занимают пятую позицию ряда, стандартно оцениваемую знаком «=», присвоить этим цветам знак «х». Выборы отдельных цветов, согласно Люшеру, интерпретируются иначе, чем составивших пару, что также подчеркивает преимущество профильного анализа над стандартным вариантом. Так цвет 5 должен интерпретироваться отдельно, а не в паре с 2, как в случае стандартного варианта (выбор 2).

Кроме присвоения функциональных знаков, процедура обработки результатов по таблице 2 включает и определение ряда показателей, позволяющих экспериментатору точнее проинтерпретировать цветовой выбор испытуемого. Это показатели: «источник тревоги» («А»), «компенсаторное поведение» («К») и «уровень тревоги» («!»).

Знак «А» присваивается, прежде всего, «основным» цветам (1-4), находящимся ниже 5-й позиции цветового ряда. Однако, если после «основного» цвета находится «не основной» (0 и 5-7), он также получает знак «А». Знак «А» присваивается и в том случае, когда какой-либо из цветов уже обозначен знаком «К». Тогда любой цвет, находящийся на последней позиции ряда обозначается знаком «А» (естественно, если он уже не был обозначен, согласно предыдущим правилам).

Показатель «К» выставляется всем не основным цветам, кроме 5, если какой-либо из них находится на одной из первых трех позициях ряда. Знак «К» может получить и «основной» цвет, если он стоит перед цветом, уже обозначенным «К». Кроме того, если какой-либо цвет в ранговом ряду уже был помечен знаком «А», любой цвет, находящийся на 1-й позиции получает значок «К», если ранее он ему уже не был присвоен.

Показатель «!» выставляется «основным» цветам, если они расположены ниже 5-го места: шестое место оценивается одним «!», седьмое — «!!», восьмое — «!!!». Также этим знаком могут помечаться «не основные» цвета, кроме 5, расположенные на первых трех позициях цветового ряда: третья позиция — «!», вторая — «!!», первая — «!!!». Рисунок 4.1.3.2. иллюстрирует применение данных правил.

Рисунок 4.1.2.2. Присвоение показателей «А», «К» и «!»

К К	А А
5 6 1 2 3 0 4 7	
!!	!!

Показатели «А», «К» и «!» позволяют экспериментатору понять происхождение и природу эмоционального конфликта у испытуемого и оценить степень его выраженности.

Цвет, обозначенный «А», показывает, какая фрустрированная потребность лежит в основе конфликта; «К» — способ преодоления фрустрации; «!» — уровень стрессового напряжения. Максимальное количество «А» и «К» — 3, «!» — 12.

Степень «патологии» цветового выбора, отражающая, согласно Люшеру, вероятность неадаптивного, отклоняющегося и плохо предсказуемого поведения, обозначается звездочками («*»), числом не более 3-х. Например, выбор на первые два места ряда пары +7+0 (черный и серый) помечен в таблице интерпретаций тремя «*», что означает максимально высокий уровень риска подобного поведения.

Интерпретация значений цветовых пар и отдельных цветов в зависимости от занимаемых ими позиций в цветовом ряду содержится в «оценочной таблице 8-ми цветов». Кроме нее, при оценке цветовых выборов испытуемого рекомендуется использовать таблицу «актуальных проблем», содержащую интерпретации цветовых пар, составленных из цветов, обозначенных функциональными знаками «+» и «-», т.е. наиболее симпатичных и несимпатичных для испытуемого. Например, +2-7; +5-4 и т.д.

На втором этапе обработки результатов тестирования экспериментатор подсчитывает суммы каждой из 4-х «цветовых колонок» ЦТЛ. При этом, учитываются оценочные числа только таблиц 4-7. Подсчет ведется путем арифметического сложения оценочных чисел этих таблиц по каждой из колонок. Как видно из рис. 4.1.3.1 сумма «синей» колонки составила 7 баллов у гипотетического испытуемого, «зеленой» — 12, «красной» — 6, а «желтой» — 0. В «зеленой»

колонке сумма составила 12, поскольку в 3-х таблицах из 4-х оценочные числа для этой колонки равнялись трем. В подобном случае, если даже какой-либо один цвет «зеленой» колонки получил бы 0 выборов, согласно правилам теста, общая сумма колонки равняется 12.

Минимальная сумма колонки может равняться 0 баллам, как в случае «желтой» колонки, но при этом, не обязательно, чтобы все цвета данной колонки не получили ни одного выбора. Если 3 цвета из 4-х какой-либо колонки не получили ни одного выбора, то сумма этой колонки считается равной 0, независимо от количество набранных баллов в пользу оставшегося цвета.

Для каждой из колонок М. Люшером были рассчитаны нормативные диапазоны значений (см. рис. 4.1.2.1, строка нормы). Так, в нашем случае сумма «зеленой» колонки оказалась выше нормативной, а «желтой» — ниже. Повышенное значение колонки обозначается знаком «+», а не достигающее нижней границы нормы — «-».

Суммы колонок могут быть обозначены одновременно значками «+» и «-» (амбивалентность), если сумма двух самых больших значений колонки превышает сумму выборов оставшихся цветов больше, чем на 3 балла.

Для таблиц с 3 по 7 существуют свои таблицы интерпретаций цветовых выборов, в том числе, и «не ступенчатых». При обработке результатов данных таблиц важно обращать внимание на оценки «основных» цветов, входящих в разные цветовые таблицы. Если разница в количестве выборов одного и того же цвета >2 , это свидетельствует, по М. Люшеру, об амбивалентном отношении к этому цвету и соответственно — амбивалентном характере потребности у испытуемого, символизируемую цветом.

Третий этап. Если одна из колонок теста получила знак «+», а другая — «-», это дает возможность проведение анализа результатов методом «куба». Для построения «куба» подобное условие обязательно. В нашем примере, одна колонка превысила нормативные значения, а сумма другой оказалась ниже нормы. На рисунке 4.1.2.3. изображен «куб», построенный для данного варианта — «+2-4» (повышенная «зеленая» и пониженная «желтая» колонки ЦТЛ).

Рисунок 4.1.2.3. Модель «КУБА»

В «кубе», по мнению Люшера, воспроизводится динамика конфликта. Возникает он в результате «неудовлетворенного притязания» [+], то есть фрустрации потребности, что вызывает первичную защиту или компенсацию фрустрации (-) в виде отказа от данной потребности.

Отказ от удовлетворения потребности приводит к компенсаторному усилению другой потребности, что является вторичной защитой или «компенсацией страха» [+].

Компенсация страха непосредственно связана с «состоянием страха», возникающим в случае неудовлетворения компенсаторно усиленной потребности. Тем самым, вторичная компенсация и страх, возникающий при невозможности ее осуществления маскируют первичную причину конфликта. Психотерапия, направленная на вторичную компенсацию и состояние страха (то есть внешние симптомы конфликта), малоэффективна. М. Люшер рекомендует не начинать с разрушения компенсаторного поведения, т.к. это приведет к актуализации страха. Цветовой тест Люшера, по мнению его автора, дает психотерапевту и клиническому психологу понимание истоков внутриличностных конфликтов, что позволяет построить адекватную конкретному случаю систему психотерапевтических воздействий.

4.1.3. Основы интерпретации цветового теста Люшера

Ядро теоретической концепции М. Люшера составляют два понятия — «структура» и «функция» цвета.

Под «структурой» цвета понимается устойчивое, общее для всех людей, независимо от расы, культуры, образовательного уровня, пола и возраста значение этого цвета. «Структуру» можно назвать «объективной» стороной цветового воздействия. В таблице 4.1.3.1 приводится «структура» 4-х «основных» цветов по М. Люшеру.

Индивидуальный смысл цвета для конкретного человека выражается в «функции» цвета, то есть в характере отношения человека к цвету. В «функции» человеку открывается лишь определенная область «структуры». Метафорически, можно сказать, что «функция» — «точка соприкосновения» человека и цвета. Она определяется, главным образом, состояниями и свойствами самого человека и поэтому «функция» способна их отражать. Зная «функцию» цвета для человека, можно узнать и нечто о самом человеке.

Главными структурными характеристиками цвета являются «концентричность-эксцентричность» и «автономность — гетерономность». Надо отметить, что концепция «структуры» цвета М. Люшера сложилась, во многом, благодаря влиянию Гете и Кандинского, в частности, и многие из данных характеристик можно найти в их учениях о цвете.

«Концентричность — эксцентричность» означает направление «движения цвета» (см. В. Кандинский):

1. от человека к центру («домик улитки») — концентрическое, центростремительное движение, влекущее человека за собой — принцип синего. Психологически это означает покой, удовлетворение, пассивность и т.д.; противоположно ему эксцентрическое, центробежное движение навстречу человеку — принцип желтого. С ним связаны экстенсивность, поиск, стремление к изменениям, неудовлетворенность настоящим и устремленность в будущее.

Синий и желтый составляют диадку, два противоположных полюса — «эксцентричность» и «концентричность».

Таблица 4.1.3.1.

Структурные значения «основных цветов»			
Темно-синий	Сине-зеленый	Красно-желтый	Желто-красный
Концентричный	Концентричный	Эксцентричный	Эксцентричный
Гетерономный	Автономный	Автономный	Гетерономный
Вложение	Оборона	Наступление	Проекция
Глубина чувств	Волевое напряжение	Волевой импульс	Живость чувств
Покой	Настойчивость	Возбуждение	Перемена
Удовлетворенность	Утверждение	Желание	Раскрытие
Чувство	Владение	Завоевание	Надежда
Единение	Гарантия	Переживание	Поиск
Связь	Власть	Действие	Новизна
Любовь	Уважение	Успех	Счастье
Расширение	Сокращение	Активность	Движение
Оральный	Анальный	Генитальный	Визуальный

«Автономность — гетерономность» отражает, «характер» цвета, его «силу» и «доминирование»: «автономность» — означает независимость от внешних влияний и способность самому оказывать влияние. По М. Люшеру, это качество присуще красному и зеленому, в противоположность синему и желтому, которым свойственна «гетерономность» — т.е. зависимость от внешних влияний. На психологическом уровне «автономность» отражает самоопределение, произвольность, самостоятельность, а гетерономность — уступчивость, компромисс, покорность, избегание.

Цвета в тесте Люшера были подобраны таким образом, чтобы могли одновременно проявиться оба этих измерения. Поэтому, в качестве «основных» Люшер выбрал не чистые тона, а смешанные. Например, в сине-зеленом (2) синий «вносит» «концентричность», а зеленый — «автономность», что порождает соответствующую структуру цвета. По этим качествам цвета составляют пары, в которых общее свойство «усиливается», а различия «уравновешиваются», но и создают «внутреннее напряжение». Так, красный и зеленый (3 и 2) — «автономная» пара, «сильное» сочетание, выражающая достижения, власть, доминирование и пр. Вместе с тем, зеленый «сдерживает» красный ограничивает его эксцентричность и стремление к новым «завоеваниям» Красный, в свою очередь, «тормозит» зеленый, не позволяет ему оставаться пассивным и «самодовольным» и «соблазняет» возможностью новых «владений».

Красный и желтый «понимают» друг друга как два «эксцентричных» цвета, они — пара «горячих коней», стремятся к «завоеваниям» новых территорий. Но желтый «безалабернее» красного, у него нет конкретной цели, кроме, как постоянного движения. Его нельзя «удовлетворить», он готов «бежать» бесконечно от чего угодно и куда угодно. Поэтому Люшер связывает с ним понятие «холостого хода», иллюзорные надежды, вечно удаляющийся горизонт. Желтый придает красному экспансивность, а красный «направляет» желтый к реальным достижениям.

Зеленый и синий составляют «концентричную пару». Между ними существует «согласие» в

том, что лучше сохранить уже имеющееся, чем претендовать на что-то новое. Синий «идет» вглубь, это цвет — «интроверт», «созерцатель», для которого важнее внутренние богатства, чем внешняя мишура. Он пытается преодолеть «тупое самодовольство» зеленого, который вообще не «хочет» никуда «идти», а оставаться на месте. Зеленый сдерживает движение синего вглубь, поэтому их сочетание выражает спазматическое состояние.

Синий и желтый друг в друге усиливают «гетерономность», но они направлены в различные стороны, поэтому данная пара выражает лабильность, изменчивость чувств и настроений — от эйфории до глубокой печали. Их единство в том, что они не находят довольства в самих себе в отличие от зеленого и красного, а стремятся найти более полное удовлетворение, но различными путями. Глубина синего и поверхностность желтого, самоуглубление и стремление объять весь мир — два полюса подобного поиска.

Контрастные по этим измерениям пары: синий и красный, желтый и зеленый лишь частично приводят к гармонии противоположно направленных тенденций.

Гармония синего и красного в способности получать удовлетворение от желаний. «Ненасытность» красного, который стремится всегда быть первым, находит свое разрешение в синем, готовым довольствоваться малым, и дающим возможность «почувствовать» красному реальность его достижений. Без синего, красный напоминает честолюбивого человека, который всем постоянно доказывает, что он самый лучший, богатый, сильный, счастливый и т.д. Красный с синим выражает не только хотение, но и способность получать удовлетворение от достигнутого. В свою очередь, синий без красного лишается реального, жизненного источника удовлетворения и вынужден, наподобие ангелов, «питаться» лишь амброзией. Красный, следуя логике Люшера, — «гуляка», «бретер», «Дон Жуан» или «алчный хвостун» по цветовой классификации типов личностей Люшера (1977). Синий — тип аскета, монаха, своеобразного «небесного ангела», согласно той же классификации.

Относительная гармония желтого и зеленого заключается в том, что желтый «дает» зеленому видение перспективы, новых возможностей, а зеленый желтому — чувство реальности, возможности достижения и реализации «планов» желтого. Без зеленого, желтый «парит» и «строит» воздушные замки, а зеленый, без желтого, подобно «собаке на сене», только хранит то, что уже имеет, чванливо «уверенный» в своих «природных достоинствах» и праве. Желтый, по классификации Люшера — тип «фантазера», «мечтателя», витающего в облаках, расточающего свои силы в иллюзорных предприятиях, легко воодушевляющегося беспочвенными, на взгляд «реалиста» зеленого, прожектами. КПД «желтого типа», как правило, крайне низок, свои дела он не доводит до конца, потому, что всегда находится что-то новое и более интересное. Зеленый — тип «консерватора», «чванливый павлин», по классификации Люшера, избегающий любых нововведений, которые могут поставить под сомнение его высокую репутацию. Он самодовольно «важен» и «неприступен», держится традиций и добропорядочен, не делает ничего предосудительного и неожиданного с точки зрения здравого смысла. Для «зеленого типа» самое важное — достичь определенного статуса, когда можно покойно «почивать на лаврах». Зеленый «завистлив» к успехам других, но в отличие от «красного типа», который будет лезть «из кожи вон», чтобы доказать свое превосходство, «тип зеленого» способен лишь брюзжать и жаловаться на несправедливость

судьбы. Он дает отпор только, когда дело касается лично его, в противном случае остается безразличным.

Но каждый из «основных» цветов имеет и свою оборотную сторону. Если «лицевая сторона» цвета — это активная, наступательная тактика поведения, то вторая — оборонительная.

Невозможность проявления «красного поведения» порождает в качестве способа защиты от фрустрации «несчастливого страдальца» (-3). «Несчастный страдалец» — вторая ипостась красного, «тень» «алчного хвастуна», который испытал крушение и лишился своих владений. Ему уже не рады и гонят прочь, а сам он лишился своей силы. Удача отвернулась от «несчастливого страдальца». Другие ездят в шикарных автомобилях, сорят деньгами, любят и развлекаются, а он оказался на обочине с ощущением беспомощности. Ему остается только обижаться на весь мир, жалеть себя и по детски отвернуться лицом к стенке или уткнуться в подушку. От великодушия победителя не остается и следа, на первом плане — раздражительная слабость и быстрая утомляемость. Вчера было «море по колено», а сегодня — невозможность выполнить самое простое. Поведением движет отчаяние, поэтому действия, нередко, безрассудны. От прежнего красного остается стремление привлечь к себе внимание, но другим способом — «пусть они увидят, как мне плохо, как я страдаю». Чтобы этого достичь, используются слезы, истерики и суициды.

Оборотная сторона «ангела» (+1) — «дьявол» (-1). Такого человека ничто не может удовлетворить, он ненасытен и раздражен. Чтобы получить маломальское удовлетворение, ему надо много съесть, выпить, вступить в большое количество половых связей и т.п. Но проходит короткое время, и все возвращается «на круги своя». Не умея признаться себе, что «корень зла» лежит в нем самом, становится неутомимым критиком, подвергающим все сомнению и разрушающим основы. Скука преследует его по пятам. В постоянном поиске удовлетворения, он рвет отношения, находит новых друзей и тут же теряет их, увлекается и вновь остывает. Меняются места работы, жительства, семьи, а сам он не изменяется, оставаясь таким же неудовлетворенным и раздраженным, как и ранее. Для него становится невозможным надолго на чем-то сконцентрироваться, чему-то посвятить себя, чем-то всерьез увлечься, т.к. ему не достает самоотверженности. Отдать себя другому для него немыслимо — «пусть они первые сделают что-то для меня», заявляет он в подобном случае. Но «раздраженный дьявол» не ценит уступок других, подозревая свое окружение в неискренности и каких-либо тайных умыслах. Скорее, подобное встретит с его стороны сарказм и смех, чем чувство благодарности. В конце концов, он приходит к выводу, что он «один, как перст», несмотря на то, что его ближние могут любить его и искренне сочувствовать. После долгой погони за удовлетворением, «раздраженный дьявол», нередко впадает в депрессию.

«Чванливый павлин», когда не может быть «павлином», становится «изворотливой змеей» (-2). Тайное сомнение в себе постоянно гнетет «змею». То, что было так нехарактерно для «павлина» — сомнения в своей важности и значимости, неотступно следуют за «змеей», как ее хвост. «Змея» пытается надуваться, как павлин, но страх, что окружающие заметят обман не дает ей павлиньего покоя. И тогда она прибегает к «змеиной тактике» — укусам исподтишка, тайным интригам и сведению счетов. «Да, я плохая» — иногда признается себе

«змея», «но ведь весь мир таков». «Немного яду, совсем не повредит» — решает она для себя. Она может быть «ласковой», улыбочивой и услужливой, но рано или поздно окружающим придется испытать на себе остроту ее зубок. Причем, укус может быть совершен с самой обворожительной улыбкой и возможным почтением. Это тип колдуньи из сказки «Спящая красавица», вечно сомневающейся в своем первенстве. «Змею» можно «усыпить» лаской или лестью, но как правило, ненадолго. «На самом деле, они так не думают» — догадывается «змея», — «ну что ж, в следующий раз, мой укус будет значительно больнее». Чувствуя свою несостоятельность, но скрывая ее от других, «змея» отказывается от какой-либо ответственности и серьезных поручений, но, при этом, создает впечатление, что, если бы дело поручили ей, она справилась лучше других. С этой целью она любит «ставить палки в колеса» и высмеивать неумелость окружающих. Но у нее найдется масса предлогов, чтобы увернуться от того, что она считает для себя нежелательным. «Прижать ее к стенке» — дело, практически, бесперспективное. Она ловко вывернется и «выйдет сухой из воды». Опасность «змеи» надо ждать, прежде всего, со стороны себя самой. Если окружающие стойко переносят все ее «укусы», то, в конце концов, она обращает свой «яд» на себя. Чтобы избавиться от гнетущего чувства собственной неполноценности, «змея» может пуститься в «загулы», находя забвение в спиртном, наркотиках, сексе и пр.

Неудавшийся «фантазер» (+4) трансформируется в «закованного в латы рыцаря» (-4). Ранее лелеемые мечты и надежды, как старый хлам, выкинуты прочь. Прежнее воодушевление сменилось разочарованием. «Как же я был раньше слеп, как я мог так обмануться» — думает «рыцарь» и решает вообще отказаться от каких-либо надежд и мечтаний, чтобы еще раз не попасть впросак. Если это у него получается, то перед нами самый «трезвый» человек, который ни за что ни пустится в какую-либо авантюру. Однако за это «рыцарю» приходится расплачиваться самоограничением. Он «запрещает» себе увлекаться, но за его стальными латами, незаметно для него самого, зарождается новая мечта. Обнаружив это, «рыцарь» начинает осторожно взращивать ее, сохраняя в тайне от окружающих. Если раньше он разбрасывался планами и надеждами, хотел поспеть куда только возможно, то теперь он — верный страж одной, но чрезвычайно значимой для него идеи. Верность идее постепенно переходит в фанатизм. Прорези его шлема позволяют смотреть лишь в одном направлении. Все остальное как бы не существует для «рыцаря». Любое посягательство на свою сверхценную идею он воспринимает, как вызов на поединок, и готов биться за нее до конца. «Одна, но пламенная страсть» становится судьбой рыцаря. Вместе с любовью крепнет и ревность, растет нетерпимость к критике. В конце концов, «рыцарь» становится рабом своей идеи, не может расслабиться и снять свои латы, так как это будет означать измену, которую настоящий «рыцарь» никогда себе не позволит и не простит. В психиатрии подобное положение дел классифицируется как паранойяльность, а в быту — «ослиное упрямство». Если объектом страсти становятся деньги, — перед нами «скупой рыцарь»; прекрасная Дульцинея — Дон Кихот; наука — непризнанный гений и т.д.

Чтобы глубоко охарактеризовать личность, необходимо выяснить ее «наступательную» и «оборонительную» тактики. Так «алчный хвостун» часто «выбирает» себе в дополнение поведение по типу «раздраженного дьявола», а «небесный ангел» обручается с «несчастливым страдальцем», «павлин» с «рыцарем» и т.д.

Все это примеры дисгармоничных, невротических личностей, т.к., согласно Люшеру, здоровая личность гармонично сочетает в себе потребности, символизируемые «основными цветами» и способна к нормальному их удовлетворению.

Такая личность в концепции Люшера называется «4-х цветным человеком». Ее 4 базовые потребности — самоотдача, без трагического самопожертвования «небесного ангела» и любовь к себе, без беспредельного эгоцентризма «раздраженного дьявола» (синий); самоуважение, без чванства «павлина» и комплекса неполноценности «змеи» (зеленый); достижения, стремление к успеху, без ненасытности «хвастуна» и беспомощности «страдальца» (красный); самораскрытие, без расточительности «фантазера» и сверхзащиты «рыцаря» (желтый).

Диагностика с помощью цветового теста Люшера данных типов личности возможна через определение функции цвета для испытуемого, причем «анализ куба» имеет значительные преимущества в этом плане, чем оценка «функций» цвета по 8-ми цветовой таблице.

В таблице 4.1.3.2. приводятся психологические интерпретации личностных особенностей испытуемого, исходя из наблюдаемой «функции» цвета, а таблице 4.1.3.3. представлены интерпретации для «не основных» цветов, описание их «структуры» или темы.

Таблица 4.1.3.3.

Ф-я	Цвета			
	Синий	Зеленый	Красный	Желтый
«+»	Стремление к покою. Интенсивная потребность в приятном общении и удовлетворении, стремление к гармонии, чувствительность	Напряжение воли. Само-утверждение, тщеславие, спонтанное желание играть определенную роль.	Стремление к эмоциям. Активное участие и высокая активность.	Восприятие возбуждения для разрядки напряжения. Ожидание встреч, раскрытие, суетливость, бегство от проблем, иллюзорное ожидание будущего.
«х»	Готовность к покою без напряжения, приятным отношениям и удовлетворению	Само-определение, самообладание.	Застой, досада, раздражаемость.	Готовность к контактам
«=»	Поверхностные связи и отношения	Низкий уровень притязаний, пассивное отношение к	Нервная раздражимость, нуждается в бережном	Критическое отношение к выбору контактов и

		социальному порядку.	обращении, отсутствие желаний.	увлечений.
«-»	Беспокойство, суетливость, отсутствие глубоких «сердечных» связей, неудовлетворенность отношениями с партнером и своей деятельностью.	Ограничение само-выражения, защитное напряжение, отказано в признании. Окружающие воспринимаются как оказывающие жестокое, бессердечное давление, принуждающее делать не желаемое.	Сверх-раздражимость, ощущение своей слабости, чувство беспомощности. Обижен, с трудом справляется с делами. Утомлен и плохо ориентируется в окружающей обстановке.	Беспокойное ожидание. Тематическая фиксация, ограничение самораскрытия. Скованность, пере-возбуждение

Функция «+» в таблице 2 цветового теста Люшера означает усиление потребности, выражаемой данным цветом, «х» — переживание состояний, связанных с ее удовлетворением, «=» — неактуальность потребности на данный момент, «-» — невозможность или нежелательность удовлетворения потребности, а следовательно ее фрустрацию и связанную с этим первичную защиту или «оборонительную» тактику поведения, тогда как, цвета с функцией «+» отражают «наступательную» тактику и вторичную компенсацию.

В норме, «основные» цвета не должны находиться ниже 5-ой позиции цветового ряда, а «не основные», кроме фиолетового, — выше 4-ой.

Таблица 4.1.3.3.

Тема	Серый	Фиолетовый	Коричневый	Черный
Структура	Отношение к коллективу, интеграция	Сенсибилизация. Магическо-эротическое отождествление.	Физические потребности организма.	Отношение к абсолюту (авторитет, судьба, смерть).
Ф-я «+»	Отгора-живание, осторожная сдержанность, замкнутость, скрытность, социальная изоляция.	Стремление очаровывать, чувственность, внушаемость.	Регресс к физическим потребностям, бегство от проблем.	Выражение протеста, негативизм, импульсивно-агрессивное поведение.
«х»	Ограниченная эмоциональная готовность к контактам. Отключение.	Чувственность.	Потребность в комфорте и физическом удовлетворении.	Протест и уход от партнера или ситуации
«=»	Эмоциональная готовность к	Сдерживает свои чувства.	Разрядка физических	Способность терпеть

	общению. Заинтересованность в социальных отношениях.	Рефлексия чувств. Щепетильность. Чувствительность и обидчивость.	потребностей.	ограничения, идти на компромиссы. Соглашается с условиями.
«-»	Эмоциональная возбудимость, стремление к социальному успеху.	Подавление чувствительности, контроль чувств. Эстетическое, этическое или логическое стремление к порядку.	Подавление, вытеснение или торможение физических потребностей.	Отклонение помех и ограничений, игнорирование угрозы, предприимчивость.

Появление «не основных» цветов, кроме фиолетового, на первых 3-х местах 8-ми цветовой таблицы является свидетельством личностного конфликта, компенсаторного поведения и т.д. В этом плане, особенно должно обращать на себя внимание функции «+» и «х» для черного цвета.

«Цветовая типология» личностей М. Люшера, во многом, переросла ЦТЛ и не является только интерпретацией результатов теста. Концепция «4-х цветного человека» — самостоятельное учение, в котором Цветовой тест Люшера играет роль практического метода, но его механическое использование не может заменить опыта эксперта. При отнесении личности к тому или иному «цветовому типу», кроме цветовых предпочтений, немаловажную, а в ряде случаев и решающую роль играет оценка поведения личности.

4.1.4. Тест Люшера — «За» и «Против»

С момента появления цветového теста Люшера прошло почти полвека. За свою историю тест получал самые разные оценки: от восторженных, до уничтожающих. Возможно, это — судьба каждого оригинального психодиагностического метода.

В настоящее время преобладает осторожное отношение к Цветовому тесту Люшера. Основным объектом критики является теоретическая часть методики. По мнению критиков ЦТЛ недостает «строгой научности». В этом упрекает М. Люшера R. Meili (1960), считающий, что необходимым условием использования ЦТЛ на практике является тщательная научная разработка его основ. J. De Leeuw (1957) оценил теорию Люшера, как «неприемлемую», но отметил, что эмпирические данные, полученные с помощью ЦТЛ в работах W. Furrer (1953) представляются ценными и интересными. С.М. Braun, J.L. Bosta (1979) однозначно жестко оценивают Цветовой тест Люшера, как неадекватный диагностический инструмент.

В ряде других работ (С. Freuch, В. Alexander — 1972; М.А. Pollatschek — 1977; L.V. Corotto — 1980; В. J. Levy — 1984), наоборот, указывается на то, что с помощью Цветового теста Люшера возможен достоверный анализ личности человека, его эмоционально-мотивационной сферы.

J.L. Bassano (1977) провел факторный анализ совокупности параметров описания личности с помощью ЦТЛ в психосоматическом аспекте. Было обследовано 230 испытуемых в возрасте от 23 до 35 лет обоего пола. В исследовании использовались также опросники ММРІ и Айзенка, шкала тревоги Тейлор, ряд психофизиологических проб, в частности, электроэнцефалограмма (ЭЭГ). Для статистической обработки из Цветового теста Люшера были взяты только показатели «А», «К» и «!», а также «А» +» К» — «актуальная проблема».

Было показано, что данные параметры ЦТЛ, в целом, составляют самостоятельный фактор описания личности, не пересекающийся, в основном, с ее «клиническим» описанием (ММРІ и др. методы). Из этого был сделан вывод, что Цветовой тест Люшера мало информативен при изучении «клинической» личностной патологии. Вместе с тем, отмечено, что данные показатели ЦТЛ способны отражать конфликт, возникающий в результате социального давления на «Эго» субъекта, который в ММРІ измеряется с помощью шкал валидности результатов — «К» («коррекции» или «эго-силы») и «F» — («достоверности» или «социальной адаптации») через их соотношение между собой, а также шкалы латентной тревоги Тейлор.

Большинство замечаний в адрес цветового теста Люшера со стороны практических психодиагностов связаны с тем, что он «слабо коррелирует», как в выше приведенном случае, с имеющими «стойкую репутацию» методами. Ряд практиков озабочены тем, что ЦТЛ «не может заменить» более громоздкие и трудоемкие тесты, типа того же ММРІ. Но почему Цветовой тест Люшера должен что-либо «заменять», тем более, что он создан на основе других теоретических позиций? Важно помнить, что любой тест ими изначально ограничен и глобальная экстраполяция получаемых результатов на смежные области ничего, кроме недоразумений и снижения эффективности психодиагностики, не приносит. К примеру, использование ММРІ при исследовании психически здоровых испытуемых, часто дает просто курьезные результаты, но это не означает, что данная методика вообще не работает.

Продуктивная критика цветового теста Люшера должна осуществляться с позиций самого этого метода, а не с позиций других, теоретически далеких от него подходов.

В основном, с теоретическими основами ЦТЛ несогласны представители ортодоксального бихевиоризма и ряда близких ему направлений в психологии, ставящие во главу своих концепций фактор научения. Для них уже неприемлемо первое и главное положение Люшера о независимости психологического значения цвета для человека от научения. Признать это, означало бы перечеркнуть собственные теоретические положения. Вторым моментом является особый, метафорический язык описания Люшера. Он воспринимается как «несерьезный» и «ненаучный». Подобная оценка отражает господство в представлениях критиков Люшера «объективной», механистической точки зрения на психику, проявляющейся в вере, что психику можно описать понятиями и категориями того же типа, что используются в естественных науках. Но только объективный подход к психике, как смогли убедиться в этом многие психологи, не позволяет понять психическую деятельность «изнутри», проникнуть в ее «святая святых» — субъективный мир человека.

М. Люшер сторонник альтернативного, многим непривычного языка описания психического.

И огульную критику данного языка можно сравнить с критикой одного носителя языка другим, на основании того, что «этот язык не такой, как мой, он мне не понятен, а следовательно — плох».

В чем, на наш взгляд, можно продуктивно критиковать М. Люшера? Например, вызывает сомнение однозначность процедуры цветового ранжирования, как единственно возможного способа выявления типа отношения к цвету, а следовательно и — «цветового типа» личности. Нам кажется, что М. Люшер сам понимает ограниченность такого подхода и в своей книге «4-х цветный человек» (1977) делает акцент на распознавании данных типов методом экспертного наблюдения, а не цветовых выборов.

Само психологическое содержание цветовых предпочтений остается далеко не ясным, как это было показано в предыдущих главах пособия, что требует дополнительных исследований.

«Цветовая типология» личностей нуждается в дополнительной верификации, но не с помощью других психодиагностических методов, а через полевые наблюдения, экспертную оценку, самоотчеты испытуемых и т.д.

Нельзя считать исчерпывающим список диагностических показателей ЦТЛ, предложенных М. Люшером. Возможно, что одной из причин небольшого числа взаимных корреляций ЦТЛ с другими методиками, является ограниченное число диагностических показателей теста Люшера.

Как уже отмечалось во второй главе, нами в совместной работе с И.И. Кутько (1997) были введены дополнительные показатели в обработке результатов тестирования — «цветовые коэффициенты», представляющие собой количественное выражение соотношений предпочтений «основных» цветов ЦТЛ к друг другу. Получаются они путем вычисления соотношения сумм «основных» цветов (среднее арифметическое рангов «основного» цвета по тем таблицам цветового теста Люшера, где он находится). Было выяснено, что соотношения сумм «основных» цветов являются константами для определенных акцентуаций характера, а, следовательно, позволяют осуществлять дифференциальную диагностику характерологических типов.

Наш опыт работы с тестом Люшера показывает, что при надлежащем уровне понимания теоретических основ данной методики, ЦТЛ является мощным и уникальным средством изучения личности человека, а не игрушкой для салонных развлечений.

4.2. Тест цветных пирамид

Данный тест, созданный в 1952 году Р. Хейсом и Г. Хилтманом на основе работ М. Пфистера (поэтому он может называться еще и тестом Пфистера) не получил столь широкого распространения и известности, как Цветовой тест Люшера. В бывшем СССР, как отмечают Л.Ф. Бурлачук и С.В. Морозов (1989) не проводилось исследований с применением этой методики.

Основным принципом теста, как и в Цветовом тесте Люшера, является констатирование

связи между субъективным предпочтением цвета и личностными особенностями человека, в том числе и интеллекта.

Процедура теста заключается в оклеивании цветными квадратиками (всего 24 цвета) 3-х или большего числа схем-протоколов пирамид, содержащих 15 пустых квадратов.

Оценка результатов включает подсчет частоты выборов основных тонов, без учета оттенков. По количеству использованных и не задействованных цветов в пирамидах определяется широта сферы эмоционального реагирования испытуемого.

По форме пирамиды (характеру оклеивания ее цветами) выносятся суждения об интеллектуальных особенностях личности.

Как указывают Л.Ф. Бурлачук и С.М. Морозов, вопрос о валидности и надежности теста цветных пирамид остается открытым.

4.3. Цветовой тест отношений (ЦТО) Е.Ф. Бажина и А.М. Эткинда

ЦТО является клинико-диагностическим методом, предназначенным для изучения эмоциональных компонентов отношений личности (Е.Ф. Бажин и А.М. Эткинд — 1985).

Теоретической основой ЦТО, согласно авторам, являются концепция В.Н. Мясищева структуры отношений человека (1960), идеи В.Г. Ананьева об образной природе психических структур любого уровня и сложности, а также взгляды А.Н. Леонтьева относительно чувственной ткани сознания.

Методической основой Цветового теста отношений является цветоассоциативный эксперимент, базирующийся на гипотезе отражения существенных характеристик невербальных компонентов отношений к значимым другим и к самому себе в цветовых ассоциациях к ним.

Методика оценивается ее авторами как проективная, так как согласно получаемым результатам, позволяет выявлять неосознаваемые компоненты отношений, минуя механизмы психологической защиты.

В качестве стимульного набора в ЦТО используется 8-ми цветовая таблица Цветового теста Люшера.

Стандартная процедура проведения Цветового теста отношений состоит из 4-х этапов.

1. Определение лиц, предметов и понятий, играющих в жизни испытуемого существенное значение. В каждом конкретном случае их список может варьировать. Чаще всего, в него входят — «я сам», члены семьи, сотрудники по работе, «прошлое», «настоящее» и «будущее», «болезнь» и «врач», если обследуется больной и т.д. В принципе, как и в случае «СД» (семантического дифференциала), ограничений для внесения в список элементов оценки тех или иных понятий, кроме их значимости для испытуемого, нет.

2. Этап тестирования. Возможны два его варианта: диагностический и исследовательский. В первом случае, испытуемого просят выбрать (один-два) наиболее подходящие к данному лицу, предмету или понятию цвета. Во втором, — испытуемому необходимо проранжировать все цвета 8-ми цветовой таблицы по степени соответствия, содержащимся в списке лицам, предметам и понятиям.

После завершения цветового ассоциирования, испытуемый ранжирует цвета 8-ми цветовой таблицы согласно стандартной инструкции ЦТЛ. Этап интерпретации результатов. Он основывается на двух процедурах:

А) Проводится сопоставление цветов, ассоциируемых испытуемым с определенными лицами, предметами и понятиями, с их ранговым местом в ряду цветовых предпочтений по Люшеру. Если цвет, использованный для ассоциирования, занимает первые три места в ранговом ряду цветовых выборов, делается вывод об эмоционально положительном отношении к символизируемому им объекту. Средняя позиция цвета (4-5 места) — нейтральное или равнодушное отношение. Последние три места — негативное, конфликтное отношение.

Б) :Интерпретация эмоционально-личностного значения каждой цветовой ассоциации испытуемого, позволяющая судить о содержательных особенностях эмоциональных отношений личности. С этой целью авторами предварительно было проведено изучение эмоционального значения цветов, которое выявило устойчивое и согласованное «ядро» (ср. со «структурой» цвета по М. Люшеру) данных значений у испытуемых различного пола и возраста (см. главу 2). Кроме этого, как отмечают авторы, возможности 4-го этапа могут быть расширены путем привлечения интерпретационной техники ЦТЛ.

С момента опубликования ЦТО с его помощью проведено большое количество исследований, особенно, клинико-психологических. А.М. Эткинд в своей диссертационной работе (1984) апробировал ЦТО на таких клинических группах, как больные неврозами, депрессией, алкоголизмом и др. Результаты этих и других работ А.М. Эткинда подробно описаны в учебном пособии по психодиагностике под редакцией А.А. Бодалева и В.В. Столина (1987).

4.4. Методика цветových порогов

В конце 60-х годов Э.Т. Дорофеевой (1967-70) с рядом соавторов был апробирован и предложен к применению метод верификации или объективации эмоциональных состояний человека путем определения характера изменений цветовой чувствительности. Работы проводились под руководством проф. Ф.И. Случевского.

В основу метода легли данные о связи цветовой чувствительности и эмоционального состояния человека, полученные Л.А. Шварц (1948), сотрудницей проф. С.В. Кравкова (см. главу 2).

Э.Т. Дорофеева предположила, что тот или иной вариант сдвига цветовой чувствительности глаза человека отражает конкретное эмоционального состояние субъекта.

С целью проверки данной гипотезы, было обследовано 470 человек (всего 630 проб), у которых клиническим методом определялись те или иные формы аффективных нарушений. Исследованию подвергались больные различной нозологической принадлежности, но с доминированием в состоянии стойкого, выраженного, определенного эмоционального фона.

Кроме больных, измерения цветочувствительности проводились и у 50 здоровых испытуемых, давших предварительно письменный самоотчет (о своем эмоциональном состоянии), в котором требовалось указать одну из характеристик состояния (доминирующую): грусть, тоскливость, тревожность, настороженность, радость, благодушие, комфорт, раздражение, безразличие, тягостность. Данный набор характеристик соответствовал тем состояниям, которые выявлялись у больных с помощью клинического наблюдения.

Цветовая чувствительность испытуемых определялась с помощью аномалоскопа «АН-59», позволяющего определять разностные (дифференциальные) пороги чувствительности к красному, зеленому и синему цветам. Следует сразу отметить, что исключение из данного списка желтого цвета не могло не обеднить диагностические возможности метода. В связи с этим, ряд исследователей предпочитал использовать цветовые таблицы Рабкина. Необходимость использования аномалоскопа создает известные трудности и является одной из причин недостаточно широкого распространения метода.

В результате проведенных исследований была выявлена зависимость между типом сдвига цветовой чувствительности, выражаемым отношением «больше-меньше» (>, <) порогов цветоразличения красного (К), зеленого (З) и синего (С) цветов между собой, и определенным эмоциональным состоянием. Закономерный характер этой связи подтверждался изменением типа сдвига в зависимости от изменения эмоционального состояния. В таблице 4.4.1. приводятся взаимосвязи между соотношениями цветовых порогов между собой (тип сдвига) и эмоциональным состоянием. Случаи ошибочной диагностики, как отмечает Э.Т. Дорофеева, наблюдались лишь в отношении аффектов, относящихся к одной группе. Причем, визуальная оценка эмоционального состояния была несколько завышенной, чем по данным метода. Так, больной, который визуально оценивался, как «радостный», по данным метода оказывался «легко эйфоричным, благодушным» и т.д. Не было отмечено ни одного случая, чтобы «маниакальная» (1) и «депрессивная» (4) группы аффектов были неправильно дифференцированы.

Таблица 4.4.1.

Эмоциональные состояния (группы аффектов)	Тип сдвига
1. Радостное, «солнечное» настроение	К<З<С
2. Благодушие, легкая эйфория, комфорт	З<К<С
3. Гневливость, раздражение, злобность	К<С<З
4. Печаль, тоскливость, грусть	С<З<К
5. Тревожность, настороженность, страх	З<С<К
6. Чувство неудобства, душевной не уютности, дискомфорт	С<К<З

Э.Т. Дорофеевой отмечается тенденция увеличения степени (количественный аспект) сдвига с увеличением интенсивности эмоций. Это давало надежду не только качественной, но и количественной оценки эмоциональных состояний. Однако увеличение степени сдвига соответственно увеличению интенсивности эмоций продолжается до определенного предела, с достижением которого зависимость меняется на обратную: интенсивность эмоций продолжает нарастать, а степень сдвига — падать (разница между порогами нивелируется, благодаря росту абсолютных показателей всех порогов, но не полностью). Интересно, что наибольшая степень сдвига у одного и того же испытуемого могла наблюдаться не на высоте аффекта, а в период его смягчения. Тем самым, Э.Т. Дорофеева приходит к выводу, что метод цветовых порогов не позволяет дифференцировать эмоции по их силе.

Описанные взаимосвязи Э.Т. Дорофеева трактует как следствие дезинтеграции корковой деятельности при превышении «нормы эмоций», в пределах которой зависимость между степенью сдвига и интенсивностью эмоций носит прямолинейный характер. Само понятие «нормы эмоции» представляет большой интерес, но к сожалению, никак не интерпретируется Э.Т. Дорофеевой.

На наш взгляд, факт, обнаруженный Э.Т. Дорофеевой, можно объяснить, основываясь на данных о связи цветовой чувствительности с деятельностью ВНС, полученных в школе С.В. Кравкова. Доминирование одного из отделов ВНС, связанное с тем или иным эмоциональным состоянием, при превышении определенного порога («нормы эмоций») вызывает компенсаторную активизацию другого, необходимую для поддержания гомеостаза. Это приводит к изменению порогов в противоположном направлении. Какое-то время обе тенденции могут сосуществовать, что приводит к росту всех цветовых порогов, который и был обнаружен Э.Т. Дорофеевой. Рано или поздно одна из тенденций «побеждает», но в патологических случаях, при которых наблюдается извращение деятельности ВНС (в частности, при сильных аффектах), возможен и своеобразный «застой» в динамике цветовых порогов, отражающий дезинтеграцию деятельности ВНС.

Несмотря на свою информативность и экспериментальную ценность, методика Э.Т. Дорофеевой не получила широкого распространения.

Н.К. Плишко (1980) сопоставил тип сдвига цветового порога с функциональным состоянием нервной системы. В таблице 4.4.2. представлены взаимосвязи выявленные Н.К.Плишко. Кроме этого, им же была сделана попытка установить корреляцию между функциональными состояниями НС (методика цветовых порогов) и цветовыми предпочтениями по ЦТЛ.

Таблица 4.4.2.

Функциональное состояние НС	Тип сдвига
1. Аффективное возбуждение (АВ): нетерпение, гнев, ярость (характерно для дисфорий)	$K < C < 3$
2. Функциональное возбуждение (ФВ): эмоции, связанные с удовлетворением	$K < 3 < C$

потребности, радость	
3. Функциональное расслабление (ФР): спокойствие	З<К<С
4. Функциональное напряжение (ФН): настороженность	З<С<К
5. Функциональное торможение (ФТ): эмоции, связанные с неудовлетворение потребности, печаль	С<З<К
6. Аффективное торможение (АТ): «пассивные» аффекты — растерянность, дискомфорт, страх (характерно для глубоких депрессий)	С<К<З

Проекция функциональных состояний НС на цветовые выборы по Цветовому тесту Люшера была проведена Плишко, как на теоретическом уровне (таблица 4.4.3.), на основе гипотезы о лучшем восприятии той части спектра, которая оказывает более выраженное воздействие на НС, так и экспериментальным путем (таблица 4.4.4.), с помощью вычисления усредненных рангов цветов ЦТЛ.

Таблица 4.4.3.

Функциональное состояние	Функция цвета
1. Аффективное возбуждение (АВ)	+3 -2
2. Функциональное возбуждение (ФВ)	+3 -1
3. Функциональное расслабление (ФР)	+2 -1
4. Функциональное напряжение (ФН)	+2 -3
5. Функциональное торможение (ФТ)	+1 -3
6. Аффективное торможение (АТ)	+1 -2

Экспериментальные результаты показали, что связь между функциональными состояниями НС и цветовыми выборами не носит столь однозначного характера. Если ранги зеленого и синего при ФР и зеленого при ФТ соответствуют предсказанному соотношению, то в случае ФВ и особенно — ФТ экспериментальные результаты, скорее, противоположны теоретическим предсказаниям и носят другой характер, чем при проведении методики Э.Т. Дорфеевой. Продуктивное обсуждение результатов Н.К. Плишко, к сожалению, затрудняется тем, что автор не представил данных о достоверности различий в цветовых предпочтениях в зависимости от функциональных состояниях НС и не сообщает, проводился ли учет фоновых цветовых выборов.

Таблица 4.4.4.

	Функциональные состояния			
	ФВ	ФР	ФН	ФТ
Средние ранги цветов				
Серый	6.7	6.2	6.85	7.1
Синий	5.3	5.06	6.35	5.95
Зеленый	2.0	2.12	1.85	2.65
Красный	3.8	3.37	2.6	2.45
Желтый	3.7	3.95	4.65	3.15

Фиолетовый	1.8	2.47	2.15	2.25
Коричневый	5.4	5.03	5.8	5.02
Черный	7.3	7.3	6.8	6.45
Ранговый ряд	52431607	25346107	25346170	53246170
Экспериментальные соотношения	+2 =1	+2 -1	+2 -1	+3 —1

Несмотря на это, подход, предложенный Н.К. Плишко, безусловно, является перспективным, что подчеркивает необходимость новых исследований в данном направлении.

Резюме

Цветовые психодиагностические методики относят к экспресс — методам. В этом понятии, кроме указания на скоростной характер тестирования, неявно содержится и намек на определенную поверхностность данных методов, как чересчур «торопливых». Но, как можно было убедиться, ознакомившись с содержанием заключительной главы, у цветовых методик в большей степени присутствует первое достоинство, чем второй недостаток.

Большинство цветовых тестов классифицируются как проективные методы. Если исходить из того, что «проективный» означает способный выявлять неосознаваемое, то это так, но если рассматривать процедуру цветового ранжирования, то «проективного» в ней совсем мало, если есть вообще, при условии, что понятие «проективный» не толкуется слишком широко.

Важно отметить и такое достоинство цветовой психодиагностики, как ее игровой характер, особенно у методов, основанных на процедуре цветового ранжирования. Это немаловажно там, где больной или здоровый человек настроен негативно по отношению к тестированию и рассматривает вопросные методы в качестве провокационных и «опасных» для себя. Когда такой испытуемый знакомится с цветовым тестом и соглашается на тестирование «этой игрушкой», это не означает, что его негативизм магически устраняется, но разве можно «серьезно» относиться к какому-то там цвету.

Не следует забывать и о не выраженности эффекта привыкания по отношению к цветовым тестам. Это освобождает от проблемы создания эквивалентных форм и т.п. Тестирование цветовыми методике может носить характер мониторинга. Цветовая психодиагностика является эффективным и информативным средством в арсенале практического психодиагноста.

Литература

1. Анастаси А. Психологическое тестирование. т. 1-2, М., 1982.
2. Бажин Е.Ф., Эткинд А.М. Цветовой тест отношений (ЦТО). Методические рекомендации. Л., 1985. 18 с.
3. Базыма Б.А. Исследование отношения к цвету как метода в диагностике эмоциональных нарушений при шизофрении. Диссертация и автореферат на соискание ученой степени кандидата психологических наук. Ленинград, 1991.
4. Блейхер В.М., Крук И.В. Патопсихологическая диагностика. Киев, 1986. 280 с.
5. Бразман М.Э., Дорофеева Э.Т., Щербатов В.А. О дифференциации некоторых эмоциональных состояний методом измерения цветовой чувствительности. //Проблемы

- моделирования психической деятельности. Новосибирск, 1967. с. 171-174.
6. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психологической диагностике. Киев, 1989. 200 с.
 7. Дашков И.М., Устинович Е.А. Экспериментальные исследования валидности шкалы субъективного предпочтения цвета (тест Люшера). //Проблемы моделирования. Диагностика психических состояний в норме и патологии. Л., 1980. с. 115-126.
 8. Дорофеева Э.Т. О возможных критериях распознавания эмоциональных состояний. //Проблемы моделирования психической деятельности. Новосибирск, 1968. вып. 2. с. 279-280.
 9. Дорофеева Э.Т., Карпинский А.М., Случевский Ф.И., Щербатов Б.А. Некоторые пути объективных дифференцировок особенностей эмоционального фона при различных психопатологических состояниях. //Актуальные вопросы клинической психопатологии и лечения душевных болезней. Л., 1969. с. 47-52.
 10. Дорофеева Э.Т. Сдвиги цветовой чувствительности как индикатор эмоциональных состояний. //Психические заболевания. Л., 1970. с. 319-326.
 11. Дорофеева Э.Т., Постников В.А., Плишко Н.К. и др. К проблеме объективации клинических картин психологическими методами исследований. //Психология и медицина. М., 1978. с. 82-88.
 12. Кравков С.В. Цветовое зрение. М., 1951.
 13. Люшер М. Сигналы личности. Воронеж, 1993. 160 с.
 14. Магия цвета. Харьков. 1996.
 15. Марищук В.Л., Блудов Ю.М., Плахтиенко Г.А. и др. Методы психодиагностики в спорте. М., 1984. 192 с.
 16. Плишко Н.К. Особенности сенсомоторных реакций при изменении эмоционального состояния. //Диагностика психического состояния в норме и патологии. Л., 1980. с. 126-134.
 17. Плишко Н.К. О некоторых особенностях выбора цветов и сенсомоторных реакциях на световые стимулы различной модальности при изменении эмоционального состояния. //Диагностика психического состояния в норме и патологии. Л., 1980. с. 135-140.
 18. Руденко В.Е. Цвет — эмоции — личность. //Диагностика психических состояний в норме и патологии. Л., 1980. с. 107-115.
 19. Румянцева А.Н. Экспериментальная проверка методики исследования индивидуального предпочтения цвета. //Вестник МГУ. М., 1986. серия 14. «Психология». N 1. с. 67-69.
 20. Соловьева Е.А., Тутушкина М.К. Психосемиотический подход к проблеме цвета в практической психологии. //Актуальные проблемы современной психологии (Материалы научных чтений, посвященных 60-летию Харьковской психологической школы). Харьков, 1993. с. 429-432.
 21. Урванцев Л.П. Психология восприятия цвета. Методическое пособие. Ярославль, 1981. 65 с.
 22. Шварц Л.А. Изменения цветоощущения в эмоциональных состояниях. //Проблемы физиологической оптики. М, 1948. т. 6. с. 314-320.
 23. Эткинд А.М. Цветовой тест отношений и его применение в исследовании больных неврозами. //Социально-психологические исследования в психоневрологии. Л., 1980. с. 110-114.
 24. Эткинд А.М. Разработка медико-психологических методов исследования эмоциональных компонентов отношений и их применение в изучении неврозов и аффективных расстройств. Диссертация и автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата

психологических наук. Л., 1985.

25. Эткинд А.М. Цветовой тест отношений. //Общая психодиагностика. М., 1987. с. 221-227.

26. Bassano J.L. Le test des couleurs de Luscher dans le profil de descripteurs de la personnalité psychosomatique. Psychol. med., 1977, v. 9-10, p. 1951-1960.

27. Berlin B., Kay P. Basic Color Terms. Berkeley, 1969.

28. Bunham R.W., Hanes R.M., Bartleson C.J. Color: A guide to basic facts and concepts. — N.Y., 1963.

29. Luscher M. Psychologie der Farben. Basel, 1949.

30. Luscher M. Psychologie und Psychotherapie als Kultur. Basel, 1955.

31. Luscher M. The Luscher color test. — L., 1970.

32. Meili R. Lehrbuch der psychologischen Diagnostik. — Bern: Huber Verlag, 1961, 465 s.

33. Nakano M., Jap N. Psychol., 1972. 43(1), 22.

34. Rachman S. Neuzosen-Ursachen und heilmethoden — Berlin: Deutsch. Verlogd. Wissenschaften, 1968. 290 s.

35. Stolper J.H. Color induced physiological response. — Man-En-viron. Syst., 1977. v. 7, n. 2. p. 101-108.